№ 2

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1968

МАРТ — АПРЕЛЬ

В номере

К. В. Наумов. Сатирические неологизмы в публицистике В. И. Ленина. 3
Ф. П. Филин. У истоков русского языка 8

К 100-ЛЕТИЮ А. М. ГОРЬКОГО

В. А. Сиротина. Слово в сатире Горького 15
М. Б. Борисова. Стиль Горького-драматурга 21
В. М. Мокиенко. Каламбуры у Горького 27
Л. А. Тарабрин. Об одном эпитете в романе «Мать» 33
Л. С. Ковтун. Словарь А. М. Горького 36

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

К. И. Елагина. Дмитрий Николаевич Ушаков 39
Д. Н. Ушаков. Московское произношение 43

КУЛЬТУРА РЕЧИ

М. М. Михайлов. О благозвучии русской речи 50
Л. И. Скворцов. Уроки одной дискуссии 57
Е. Т. Черкасова. Здравый смысл и языковая норма 62
В. Я. Булохов. Звуки и буквы в школьном учебнике 65
В. Я. Дерягин. Обличать или обучать? 68

ЗА РУБЕЖОМ

В. Д. «Poradnik językowy» 72
Г. Я. Романова. «Kultura slova» 73

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Г. Я. Солганик. Многотиражные газеты геологов 75

НОВЫЕ СЛОВА
Г. И. Миськевич. Океанавт, гидронавт, акванавт 83
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ
В. В. Лопатин, Б. С. Шварцкопф. Книгочей 86
ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ
А. Б. Долгопольский. Древние корни и древние люди . . . 96
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Ю. А. Бельчиков. Общество любителей российской словесности 109
ИЗ СТАРЫХ КНИГ
«Юности честное зерцало» 114
Почта «Русской речи» 116

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

СТАРИННЫЙ РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ
Март

Этот первый весенний месяц когда-то был на Руси и первым месяцем года (как в римском календаре). Современное русское название *март* восходит к латинскому martius. Римляне посвящали его богу полей и урожая Марсу (богом войны у римлян Марс стал позже).

К нам латинское существительное martius попало через византийско-греческий язык. Здесь оно существовало в двух формах: μάρτιος (точно соответствующая латинской) и μάρτις (несколько преобразованная в окончании). Первая пришла на Русь в форме *марътии*, *мартии*. Но до наших дней она не сохранилась. Уже в древнерусском языке господствующим оказался вариант, восходящий к византийскому μάρτις. На Руси он звучал *марътъ*, *мартъ*, *маротъ*; отсюда и наш привычный *март*.

Именно на базе этого слова герой «Записок сумасшедшего» Аксентий Иванович Поприщин придумал название несуществующего месяца *мартобря*. Оно образовано из наименования *март* и конечной части названий осенних месяцев *брь*. Отсюда ироническое наименование небывалого или несбыточного срока *мартобря* или *в мартобре*, происхождение которого В. И. Даль связывает с именем Гоголя (см. об этом и сходных выражениях в заметке об *октябре*.— «Русская речь», 1967, № 5). М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» дает название этого несуществующего месяца в двух формах: мартóбрий и мартóбрь.

В древнерусских письменных памятниках XII века встречается дохристианское наименование марта — *сухой*: «Маротъ, рекомыи сухыи» (Март, называемый сухой) — Четвероевангелие 1144 года. Оно известно в разных написаниях: сухыи, сухии, сухой.

(Продолжение на стр. 92)

Сатирические неологизмы в публицистике В. И. Ленина

В публицистическом языке *В. И. Ленина встречаются сотни* новых слов. Многие из них пришли из современной речевой практики (раскрестьянивание, обрабочение, совнархоз, комчванство и т. д.). Но большое количество неологизмов создано самим Лениным. Мы рассмотрим те из них, которые направлены на осмеяние и развенчание всего, что так или иначе мешало победе революции в России.

Ленин с необыкновенной чуткостью относился к родному языку, тонко понимал заключенное в слове образно-смысловое содержание, умело пользовался возможностями расширения словарного запаса. Свидетельство тому — все 55 томов «партийных книжек» Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина.

Как правило, Ленин обращается к словотворчеству для разоблачения идейных противников и классовых врагов пролетариата. Новые слова, созданные Владимиром Ильичем, в большинстве случаев несут экспрессивно-разоблачительную, сатирическую функцию.

Ленинское словотворчество опиралось на традиции передовой демократической публицистики 60—80-х годов XIX века. Ленин широко заимствовал, например, новообразования М. Е. Салтыкова-Щедрина: «*пустоутробие*» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 1, стр. 277.— В дальнейшем цитаты даны по этому изданию, первая цифра в скобках указывает том, вторая — страницу), «языкоблудствуют» (2, 244) и др. В рамках сложившейся традиции Ленин употребляет и такие сложные слова, имеющие сатирическую окраску, как «кадетофилы» (13, 307), «кадетолюбие» (16, 431), «кадетоподобные» (22, 367), «судоговорение» (9, 172) и т. д. Однако Владимир Ильич не мог ограничиться накопленным лексическим фондом. Пролетарский этап освободительного движения требовал от публициста поиска новых действенных обличительных средств.

Яркий пример, наглядно раскрывающий сам процесс образования неологизма, мы находим в книге «Что делать?». Разоблачая оппортунистов, преклонявшихся перед стихийностью рабочего движения, принижавших роль социалистического сознания в рабочем движении, Ленин иронически пишет: «В чем же состоит роль социал-демократии..? Не в том же ведь, чтобы тащиться в *хвосте* движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. „Рабочее“ же „Дело“ не только следует

этой „тактике-процессу", но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизмом, а (от слова: хвост) *хвостизмом*» (6, 52). Новообразование возникает на основе уже существующего слова *хвост* плюс суффикс *-изм*. В дальнейшем этот неологизм прочно вошел в публицистический язык.

С помощью суффикса *-изм* Ленин создал еще ряд новых слов. Надо отметить, что суффикс *-изм* образует названия отвлеченных понятий (субъективизм, объективизм и т. д.). Слова с этим суффиксом носят преимущественно терминологический и публицистический характер. Присоединяя этот суффикс к бытовым или просторечным словам, Ленин создает оригинальные, эмоционально окрашенные неологизмы.

Употребление суффикса *-изм* как особой экспрессивно окрашенной лексемы широко практиковалось публицистикой XIX века (например, у Салтыкова-Щедрина: четвертачизм — от *четвертак* и др.). Но даже в тех случаях, когда Ленин заимствует *образование на -изм*, он сообщает ему новый оттенок, заставляет служить целям борьбы против буржуазной идеологии.

В статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» говорится, что эсеры обнаруживают «самый обыкновенный глупизм» (17, 348). В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин характеризует махизм как «сплошной буржуазный шарлатанизм» (18, 231). В работе «Еще одно уничтожение социализма», критикуя профанацию Петром Струве политической экономии, Ленин говорит, что это идет от «буржуазного отчаяния и „наплевизма"» (25, 44).

Если неологизм «хвостизм» выражает новое понятие, дает точное определение одной из разновидностей оппортунизма и без него трудно обойтись, то «глупизм», «шарлатанизм» и «наплевизм», казалось бы, можно передать обычными словами, не видоизменяя их с помощью суффикса *-изм*. Например, почему не сказать: эсеры обнаруживают «самую обыкновенную глупость» вместо «самый обыкновенный глупизм»? Но дело в том, что в конце XIX и начале XX века появилось множество так называемых «новых» философских учений, противостоящих материализму, таких, как эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д. Ленин не мог говорить о них без насмешки. В «Материализме и эмпириокритицизме» он писал о крупном физике и мелком философе Анри Пуанкаре, «ошибки которого П. Юшкевич объявил, разумеется, последним словом новейшего позитивизма, до такой степени „новейшего", что даже понадобился еще новый „изм": эмпириосимволизм» (18, 170). «Изм» в ленинском употреблении не только словообразовательный суффикс, но и самостоятельный неологизм. Он означает игру в новые словечки и мудреные термины. Всевозможные «измы» используются буржуазными учеными для того, чтобы прикрыть реакционность псевдоученых рассуждений, обмануть трудящихся.

«Глупизм», «шарлатанизм» и т. п. не просто глупость и шарлатанство.

Нет, это глупость и шарлатанство, надевшие на себя личину глубокомыслия и добропорядочности, жонглирующие словесными вывертами и фальшивыми аргументами.

Ленин широко пользуется суффиксами субъективной оценки как средством смыслового и стилистического видоизменения значений слов. Целям создания оценочно-сатирической экспрессии служат такие формы с уменьшительными суффиксами: «контрреволюционные идейки» (3, 16), «благонамеренный буржуйчик» (5, 161), «модное средствице» (6, 396), «дворянчик» (7, 169), «интеллигентики» (9, 252), «журнальчик» (20, 210) и др. Уменьшительные суффиксы во многих случаях придают словам не только экспрессивную окраску, но и образность. Например, Владимир Ильич образует слова «либералишко» (9, 171) — от «либерал» и «писачки» (16, 159) — от «писаки». И одно и другое представляют собой лаконичные сатирические образы. Комический эффект здесь возникает потому, что эти слова не принято употреблять в уменьшительной форме, хотя такое употребление не противоречит законам русского языка. И «либералишко» и «писачки» воспринимаются как новообразования.

Интересный пример префиксального образования неологизма содержится в заметке «Образованные депутаты». Ленин иронизирует над октябристом Люцем, заявившим на заседании Думы, что рабочие депутаты своим запросом о ленских событиях стремятся «будировать чувства рабочих для того, чтобы их поднять на какие-нибудь эксцессы». «Образованный» депутат не почувствовал нелепости словечка *будировать* в этом контексте. Владимир Ильич пишет: «Французское слово „bouder“, передаваемое русским „будировать“, означает — сердиться, дуться. А г. Люц, очевидно, производит это слово от „будоражить“, или, может быть, „возбудить“. Как смеялись гг. буржуазные депутаты и буржуазная пресса, когда в I Думе один крестьянин употребил слово „прерогативы“ в смысле „рогатки“! А между тем ошибка была тем простительнее, чем разные „прерогативы“ (т. е. исключительные права) господствующих являются на самом деле рогатками для русской жизни. Но образованность г. Люца не „возбудировала“ смеха его образованных друзей и их печати» (23, 60). Высмеивая французски-нижегородское словоупотребление, Ленин создает неологизм, обладающий сатирической экспрессией, которая возникает в результате присоединения русской приставки *воз-* к французскому словечку *будировать*.

Неологизм «возбудировать» не просто шутка. Словоновшество это могло родиться только в определенном контексте. С точки зрения русского языка оно неграмотно, но внутренне оправдано авторской установкой на разоблачение а-ля французского жаргона. Неологизм воспринимается нами в связи со словечком *будировать*. Одна нелепость порождает другую. Доказав, что помещик Люц коверкает русский язык, Ленин усиливает разоблачение — доводит ошибку до логического завершения. И нарочито нелепое слово мы относим на счет «образованного» г. Люца.

Большое количество неологизмов Ленин создал с помощью словосложения: «либеральное пустоболтунство» (1, 277), «взаимовышибания» (8, 418), «хамски-восторженные» (10, 315), «образцово-хвостистское произведение» (11, 20), «любовно-лукавые речи» (8, 80), «архи-будто бы-искровское» (8, 9), «распренаивластное» (5, 69), «абстрактно-школьническое» (8, 221), «профессорски-лакейское глубокомыслие» (5, 33), «торжественно-шутовские» (5, 93), «вульгарно-апологетические выводы» (5, 176), «поповско-жандармская идеология» (6, 40). Такие неологизмы весьма характерны для ленинского публицистического стиля. Чаще всего эти новообразования созданы по образцу уже существующих сложных слов. В статье «В Австралии» Владимир Ильич, разоблачая оппортунизм лидеров австралийского рабочего движения, писал: «Вождя австралийской рабочей партии... элемент... „капиталопослушный...“» (23, 291). Неологизм «капиталопослушный» напоминает по конструкции устаревшее слово *законопослушный,* т. е. покорный закону. Сохранение связи со старыми, привычными словами делает ленинские словоновшества общепонятными.

В ряде случаев неологизм стоит рядом с известным словом, близким по форме. Например, в проекте речи «К вопросу о политике министерства народного просвещения», написанной Лениным для выступления в Думе большевистского депутата, об октябристе Клюжеве говорится, что он предстал перед слушателями «в качестве богобоязненного и полициебоязненного человека» (23, 133). Неологизм «полициебоязненный» пародирует церковнославянизм «богобоязненный». Привычное слово оправдывает появление неологизма. Богобоязненный человек — слепо верующий в бога, поступающий согласно правилам религии, с трепетом относящийся к божественной власти. Полициебоязненный — очевидно, тот, кто беспрекословно выполняет все предписания полиции, трепещет перед властью держиморд. Новое слово у Ленина чаще всего стоит последним в ряду других определений, характеризующих враждебного политического деятеля, реакционную партию или фракционную группу, ирония перерастает в сарказм. В «Плане статьи о журнале „Современник“» читаем: «очень левый, очень бойкий, очень рабочелюбивый демократ Мартов» (25, 445). Сходный пример находим в письме к И. Ф. Арманд от 17 января 1915 года. Говоря о враждебных пролетариату классах, Ленин замечает: «...классы, наиболее говорливые, шумливые и „вверхувидные“» (49, 52).

Ряд неологизмов В. И. Ленин создает в духе народной речи. Так образованы от собственных имен Колчак и Деникин словоновшества «колчакия» и «деникия» (40, 17). Достоинство этих слов в яркой выразительности и образности. «Колчакия» и «деникия» не территория, захваченная Колчаком и Деникиным, а установленный ими порядок, вернее, беспорядок, призрачные государства, судьба которых предопределена,— они рассыпятся прахом. В этих

названиях слышится что-то сказочное: «колчакия» и «деникия» могли возникнуть по прихоти злого волшебника, чары которого, однако, недолговечны.

Сатирический эффект некоторых ленинских неологизмов основан на звуковой аналогии. Так, большевик Красиков в 1905 году прислал Владимиру Ильичу пессимистическое письмо, полное жалоб на агента ЦК *Мямлина, который поддержал* по ряду вопросов меньшевиков. В ответном письме Ленин призывает Красикова не опускать рук, сплачивать петербургский партийный комитет вокруг «Пролетария»— еженедельной большевистской газеты, центрального органа РСДРП после III съезда. «...Вот,— говорит Владимир Ильич,— *реальная* борьба с мямлинством, а не борьба жалобами да оханьем» (47, 67).

В неологизме «мямлинство» содержится созвучие со словом *мямлить*. Это низводит Мямлина и ему подобных на заурядный жизненный уровень. «Мямлинство»— это уже явление. Но ничего устрашающего в нем нет. С «мямлинством» надо бороться, но надо видеть и его смешную сторону.

Подавляющее большинство ленинских словоновшеств не требует никаких специальных разъяснений. Однако некоторые неологизмы нуждаются в расшифровке для современного читателя, так как их нельзя понять вне контекста эпохи. Например, в статье «Итоги выборов», напечатанной в журнале «Просвещение» в 1913 году, В. И. Ленин убедительно показал, что ликвидаторы оторваны от рабочего класса, что широкие массы пролетариата поддерживают большевиков. Это вынужден признать один из лидеров ликвидаторства Л. Мартов. Ленин пишет: «И Мартов признает с горечью, со злобой, с бездной ядовитых (буренински-ядовитых) словечек, что-де „ленинский“ „сектантский кружок“ „устоял“ и „даже переходит в наступление“, „укрепившись на аренах, ничего общего с подпольем не имеющих“» (22, 344). Мартов не способен честно признать победу противника, отдать должное его правильной политике, он извращает факты, прибегает к инсинуациям. Такими бесчестными методами газетно-журнальной полемики широко пользовался реакционный публицист В. П. Буренин, много лет возглавлявший продажную литературную клику «нововременцев»— сотрудников черносотенной газеты «Новое Время». Вот почему «словечки» Мартова названы В. И. Лениным «буренински-ядовитыми».

Удивительно тонкое чувство языка позволяло Владимиру Ильичу Ленину использовать словотворчество как важное выразительное средство публицистики.

Ленинский сатирический неологизм всегда эмоционален, ярок, точен. И всегда острие его направлено против врагов партии и рабочего класса.

К. В. НАУМОВ,
доцент Ровенского пединститута

У ИСТОКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

Профессор Иван Матвеевич Вихров в романе Леонида Леонова «Русский лес» начал свою увлекательную лекцию с описания того времени, «когда после пятивековой стоянки на Карпатах единое дотоле славянское племя растеклось оттуда на четыре стороны света: наши избрали восток». Задолго до героя названного романа, еще в начале XII века, древнерусский летописец Нестор в знаменитой «Повести временных лет» поставил вопрос: «Откуду есть пошла русская земля, кто в Киеве первее начал княжити, и како русская земля стала есть?». Как полагал летописец, славяне (в том числе и предки русских) первоначально жили на Дунае, «где есть земля угорьска (венгерская) и болгарьска», откуда они постепенно расселились на восток, запад и север.

Интерес к вопросу, кто такие были наши предки, где они раньше жили, как они говорили, не угасал в течение многих столетий. Это и вполне понятно: пытливый ум человека старается раскрыть тайны прошлого, чтобы лучше познать настоящее и будущее. Знать историю своего народа и других народов, в том числе и самые начала их зарождения, значит обогатить себя духовно, видеть дальше и лучше.

Русский и англичанин, турок и финн прежде всего отличаются друг от друга по своему языку. Изучая научно язык, нельзя отрешиться от жизни народа, который его создал. В языке в своеобразном виде нашла свое отражение история народа. Историки много получают, используя данные языкознания. И, наоборот, лингвисты не могут обходиться без накопленных историей знаний. Одно дополняет другое.

История застает славянские народы, когда они уже расселились на огромных пространствах и говорили на разных диалектах. В VI веке н. э. (время, когда появляются достоверные письменные источники о славянах) предки современных русских, украинцев и белорусов занимали земли, расположенные почти по всему течению Днепра и его притоков и по течению Днестра и Буга, продвигались к Карпатам и бассейну Оки. К IX веку (начало образования Древнерусского государства) они прочно обосновались в междуречье Оки и Волги, в бассейне Ильменя, Чудского и Ладожского озер. Южнославянские племена (предки болгар, сербохорватов, словенцев и македонцев) овладевают всем Балканским полуостровом, который до VI века занимали фрако-иллирийские и некоторые другие народности. На западе славяне (к за-

падным славянам в настоящее время относятся поляки вместе с кашубами и словинцами, чехи, словаки и серболужичане) продвигаются через Одер до Эльбы и даже за Эльбу. Район теперешнего Берлина был тогда в глубоком славянском тылу. Позже под ударами немецких феодалов значительная часть западнославянских земель была потеряна.

В каком отношении между собой находились все славянские племена, что их связывало? Их связывало единство происхождения, один для всех когда-то существовавший язык. Где жили общие предки славян, каким был их язык, из которого в конечном счете произошли все славянские языки, в том числе и русский? К сожалению, древние греческие и римские писатели ничего или почти ничего об этом не сообщают. Но современная наука, используя различные методы и полученные посредством них сведения, восстанавливает (конечно, не абсолютно, а в приближенном виде) отдаленное прошлое нашей истории.

Давно уже установлено, что близость славянских языков объясняется общностью их происхождения. Было время, когда отдельных славянских языков не существовало, а был один язык для всех славянских племен. Сравнительно-историческое языкознание реконструировало важнейшие особенности этого языка — его звукового строя, грамматики, корнеслова, словообразовательных средств. Реконструкцию эту можно считать достаточно достоверной, если говорить о времени, непосредственно предшествующем распаду теперь уже давно несуществующего языка. Восстановленный сравнительно-историческим языкознанием, он условно называется древним общеславянским или праславянским.

Праславянский язык имел длительную историю. Начала ее теряются во мраке веков. Ученые спорят, к какому времени нужно отнести его образование, выделение из так называемой индоевропейской языковой общности. Во всяком случае, в I тысячелетии до н. э. праславянский язык уже существовал. Первые изменения, специфические для славянской речи (а не для какого-либо иного индоевропейского языка), можно приурочивать к указанному времени. С самого начала своего существования праславянский язык имел диалектные особенности, которые делили его на различные диалектные зоны. Со временем эти местные особенности все более возрастали.

Процесс нарастания диалектных явлений был очень сложным. Границы их многократно изменялись, перекрещиваясь друг с другом. Зоны распадались на более мелкие единицы, а также и объединялись. В основе сложных диалектных изменений лежали постоянно изменяющиеся связи славянских племен между собой и со своими соседями. Когда славяне расселились на огромных пространствах, межплеменные связи стали слабеть, а то и вовсе прекращаться. Это обстоятельство в конечном счете привело к распаду праславянского языка на ряд самостоятельных языков (примерно в VI—VII веках).

Где же говорили на праславянском языке до времени расселения славян, иначе говоря, где жили наши отдаленные предки, откуда началось их движение на занимаемые теперь славянскими народами земли?

В современной науке на этот счет существуют две главные взаимоисключающие гипотезы. Одна из них, выдвинутая и поддерживаемая рядом польских ученых, называется висло-одерской гипотезой происхождения славян. Уже само название указывает, где, по мнению этих ученых, была первоначальная прародина славян. Она была на территории, расположенной между реками Вислой и Одером, т. е. в пределах современной Польши. Однако данные современного сравнительно-исторического языкознания и других исторических дисциплин свидетельствуют в пользу другой гипотезы, которой придерживались такие крупные ученые, как Л. Нидерле, М. Фасмер, польский славист К. Мошинский и другие, и которую развивает автор этих строк. Основная часть древней прародины славян находилась на землях современной северной Украины и южной Белоруссии, т. е. между средним течением Днепра и Западным Бугом.

Праславянский язык не был одинок среди других языков мира. Его связывало родство по происхождению с другими так называемыми индоевропейскими языками (индоиранскими, германскими, романскими и другими), он имел контакты и с соседними неиндоевропейскими языками. Ближе всего к нему стоял прабалтийский язык (предок современного латышского, литовского и вымершего прусского языка). Особая близость к прабалтийскому языку была обусловлена главным образом длительным соседством праславянских племен с прабалтийскими. Территория древних балтийцев нам более или менее известна. Эти племена занимали юго-восточное побережье Балтийского моря, затем их земли тянулись на восток, доходя до верхнего течения Днепра и Оки. На север и восток от прабалтийцев располагались древние финно-угорские племена (предки современных эстонцев, финнов, карел, мордовцев, марийцев и других народностей). Соседи прабалтийцев — праславяне — могли находиться только к югу или западу от древних балтийских племен.

Праславянский язык, как теперь выясняется все более и более, особенно благодаря исследованиям одного из крупнейших советских лингвистов В. И. Абаева, находился также в тесном контакте с древними иранскими языками. Носителями иранских языков во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э., в частности, были многочисленные скифо-сарматские племена, в течение многих столетий занимавшие южнорусские степи и проникавшие в зону лесостепи. Выясняется, что иранские языки издревле соседили и с финно-угорскими языками: в последних обнаруживается немало иранских элементов. В то же время с совершенной очевидностью устанавливается, что балтийско-иранские связи оказываются гораздо слабее, чем

связи славяно-иранские. Если бы праславяне жили между Вислой и Одером, они были бы расположены от иранцев значительно дальше, чем балтийцы. Тогда было бы непонятно, почему территориально более близкие к иранцам балтийцы имели меньше общего с ними в языке, чем удаленные от иранцев славяне. Чтобы разрешить это непреодолимое противоречие, остается только предположить, что у славян с иранцами был более тесный контакт, чем у балтийцев. Такое предположение возможно лишь в том случае, если считать, что славяне имели прямую связь со скифо-сарматскими племенами. И это несомненно было так. Праславяне жили между балтийцами и иранцами, а это значит, что их прародина находилась не на западе или юго-западе, а на юге от балтийцев и на севере от иранцев.

В решении вопроса о славянской прародине важное значение имеет определение связей славян с германцами. Известно, что древние германские племена первоначально занимали южные области Скандинавского полуострова и южное побережье Балтийского моря. Если праславяне жили между Вислой и Одером, они должны были быть в течение длительного времени непосредственными соседями германцев. Такое соседство обязательно нашло бы свое отражение в языке. Однако, оказывается, что древних особенностей, свойственных только славянским и германским языкам, нет или же они хронологически неопределимы. В то же время обширны и разнообразны германо-балтийские связи, свидетельствующие о прямых контактах между прагерманцами и прабалтийцами. Следовательно, западными и юго-западными соседями балтийцев были не славяне, а германцы. Известный советский германист профессор Н. С. Чемоданов, недавно подведший итоги исследованиям языковых связей древних германцев с их соседями, пишет: «...судя по данным языка, непосредственный контакт германцев со славянами был установлен очень поздно, может быть не раньше начала нашего летосчисления» («Сравнительная грамматика германских языков». Т. 1, М., 1962, стр. 79). Все это может быть объяснено географическим положением праславян: древние славяне находились между балтийцами и северными иранцами, т. е. на территории между средним Днепром и Западным Бугом.

На среднеднепровско-западнобужскую территорию указывает и древняя география некоторых слоев праславянского словаря. В праславянском словаре широко представлены названия деревьев и растений, животных, птиц и рыб, характерных для умеренной лесной и лесостепной зон. В то же время обозначения таких типичных представителей леса современных западнославянских областей как бук, тис, явор, центральноевропейская лиственница и ряда других деревьев и растений являются сравнительно поздними заимствованиями из других европейских языков, причем большинство этих заимствований имеют локальное (не общеславянское) распространение. В общеславянской

лексике много названий озер, болот, лесов и других особенностей ландшафта, обычных для указанной территории. Вместе с тем полностью отсутствуют древнейшая праславянская морская терминология, названия животного и растительного мира, специфического для моря, также названия, относящиеся к особенностям гор и степей, их растительности и животных.

Все эти факты необъяснимы, если мы будем придерживаться висло-одерской гипотезы. Если бы славянская прародина находилась между Вислой и Одером, то в праславянском словаре неизбежно нашли бы место обозначения особенностей морского мира и гор. Праславяне были крупной группой племен, которая в сравнительно небольшом висло-одерском районе неизбежно должна была граничить и с Балтийским морем и с Карпатскими горами.

Конечно, нужно учитывать, что в славянском словаре за две тысячи лет произошло много изменений, ряд слов могли утратиться и исчезнуть бесследно, другие слова могли изменить свои значения до неузнаваемости и т. д. Однако, несмотря на такие изменения, охватывавшие все слои лексики, исконность праславянских названий особенностей природы восточноевропейской части умеренного лесного и лесостепного пояса остается все же совершенно очевидной, тогда как названия специфических явлений моря, гор и степей являются сплошь заимствованными или вновь образованными. Это важное обстоятельство никак нельзя назвать случайным. С течением времени изменялись и сами природные условия, однако не настолько, чтобы палеозоология, палеоботаника, палеоклиматология и родственные им дисциплины не могли восстановить, какой была природа на европейской территории две тысячи лет назад и даже значительно раньше. Данные указанных дисциплин не опровергают, а подтверждают нашу точку зрения.

Итак, вероятнее всего наши отдаленные предки — праславяне — в I тысячелетии до н. э. жили между средним течением Днепра и Западным Бугом. Конечно, надо полагать, что границы их земель по разным причинам не оставались неизменными. Прирост населения, а затем разложение родового строя и переход к «военной демократии» постепенно приводили в движение славянские племена. В самом начале н. э. славяне продвигаются на запад и появляются в бассейне Вислы и у берегов Балтийского моря, где их упоминают римские писатели под именем венедов. Они оседают здесь так прочно, что Балтийское море одно время называлось Венедским. Из бассейна Вислы славяне двигаются к Одеру и далее на запад, появляются в теперешней Чехословакии и Венгрии. Колонизация ими Балкан, протекавшая довольно бурно в VI—VII веках, по всей вероятности шла двумя путями: западным — через венгерскую равнину, и восточным — через восточное Прикарпатье. Еще большее расширение славянских земель имело место в северо-восточном направлении.

Славяне полностью ассимилируют балтийские племена в северо-днепровском бассейне и у верхнего течения Оки (остаток балтийского населения — племя голядь — неподалеку от Москвы знает еще наша древнерусская летопись), финно-угорские племена в волжско-окском междуречье и в новгородско-псковских землях.

Такое расселение славян, как уже было сказано выше, привело к распаду их языка на ряд самостоятельных языков, а соответственно праславянской этнической общности на отдельные этнические группы, на базе которых сложились славянские народности. Из восточноевропейских славянских племен в VIII — IX веках формируется древнерусская (восточнославянская) народность, которая создает, видоизменяя и совершенствуя пра-

---

ЗАГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

В «Литературной газете» (22 ноября 1967) в статье В. Камянова «Не добротой единой...», посвященной современной советской литературе, читаем фразу: «...старуха Власьевна и тетя Ариша из повести Ю. Сбитнева „Своя земля и в горсти мила" — все это не просто з а г л а в н ы е п е р с о н а ж и (разрядка моя.— В. Д.), а герои — „распорядители"...». Обратим внимание на выделенные слова «заглавные персонажи». Можно ли считать «заглавными» эти конкретные персонажи в этом конкретном произведении?

Вопрос не сложен. **Заглавный** образовано от основы существительного **заглавие** и означает 'относящийся к заглавию, содержащий в себе заглавие': «заглавный лист», «заглавная роль» (Егор Булычов, например), «заглавный персонаж» (тот же Егор Булычов, Фома Гордеев, Анна Каренина и т. п.), т. е. персонаж, именем которого названо произведение. Это типичный случай образования относительного прилагательного с сугубо относительным значением.

Что же с этим словом происходит в речевой практике (сначала устной, а затем и письменной)? Прилагательное начинают употреблять в значении качественного 'главный, лучший, самый важный' и даже 'первый, передовой'. Эти случаи неправильного употребления отмечены в словаре-справочнике «Правильность русской речи» (М., 1962). Предпосылок семантического характера для подобного изменения значения в слове **заглавный** не было никаких. Ложная внешняя близость слов **заглавный** и **главный** послужила причиной совершившегося факта. И с чьей-то легкой руки пошли гулять по страницам газет (сначала областных, а затем и центральных), журналов и даже художественных произведений «заглавные вопросы», «заглавные характеры», затем «заглавные секретари» и, наконец, «заглавные площади».

Кстати, процитированная статья из «Литературной газеты» пестрит словом **заглавный:** «...заглавный характер в „кадре"», «заглавные характеры убеждают», «есть заглавный характер, и вокруг него идет лирическая работа», «и вот стабильность как внутренняя норма заглавного характера становится нормой повествования».

Можно ли оправдать такое употребление слова **заглавный** тем, что оно все чаще и чаще встречается нам? Ответ может быть только один. Нет, нельзя. О распространенности его можно сожалеть. Еще большее сожаление вызывает факт проникновения его в «Литературную газету».

В. П. ДАНИЛЕНКО

славянское языковое наследство, свой оригинальный и самобытный язык.

В 862—863 годах солунские просветители Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий создают славянскую азбуку и переводят с греческого на древнеболгарский язык священные книги. Так возникает первый письменный язык славян — старославянский, или древнецерковнославянский (некоторые ученые называют его древнеболгарским). В том же IX веке восточные славяне создают свое государство. Центром этого государства становится Киев. Государство восточных славян обычно называют Древнерусским.

Вместе с возникновением государства появляется потребность в письменности. Восточные славяне используют для этого кирилловскую азбуку, проникшую в Древнюю Русь уже в самом начале X, а может быть, даже в конце IX века. Древнерусский письменный язык нам очень хорошо известен по дошедшим до нас письменным памятникам. Языковые особенности этих памятников в сочетании с данными современных восточнославянских языков и их говоров позволяют судить о процессах, происходивших в древнерусском народном языке.

С развитием феодализма происходило обособление отдельных земель, слабела объединяющая роль центра — Киева, росли рознь и междоусобицы. Древнерусское государство стало распадаться. Временной слабостью восточных славян воспользовались их внешние враги. В XIII веке монголо-татарские орды завоевывают Русь. Западные и южные земли захватывают польско-литовские феодалы. Новое объединение и подъем хозяйственных, политических и культурных сил происходит уже не в общевосточнославянском масштабе. В XIV веке возникает Московское государство, объединившее северо-восточные и северные земли. В пределах Московского государства складывается русская народность, созидатель русского языка. На южных и юго-западных землях возникает украинская народность, а в западных областях — белорусская, соответственно — украинский и белорусский языки.

В прошлом были ожесточенные споры, кому принадлежала столица Древнерусского государства Киев — русским или украинцам. Эти споры лишены всякого научного основания: во времена древнего Киева не было еще ни русских, ни украинцев, ни белорусов, а жили их общие предки — восточные славяне, составлявшие одну народность и говорившие на одном языке. Русские, украинцы и белорусы — дети одних и тех же родителей. Понятно поэтому, почему их языки так близки друг к другу.

Собственно русский язык в его обособленности от украинского и белорусского начинается примерно с XIV века, т. е. ему насчитывается около шестисот лет. Однако, как мы видели выше, его истоки уходят в глубочайшую древность. Наше языковое богатство создавалось в течение многих тысячелетий.

К 100-ЛЕТИЮ А. М. ГОРЬКОГО

СЛОВО В САТИРЕ ГОРЬКОГО

„Должно быть заострено слово
В. МАЯКОВСКИЙ

Сатирическое начало органически присуще художественному методу М. Горького. Для него сатира — определенный вид отношения к действительности, ко всему отживающему, реакционному, мешающему движению вперед. Различны формы сатирического обличения в его прозаических произведениях, драматургии, поэзии и публицистике. Но есть у Горького произведения, в которых сатирическое изображение является основным,— это фельетоны, памфлеты, аллегории, пародии, сатирические рассказы, политические сказки. В них раскрывается блестящее мастерство Горького-сатирика.

Сатирический жанр предъявляет свои требования к художественной структуре произведения. Здесь необходимы предельная заостренность слова, широкое использование разнообразных «смеховых» приемов, остроумная иносказательная манера изложения, яркая оценочность. Поэтому язык, словоупотребление, стиль произведений этого рода обладают у Горького глубоким своеобразием и присущие его индивидуальной художественной манере черты получают в них особое преломление. Большой интерес представляют приемы обработки слова в сатире Горького.

Идейно-художественный принцип изображения действительности в сатире отличен от изображения действительности в других литературных жанрах. Сатира сосредоточивает свое внимание на отрицательных явлениях жизни общества, раскрывает в художественных образах истинную сущность реакционных общественно-политических сил, обнажает скрытые в них тенденции, показывая их как бы через увеличительное стекло. Отсюда характерные особенности сатирического изображения — различные виды преуве-

личений, гротеск, сгущение красок. Именно этим обусловлены в сатирических произведениях Горького принципы отбора лексики, целый ряд приемов использования слова.

Вот, например, памфлет «Король, который высоко держит свое знамя». Объект горьковской сатиры в нем — германский милитаризм, воплощенный в образе Вильгельма Второго. Главная черта, на которой строится характеристика образа, его сатирическая индивидуализация,— тупое солдафонство. Оно выступает с первых же строк памфлета в описании кабинета его величества, где каждая вещь вопиет о характере ее владельца: «...У левой стены находился огромный бассейн, в котором плавали модели военных судов. По стене тянулись полки, и на них симметрично стояли маленькие фигурки солдат, одетые в разнообразные формы».

Кайзер воспринимает окружающее лишь сквозь призму военных понятий, мыслит военными категориями, оперирует только военной терминологией и самое высокое наслаждение находит в звуках военных команд: «Король и бог — творцы. Раз! Два! И бог создал мир!.. Р-раз! Два! Три! И мой дед создает Германию. А я — совершенствую ее».

В сказке о Смертяшкине («Русские сказки»), разоблачающей упадочническую декадентскую литературу, такую роль выполняет «замогильная» лексика: имя героя — Смертяшкин, сотрудничает он в журнале для юношества «Жатва смерти», свои поэзы озаглавливает «Некрологи мечтаний и эпитафии желаний», критика с удовлетворением отмечает «глубокую могильность настроений автора», жена его Нимфодора устраивает гостиную «в виде склепа», диванчики — «в стиле могильных холмиков», дети его «спят в гробиках, няня одета схимницей» и т. п.

Средством сатирической заостренности слова у Горького выступает и акцентирование внимания читателя на чем-либо важном, показательном в изображаемом явлении с помощью слов-лейтмотивов, настойчивого повторения одного и того же определения. Этот прием очень характерен для художественной манеры писателя и в идейно-художественных целях используется в его романах, пьесах, рассказах, особенно в очерках «В Америке». В памфлете «Царство скуки», например, основной лейтмотив — скука — идет от заглавия к заключительным строкам: «В ленивом танце медленно кружится скука, издыхающая в агонии своего бессилия». Одна за другой нанизываются острые оценки, яркие образы: «вокруг скучное уродство», «плен пестрой скуки», «самодовольно скучные» люди, публика «питает душу свою унылой скукой, которая гасит мысль, как мокрая грязная тряпка, брошенная на уголь, едва тлеющий...», люди «сметены сюда грязной метлой скуки», «вязкое болото скуки» и т. п.

Слова-лейтмотивы, слова-повторы оказываются обычно семантически и эмоционально чрезвычайно емкими. Разнообразные связи, в которые они вступают с другими словами, сложные ассоциации, возникающие в контексте целого произведения, насыщают их дополнительными смысловыми оттенками, окружают особой экспрессией, привносят в них эмоционально-оценочный элемент. Так слово «скука» в памфлете «Царство скуки» не есть уже обычное, нейтральное слово. Оно, семантически и экспрессивно обогащаясь в контексте, становится чрезвычайно значимым, приобретает особую художественную силу и вовлекает в сферу своего влияния, семантически

подчиняет себе целый ряд других слов. Так, скука, скучный, скучно направляют восприятие таких определений, как спокойный, серьезный, сосредоточенный, в сторону — равнодушный, тупой, бездумный: «Лица людей неподвижно спокойны»; «Публика смотрит на эти страсти молча и серьезно»; «Некоторые осмеливаются смеяться, большинство людей сосредоточенно».

Большой сатирической силой обладают у Горького монументальные, синтетические образы, образы-символы, такие, например, как город Желтого Дьявола, воплотивший уродливость американского империализма, чудовище «Мое», олицетворяющее смрадную душу озверевшего мещанства. Подобные образы стягивают к одному центру нити повествования, организуют всю художественную систему произведения. Их обобщающая сила опирается на максимальную смысловую насыщенность каждой детали, сатирическую заостренность каждого слова.

Так, раскрывая всеподавляющую власть Желтого Дьявола, превращающую человеческие массы в безликую толпу, Горький прибегает к гротескному смещению планов изображения: вещи, мертвая материя рисуются как нечто живое, активно и разнообразно действующее, а живые существа, люди — неподвижны, пассивны, однообразно покорны. В характеристике Желтого Дьявола и подвластных ему сил преобладают глаголы активного действия, отглагольные существительные; они насыщают текст, концентрируются в рядах однородных членов; определения к ним подчеркивают интенсивность действия, наступательность: «Все вокруг бежит, стремится, вздрагивает напряженно»; «Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой — живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо»; «Торжествующий гул железа, громкий вой электричества»; «Нахальный блеск порабощенного огня» и т. п.

В описании же людей играют роль определения — прилагательные и страдательные причастия, а глаголы, которые здесь встречаются гораздо реже, обозначают состояние; если же глагол обозначает действие, то пассивность подчеркивается наречием: «Ошеломленное, оглохшее от шума, задерганное этой пляской мертвой материи двуногое существо...»; «Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны»; дети «бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла...»; «Безвольно идут маленькие люди...» и т. п.

Действия совершаются не людьми, а над людьми: «Город ревет и глотает их одного за другим ненасытной пастью»; железо «окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы...»; «Дома всасывают людей, одного за другим, в свои каменные внутренности»; воздух «...бьет им в лицо теплой, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков...».

В приведенных примерах заострение сатирического образа опирается на художественно-изобразительные средства. Но не менее действен у Горького прием сатирической характеристики в лаконичном метком лозунге, по-щедрински острой формулировке. Так, в «Русских сказках» политика либералов в защиту помещичьего землевладения раскрывается в категорической формуле «Не давать!», министр просвещения характеризуется любимым изречением щедринского Органчика «Не потер-

нию!», а правящие помпадуры проявляют себя приказами: «Представить!», «Обыскать!», «Молчать!» и подобными. Или вот визитная карточка жулика «на службе отечеству»: «Вдоль Поперек Ивсяко. Редактор-издатель газеты „Туда-сюда"», директор-учредитель «Сладкого отдыха администраторов, утомленных преследованием законности».

Сатирическая характеристика, составляющая сущность определенного социального типа, дающая «главное определение человека», как говорил Салтыков-Щедрин, концентрируется в именах собственных, в кличках. Фамилия полицейского пристава, к которому за помощью обращается барин, «потерявший национальное лицо», по злой иронии оказывается фон-Юденфрессер (пожиратель евреев); губернатор, отдающий приказы «не рассуждая служить отечеству»,— фон-дер-Пест (мор, чума); фамилии протестующих против погромов либералов — Гуманистов, Словотеков, Крикуновский, Самогрызов и т. п.

В сатире Горького слиты воедино гневное осуждение и резкое осмеяние. Блестяще раскрывается в ней все то комическое, что проницательное зрение сатирика обнаруживало в окружающей действительности. На страницах горьковской сатиры живут, неизменно подчиняясь общему обличительному пафосу, беспощадный смех, язвительная насмешка, веселая шутка, искрящаяся остро́та.

Непременным условием достижения комизма является неожиданное и быстрое сближение обычно ничем не связанных понятий, «быстрота смены ожидаемого более или менее противоположным», как определял А. А. Потебня. На этой основе строятся у Горького самые разнообразные сатирические приемы. Вот, например, диалог из памфлета «Русский царь»:

— Пороть или вешать?

— Журналист! — ответили ему.

— А... значит — вешать! — решил он.

В основе комического эффекта, достигнутого обработкой чисто языкового материала, лежит нарушение общепринятых норм языка, законов словоупотребления, сочетаемости слов, стилистического объединения лексики. Нередко этот прием связан у Горького с нарушением обычных лексико-понятийных связей слов: «профессиональный грешник», «тайное общество для явного нарушения законов морали», «гордо гниет», «до отвращения красивый ангел» и т. п. Но чаще такой обработке подвергаются сочетания слов с фразеологически связанными или конструктивно обусловленными значениями, фразеологические обороты: ведь чем теснее связи слов в обиходной практике, тем ярче эффект их нарушения. Горький достигает при этом не только глубокого комизма, но и острого сатирического разоблачения. Так, в сказке о Смертяшкине «Нимфодора довела Евстигнейку до публичного чтения стихов» — ср.: довести до беды, до публичного скандала; она «воркует, разлагаясь от счастия» — ср.: замирая от счастья; «С того дня и постигла Евстигнейку слава» — ср.: постигло горе, неудача. В интервью с немецким кайзером прорывается авторское негодование: «Я слушал его и задыхался... от наслаждения мудростью».

Слово или сочетание слов в таких случаях всегда приобретает в контексте своеобразную двухмерность, так как сталкиваются и — одновременно воспринимаются — и привычное значение слова или оборота и вновь соз-

данное. С особой яркостью это проявляется в приемах конкретизации метафоры, заключенной во фразеологическом обороте, когда каждое слово фразеологизма, рисуя яркий сатирический образ, включается в повествование в своем прямом значении. Так, в одной из «Русских сказок» либералы-интеллигенты занимаются тем, что усердно и довольно густо, «как мухи», ставят точки над і. Полнейшая нелепость подобных занятий героев сказки сама по себе уже рисует бесполезность деятельности либералов. Но сатирический эффект использования фразеологизма гораздо глубже, так как целый ряд выводов и ассоциаций возникает у читателя на основе устоявшегося в языке значения этого оборота. Высмеиваются и претензии либералов на роль «смелых бойцов» и их пустое красноречие, все ведет к выводу: если раскрыть самое существенное в таком либерале, определить реальные результаты его деятельности, довести до логического конца заложенные в ней тенденции,— перед нами окажется полнейшая пустота.

Не менее острого сатирического звучания добивался Горький и тонким смешением стилей. Особая роль при скрещивании разностильных элементов принадлежит разговорно-просторечной лексике, которая переводит высокое в более низкую эмоционально-стилистическую тональность, раскрывая тем самым, говоря словами Н. Г. Чернышевского, «безуспешное притязание» безобразного казаться прекрасным и этим делая безобразное комическим. Поэзы Смертяшкина «Голос вечной правды» и подобные приводят жителей в восторг: «Верно написал, материн сын! А мы живем, стараемся кое-как, то да се, и незаметно нам было, что в жизни-то нашей никакого смысла, между прочим, нет!», а редактор журнала «Жатва смерти» Макей Говорухин говорит о них автору: «Ваши... вдохновения как раз то самое, еще никем не сказанное слово новой поэзии, в поиски за которым я и снарядился, подобно аргонавту Герострату...» и тут же: «Материальчик впору нам», «...уж очень у вас здорово пущено! ...Надо бы псевдонимец вам избрать, а то Закивакин не вполне отлично».

Столкновение различных стилей часто связывается у Горького с таким сатирическим приемом, как пародия. Включая в текст, сохраняющий формальную близость к пародируемому источнику, чужеродные, стилистически сниженные элементы, Горький придает ему совершенно противоположную направленность, высмеивает не только «чужой» стиль, но и взгляды, мысли, идеи противника. Вот один из многочисленных примеров. Проповедники беспартийности искусства в одной из «Русских сказок» решают: «Необходимо нам создать центральный мыслящий орган, совершенно свободный от всяких зависимостей и вполне способный возвыситься надо всем и встать впереди всего,— вот как, например, козел — в стаде баранов...».

Горький был блестящим мастером пародии и широко использовал этот прием в сатирических произведениях. Материалом для пародирования ему служила и официально-деловая речь: издававшиеся в то время в огромном количестве царские манифесты, циркуляры, указы и т. п., и либерально-буржуазная пресса с ее пустой фразеологией, и реакционные философские трактаты, и декадентская литература. Горький умел тонко подметить и так остроумно преподнести наиболее характерные признаки в пародируемом источнике, что зачастую одним лишь таким преувеличением добивался его иронического переосмысления.

Некоторый акцент на самой «смеховой» обработке слова вообще характерен для сатиры. И это вполне естественно — ведь сатире органически свойственна «остроумная манера писать», которая, по определению Л. Фейербаха, «высказывает не все», «предполагает ум также и в читателе» и заставляет его о многом догадываться, додумывать то, что сказано. В сатире всегда есть аллегоричность, различные виды иносказания, склонность к намекам, недомолвкам, семантическая многоплановость.

Горький владел этой манерой с большой художественной изобретательностью. Двуплановость изложения, создание разоблачительного подтекста у Горького часто опирается на сугубо языковые явления: многозначность слова или сочетания, обобщенно-символическое или образное употребление слова, разложение фразеологии и т. п.— это можно было наблюдать на ряде приведенных выше примеров. Этот же эффект может достигаться и иным путем: включением в описание какой-либо детали, какой-либо черточки художественно-изобразительной системы, прямо ориентированной на явления общественной жизни, политическое событие. Так, в памфлетах говорится о «японской шишке» русского царя; Прекрасная Франция дает интервью в комнате, стены которой «оклеены разноцветными бумагами русских займов», мебель «обита темной материей с вышитым по ней договором о союзе с русским царем».

Очень удобной формой для создания многоплановости является диалог: в скрещивании реплик нескольких персонажей легко проявляется подтекст, обнаруживается авторская ирония, раскрывается направление сатирического удара. Диалог используется Горьким и для раскрытия различного, классово обусловленного понимания ряда общественно-политических терминов, помогает ввести в художественную ткань произведения сатирические определения понятий. Подобное противопоставление словаря разоблачаемых персонажей и сатирического словаря, вскрывающего смысл первого, часто оформляется в сатире в самостоятельный жанр толкового сатирического словаря, сатирической энциклопедии. Горький не создает специального словаря, а как бы растворяет его в тексте, заставляя своих героев раскрыть понимание ими ряда слов. Таковы, например в памфлетах «Мои интервью» толкования слов «правительство», «свобода», «мораль», «наука», «искусство», «религия» и др. Иногда такие определения даются в образной форме — в виде перифразы, метафоры, сравнения, часто они выливаются в меткие, острые афоризмы («Ближний — это всегда вы и более никто»).

Аллегория, иносказательные построения, двуплановые, обладающие глубинным подтекстом сатирические образы наполнены у Горького большой разоблачительной силой, так как между изображением и подразумеваемым существует крепкая, органическая связь, которая заставляет работать мысль читателя в нужном направлении, помогает ему проникнуть в глубь разоблачаемого явления.

Сатира отличается от других видов искусства особой прямотой и откровенностью авторской оценки, часто заключенной в отдельных определениях, в специально подобранной лексике: люди в городе Желтого Дьявола

«привыкли принимать эту отвратительную жизнь как должное»; «Гнусное желание умертвить творческий дух протеста»; американский миллионер свою страну «осквернил своей жизнью» и т. п.

Но дело не только и не столько в этих оценочных элементах. Смелое, остроумное вмешательство автора проявляется во всем — и в системе художественно-изобразительных средств, и в иронической недоговоренности, и в аллегорических образах; авторской оценкой насыщено каждое слово. И эта авторская оценка дается с определенных и четких идейных позиций, с позиций писателя, выступающего от имени побеждающего пролетариата. Отсюда верная историческая перспектива в изображении отрицательных и положительных сил, неизменный положительный идеал автора. В сатире Горького пафос отрицания тесно связан с пафосом утверждения.

Слово в сатире Горького живет богатой, своеобразной жизнью. Самое полное представление о ней даст создаваемый сейчас силами ряда вузов страны Словарь языка Горького, цель которого — всестороннее описание лексико-семантической системы писателя.

В. А. СИРОТИНА,
доцент Киевского университета

стиль Горького

ДРАМАТУРГА

Пьесы Горького, более шести десятилетий не сходящие со сцены театров всего мира, привлекают современного читателя и зрителя не только глубиной философской и политической мысли, значительностью образов, но и своеобразием стиля драматурга, силой новаторского мастерства. Индивидуальная манера в жанре драмы отчетливо прослеживается в тематике, композиции, аспекте подачи образов. Как же проявляется индивидуальное в языке драмы, каковы слагаемые стиля драматурга?

Искусство драматурга-реалиста состоит в умении выразить в слове характер во всей его психологической и социальной определенности, вызвать у зрителя ощущение речевых действий персонажа «самосильно, без подсказываний со стороны автора», как писал сам М. Горький («О пьесах»).

Однако при всей зависимости речи персонажа от облика ее носителя, от социальной и профессиональной характерности героя, язык драматического произведения, как и произведения любого другого жанра, несет на себе печать авторского своеобразия, авторских эстетических принципов и языковых вкусов.

Драматургическая речь не зеркало, отражающее обиходный язык разных социальных слоев, и не фотография психологических проявлений, увиденных писателем в жизни. Это переработка, перестройка разговорно-обиходной речи, своеобразная концентрация в наиболее типичных формах того, что существует в реальном речевом общении. В общих принципах обработки, типизации, построения из массы языковых фактов стройной речевой системы героев и проявляется своеобразие художественной манеры драматурга, его стиль.

Вместе с тем идеологическая драма Горького отличается не широтой и многообразием социально-речевых стилей, подобно драме Островского, но искусством создания живых характеров и социальных типов героев при помощи семантико-стилистических средств. Одна из особенностей эстетической значимости семантики у Горького — обобщенно-образное значение слова, помогающее создать философский план пьесы. Тревожащие, будящие мысль речи героев возвышаются над будничной реальностью факта, уводят в мир философских идей и социальных обобщений. Так построен, например, речевой стиль одного из самых интересных в русской драматургии образов — Егора Булычова.

Распад семьи Булычова, одиночество и безысходность судьбы недюжинного, сильного характера предстает как показ крушения старого мира, а обреченность героя на гибель — и как возмездие за большую ошибку — избрание ложного жизненного пути. Это философское осмысление действительности создается и образными контекстами реплик Булычова:

> [Шуре]. Понимаешь... какой случай... не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял, а я вот...

(Все цитаты приводятся по изданию: М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах).

Образный сдвиг в значении опорного слова контекста — улица — помогает осмыслению всей реплики.

С употреблением слова в переносном смысле связана и афористичность речи горьковских героев. Социальные и философские обобщения рождаются на основе образного осмысления конкретного факта или явления. Известное изречение Сатина (На дне): «В карете прошлого никуда не уедешь» — как бы подводит итог рассказу Барона о былом величии его дедушки. Крылатые афоризмы Горького строятся, как правило, на метафорическом обобщении, на иносказательном звучании реального образа в окружающем контексте.

Общественно-философский характер драмы Горького обусловливает и широту образного выражения социальных понятий. Выделяются типичные мотивы, привычные ассоциации, передающие экспрессивную оценку психологии и социального поведения героев. Характерно для Горького переносно-образное употребление глаголов конкретного действия с обостренной смы-

словой аналогией в метафоре. Например, глагол *устать* используется в пьесе «Чудаки» как выражение пассивности и безразличия к общественным проблемам:

Медведева. Где доктор-то? Устал он...

Вукол. Да, у с т а л. Рановато несколько, а вот — у с т а л...

Медведева. Ну, вы всегда двоесмысленно говорите.

Поэтика горьковской драмы основана на контрастах мировоззрения и психологии героев. В противопоставлении персонажей, их речевых стилей огромную роль у Горького играет широкое использование многозначности слова, возможности его разных толкований.

В русской драматургии — в пьесах Фонвизина, Гоголя, Тургенева, Островского — сопоставление разных значений слова использовалось как одно из средств словесной игры, каламбурной расцветки речи. Языковые эффекты, с неистощимой творческой изобретательностью извлекаемые Горьким из семантики слова, оказываются в его пьесах одним из самых действенных средств раскрытия идейных позиций героев. Столкновение взглядов, убеждений персонажей получает форму своеобразных идеологических поединков; композиционным центром таких диалогов-споров служит слово, по-разному толкуемое персонажами.

Показательны сложные и разнообразные функции осмысления героями слова *посторонний* в трех диалогах.

В III акте пьесы «Враги» ведется следствие по делу об убийстве хозяина фабрики. Левшин старается отстранить Коня, который своим вмешательством может расстроить планы рабочих:

Левшин. Эх, кавалер, п о с т о р о н н и й вы тут!

Николай. Что такое?

Левшин. Я говорю — п о с т о р о н н и й кавалер-то, а мешается... .

Николай. А ты не п о с т о р о н н и й? Ты причастен к убийству, да?

Левшин (смеется). Я-то? Я, барин, один раз зайца палкой убил, так и то душа тосковала...

Николай. Ну, и молчать!

Левшин употребляет слово *посторонний* в значении 'чужой человек', не связанный ни с рабочими, ни с хозяевами. Враждебно настроенный ко всем рабочим Николай, стремясь раскрыть существующий, по его мнению, заговор, неожиданно переосмысляет слово, толкуя его в ином значении: 'не имеющий непосредственного отношения к чему-нибудь', в данном случае — к убийству. Внезапным следовательским поворотом диалога Скоробогов хочет поймать врасплох Левшина и таким образом вырвать у него признание в соучастии.

В той же пьесе «Враги» слово *посторонний* оказывается центром другого, важного диалога, происходящего в заключительной сцене.

Николай. Приостановитесь... П о с т о р о н н и х лиц я прошу уйти!

Генерал. Позвольте... это как понять?..

Надя (кричит задорно). П о с т о р о н н и е здесь — вы! Вы, а не я! Вы везде п о с т о р о н н и е... Я здесь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

Надя переживает идейное становление, в ней пробуждается горячее сочувствие к делу рабочих, отсюда рождается оценка ею людей буржуазной

среды как чуждых великому делу перестройки жизни, «посторонних», лишних.

Слово *посторонний* — экспрессивный и смысловой стержень и одного из самых важных диалогов в пьесе «Достигаев и другие», разоблачающих подлую беспринципность приспособленца Достигаева. Приближается революция. Враги мечутся, пытаясь объединиться для защиты своих собственнических интересов. Но Достигаев неожиданно меняет тактику:

Достигаев. Скончалась дочь моя... Порфирий Петрович... Да. Освободите меня. Не в силах я беседовать о делах посторонних.

Нестрашный. Посторонних? Та-ак...

Губин. Видал, Перфил, Вася и на покойнице играет... Идем, брат.

В реплике Достигаева «посторонний» — 'несвоевременный, не относящийся к моменту'. Однако за естественным объяснением в устах всякого человека, потерявшего дочь, Нестрашный видит очередную хитрость приспособленца. Его толкование слова *посторонний* — 'чужой, не имеющий отношения, не интересующийся' — разоблачает скрытую подоплеку поведения Достигаева: вчерашний союзник черносотенцев, он хочет отгородиться от обреченных на гибель явных контрреволюционеров и пытается извлечь выгоду даже из несчастья.

Формы использования семантики слова в пьесах Горького бесконечно разнообразны: этимологизирование (свекровь — всех кровь, самодержавие — каждый сам собой держится), смысловые сближения по созвучиям (отроковица — от рукавицы, долг — долгался), субъективное толкование на основе звукового сходства (голосовать — совать голое слово, владеть голосами — в речи политического двурушника, вредителя Троерукова в пьесе «Сомов и другие»), разложение фразеологизмов с оживлением свободных значений его компонентов (Мещане):

Елена. А вы разве не знаете, что нужно платить добром за зло?

Тетерев. Не имею ни крупной, ни мелкой монеты...

Не менее значима для речевой характеристики горьковских героев стилистическая окраска слова, особенно при включении его в контрастный контекст. В этом смысле весьма выразительна, например, лексика Петра Бессеменова в «Мещанах». Петр Бессеменов — студент юридического факультета, исключенный из университета за участие в студенческих волнениях,— внешне ведет себя как человек, которому тягостны и отвратительны мелочность, узость и косность мещанских интересов в доме отца. Однако на деле он оказывается еще более внутренне бедным, мелочным и ничтожным, чем отец, а поза его — лишь прикрытие ненавистной Горькому психологии собственника.

Разоблачая внутреннее убожество этого «интеллигентного» мещанина, Горький искусно пользуется включением стилистически окрашенных слов в контрастное окружение: «Черт дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях! Я пришел в университет учиться и учился...» и далее: «Человек должен быть гражданином прежде всего!— кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином... черт их возьми... Я... не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я — личность! Личность — свободна...».

В контексте интеллигентски-нейтральной речи, построенной как размышления и обобщения, настойчиво повторяются стилистически окрашенные бранные слова (дурацкие волнения, черт их возьми, черт дернул). Колорит этих слов становится психологически значимым: он передает озлобленность и раздражение Петра, пострадавшего вовсе не за убеждения, а из-за тщеславного желания не отставать от окружающих, его мелочное брюзжание, бунт мещанина, отстаивающего свою мнимую независимость от общества.

Чрезвычайно важно и другое проявление стиля драматурга — искусство диалога: объединение высказываний персонажей в целостные единства, умение передать всей сложной совокупностью реплик героев авторскую позицию, пафос авторской мысли.

Драма Горького поражает стройностью, внутренним, органическим единством композиции диалогов. Восприняв принципы чеховских драм, которые «отвлекают человека от реальностей до философских обобщений», Горький продолжает эти традиции в соответствии с особенностями своей философско-идеологической драмы. В подтексте пьес Горького развивается единая авторская мысль, раскрывается идейный план произведений. Подтекст получает разнообразные формы выражения. Это и символические образы, семантически объемные и многоплановые. Например, символ «дачники», раскрывающихся в сопоставлении диалога и в новых лексико-синтаксических связях слова в контекстах («Мы — дачники в нашей стране») как характеристика роли буржуазной интеллигенции. Таковы же символы «дети солнца», «варвары», «фальшивая монета» в одноименных пьесах. Это и перекличка «ударных реплик», ведущих единую тему (например, тему приближающихся революционных боев и победы рабочего класса во «Врагах»). Это и подтекст, создающийся соотношением соседних реплик диалога. Например, в подтексте многих диалогов пьесы «Егор Булычов и другие» — мысль о неиз-

---

ЛЮБОВЬ К ОБРАЗУ

«Благороднейшее изо всех приобретений было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать: лошадь» — эту фразу Д'Аламбера приводит Пушкин в статье о прозе (1822) и добавляет: «Признаюсь, я почти согласен с его мнением».

Образ коварен. Нередко он помогает, но может и подвести. Так, едва ли удачна образность таких фраз (из газет): «Отсюда расходились по всей Руси и били в набат тонкие папиросные листочки ленинской „Искры"»; «Полчища немецких интервентов стягивались к колыбели пролетарской революции»; «Пламя социалистического соревнования охватило всех».

Как видим, нельзя упускать из виду реальный смысл, конкретную основу образа, иначе получается неожиданный результат.

В статье «Скептик в ушанке» («Московский комсомолец», 8 декабря 1967) есть такие строки: «Три года в совхозе меняются вожаки, и каждый, взвалив на себя тяжелый груз обязанностей, штопает ослабленные участки: посадит заплату, а рядом — новая дыра. Разве под таким „одеялом" согреешься».

Каждый «образ» в отдельности можно понять и допустить, но поставленные рядом, они, так сказать, не образуют семантического ряда, в известной мере противоречат один другому.

В. О.

бежности крушения старого мира, о приходе новых людей, готовящих революционное переустройство жизни.

В диалоге с Донатом Шура хочет узнать об истинном отношении людей к отцу. После лукаво-уклончивых ответов Доната («Извозчики — как будто любят, он с ними не торгуется») диалог завершается:

Шура (притопнув ногой). Ты смеешься?

Донат. Зачем? Я правду объясняю.

Шура. Ты стал злой. Ты совсем другой стал!

Донат. Ну, где уж мне другим быть! Опоздал я.

Переосмысление слова *другой* Донатом рождает намек на существование совсем иных, «других» людей, противостоящих буржуазному миру, знающих законы истории,— творцов новой жизни. Подтекст диалога — звено в развитии единой авторской мысли о грядущих революционных переменах.

Большую роль в архитектонике пьес, как называл сам Горький структуру диалога, играют и словесные лейтмотивы, т. е. слова, выполняющие особую идейно-композиционную роль, имеющие структурное значение в движении характеров и развитии идейного плана драмы.

Слово-лейтмотив по-разному осмысляется героями в соответствии с различием их мировоззрений, культуры, социальных идеалов. Так, например, слово *добрый* в диалогах пьесы «На дне» оказывается важным звеном в решении центральной для пьесы проблемы гуманизма, связанной с образом Луки. Лука сам проповедует добро: «Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел». О природе доброты рассуждают и Пепел, и Сатин, и Актер, и Наташа.

Развитие действия, судеб героев, на которых распространяется доброта Луки (Анна умирает не примиренной со своей судьбой; Актер уходит из жизни, поняв обман обещаний Луки и т. д.), толкование доброты разными персонажами рождают сложной совокупностью перекрещивающихся диалогов и авторское толкование понятия: «добрый» Лука — относящийся с жалостью к бедам людей, но пассивным состраданием, прекраснодушным утешительством и ложью унижающий людей, примиряющий их с тяжестью жизни.

Слова-лейтмотивы служат структурной основой диалогов и во многих других пьесах Горького: хозяин — в «Мещанах», мать — в «Последних», сила — в «Егоре Булычове» и т. д.

Искусство построения речи персонажей на точном и сложном использовании всех семантико-стилистических возможностей слова, драматургическое мастерство в «режиссерском» управлении диалогом, своеобразие форм передачи авторской публицистической мысли (система подтекстов, слова-лейтмотивы, символические образы, афористические обобщения) — все эти особенности драматургического стиля Горького и создают непревзойденную силу, энергию, сценическую выразительность и драматизм горьковского слова.

М. Б. БОРИСОВА,
доцент Саратовского университета

Слово *каламбур* (французское calembour) связано с именем вестфальского барона Каленберга, который, плохо владея французским языком, прославился при дворе Людовика XV постоянными двусмысленностями, невольными остротами.

Сближение двух слов, не связанных происхождением, но имеющих звуковое подобие, называется народной этимологией. Это один из основных приемов создания каламбуров — яркой языковой характеристики героев художественных произведений А. М. Горького.

Игру слов, каламбуры часто использует А. М. Горький как языковую «краску», одно из средств характеристики изображаемых героев и событий. «Люди и отличаются словами друг от друга, и украшают себя ими, побрякивая, играя словами, как золотыми и серебряными цепочками своих часов»,— думает жена Петра Артамонова. Героев Горького — Луку и Клеща, Достигаева и Антонину, Егора Ивановича и Якова Маякина — можно узнать по характерным для них «обыгрываниям» слов, прибауткам и поговоркам.

На купеческой пирушке в Нижнем Алексей Артамонов рассказывает о том, что «в городе Сиракузы знаменитейший ученый был; предлагал он царю: „Дай мне на что опереться, я тебе всю землю переверну“» — Ишь

Каламбуры у Горького

ты, серопузый!“... „Верно, серопузый“»,— поддакивают невежественные, безграмотные купцы и промышленники, обращаясь с незнакомым названием так же, как барон Каленберг обращался с французским языком.

Вот юркий, проворный, как блоха, старикашка Яков Маякин, выбивающий своими остренькими прибаутками почву из-под ног своих конкурентов и врагов: «свинья ищет, где лужа, а Фома — где хуже», «мертвому — рай, живой — дальше играй» «или всех грызи или лежи в грязи». Даже на смертном одре Маякин остается верен себе: «Ну, ребята — живите богато!» — говорит он сыну, дочери и зятю в последние минуты жизни.— «Поел Яков всяких злаков, значит Якову пора долой со двора... Видите — умираю, а не унываю...» (Фома Гордеев).

Выбор способа построения каламбура у Горького часто зависит от характера человека, который их употребляет. Так, например, бросается в глаза, что рифмованные каламбуры употребляют говоруны и острословы, часто напоминающие друг друга даже внешностью. В «Деле Артамоновых» эпизодически, на гулянии в Нижнем, появляется «одноглазый, остроносый, костлявенький старичок, дисконтер Лосев», внешне — копия Якова Маякина. И словами он играет так же: «У Алексея Ильича умишко — мышка, все знает: где — сало, где — мало, и грызет, грызет!...»; «Слухи — мухи!».

Вспомним также Луку из пьесы «На дне» с его ловкими прибаутками или молодого острослова и говоруна-приспособленца Митю Логинова, которого так характеризует Никита Артамонов: «Я таких много видел, крас-

нобаев. Путают они народ. И сами тоже в словах запутались. Скажи ему: горох, а он тебе: горы, ох...».

Игра слов превращается в черту характера, по которой узнаешь героев горьковских книг. Персонажи Горького играют словами, чтобы «всех обыгрывать», как говорит Елизавета о Достигаеве (Достигаев и другие). Каламбуры становятся оружием, при помощи которого защищают или завоевывают свое место в жизни. «Все мы на земле странники. Говорят,— слыхал я,— что и земля-то наша в небе странница»,— уклончиво отвечает Лука на вопрос Барона, кто он такой.

Но хозяина ночлежки Костылева, по мнению которого «человек должен определять себя к месту,... а не путаться зря на земле», такое понимание слова явно не устраивает. Стремясь поразить своего противника Луку, он разрушает как внешнюю, так и внутреннюю форму слова *странник:* «... Что такое странник? Странный человек... не похожий на других... Ежели он — настояще странен... что-нибудь узнал эдакое... не нужное никому... может, он и вправду узнал там... ну, не всякая правда нужна... да! Он — про себя ее храни... и — молчи! Ежели он настояще-то странен... он — молчит! А то — так говорит, что никому не понятно... И он — ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит... Как люди живут — не его дело... Он должен преследовать праведную жизнь, жить в лесах... в трущобах... невидимо... А ты... какой ты странник?» Костылев, подменяя значение важного для него слова, стремится заставить Луку жить и поступать так, как хочет этого он, «хозяин жизни». Тем же приемом «убеждения» пользуется и жена Костылева Василиса. Но в отличие от своего супруга она не ведет философских диспутов с зависимым от нее постояльцем. Ее определение «странника» более категорично: «Прохожий... тоже! Говорил бы — проходимец... все ближе к правде-то...».

Не всегда, однако, разрушение внешней оболочки слова искажает его внутреннее содержание. Горький пользуется игрой слов и для того, чтобы сконцентрировать внимание на основном, главном для него значении слова. Егор Иванович часто рассказывал рабочим, собиравшимся у Павла Власова, о том, как в разных странах народ пытается облегчить свою жизнь. Ниловна, слушая его речи, выносила из них странное впечатление: будто самыми страшными врагами народа были «маленькие, пузатые краснорожие человечки, бессовестные и жадные, хитрые и жестокие. Когда им жилось трудно под властью царей, они науськивали черный народ на царскую власть, а когда народ поднимался и вырывал эту власть из рук короля, человечки обманом забирали ее в свои руки и разгоняли народ по конурам, если же он спорил с ними — избивали его сотнями и тысячами».

Однажды мать попросила Егора Ивановича объяснить ей, правильно ли она поняла картину жизни, нарисованную в его рассказах. Егор Иванович ответил на ее вопрос каламбуром: «Именно толстенькие человечки — главные греховодники и самые ядовитые насекомые, кусающие народ. Французы удачно называют их буржуа. Запомните, мамаша — бур-жуа. Жуют они нас, жуют и высасывают...» (Мать).

Писатель очень тонко использовал чисто внешнее сходство для раскрытия внутреннего содержания слова «буржуй». И это образное объяснение, данное Егором Ивановичем, запомнилось Ниловне на всю жизнь.

Бывает и так, что герои Горького сознательно искажают иностранное слово, чтобы достичь юмористического эффекта. Извращая слово *философия*, заносчивый, высокомерный Мирон Артамонов, вкладывает в деформированное им слово *хилософия* свое холодное презрение к философам и лирикам. «— Ну, брат, это хилософия... это мудрствование от хилости, от неумелости,— поучает он поэта Горицветова, резко обличающего капиталистическую „цивилизацию“.— Это хилософия, это — стишки! Это языкоблудие и суемудрие, друг мой. Жизнь — борьба; лирика, истерика неуместны в ней и даже смешны...».

Каламбур может строиться и на аналогичном сопоставлении двух русских слов. В отличие от каламбуров типа *Сиракузы — серопузый* такая игра слов всегда сознательна, этимологическое сближение делается для раскрытия нового содержания слова: «Должен! В слове этом есть что-то общее с глаголом — лгать. Должен, долгался...»,— говорит Антонина в пьесе «Достигаев и другие», «Скука — от людей,— объясняет Тихон Вялов,— скучатся они в кучу и начинается скука»; «Мяли много, оттого и мягок»,— этимологизирует слово «мягкий» Лука.

Народно-этимологические экскурсы, как мы видели на примерах слов *странник, прохожий, философия,* превращаются в жаркие идейные схватки.

Обыгрывание этимологии как острый сатирический прием особенно ярко предстает в каламбурах с собственным именем. Видимо, это можно объяснить обычной семантической инертностью собственного имени. Нарушение этой инертности, оживление «значения» имени, уже само по себе необычное, да еще к тому же попавшее в фокус игры слов, сразу резко выделяет это имя из ряда слов-знаков, становится запоминающейся характеристикой.

Фома Гордеев в своей гневной филиппике на пароходе Ильи Кононова обрушивается, между прочим, и на Лупа Резникова. Бывший содержатель публичного дома разбогател, убив своего клиента. На собравшихся простое напоминание об этом факте не произвело бы особого впечатления, потому что он был общеизвестен. Но Фома привлекает к нему внимание тем, что раскрывает «значение» имени *Луп.* И это *луп-, луп-, луп-,* настойчиво повторяемое Фомой, заставляет всех лупов вздрагивать, как от пощечин: «А ты, Луп,— открой опять веселый дом, да и лупи там гостей, как липки... Потом тебя черти облупят, ха-ха! Кого ты убил тогда, Луп!».

Пользуясь тем же приемом, одну из самых удачных характеристик Луке дает Васька Пепел: «Что Лука, старец лукавый, все истории рассказываешь?».

К каламбурам, построенным на народной этимологии, близки каламбуры, вызванные звуковой ассоциацией. Чаще всего она выражается рифмой (почти абсолютной). Такая игра слов в отличие от этимологических каламбуров не есть осознанная или невольная потребность проникнуть внутрь слова, а скорее — эмоциональная реакция на слово-эхо, его повторяющее. Поэтому подобная игра слов сама по себе не меняет направление разговора, а лишь подчеркивает сказанное, служит своего рода логическим ударением. Но у Горького этот прием, повторяясь, также служит речевой характеристикой. Эхоподобная, на первый взгляд, бессмысленная игра слов Булычова как бы смахивает ненужную шелуху со слов его собеседников:

«Павлин. Злое и пагубное творите вы в присутствии отроковицы... Булычов. От рукавицы, от рукавицы... Обучают вас, дураков, как собак на зайцев...» (Егор Булычов и другие).

Чаще слово-резонатор и слово-эхо ассоциируются и по смыслу. Такой ассоциацией может быть синоним, антоним, сравнение. В этом случае игра слов становится пословицей или поговоркой. Именно такое обыгрывание слов типично для многих героев горьковских произведений: «Не всякому человеку можно рожу стереть, но ежели иного побить молотом, он будет золотом»,— говорит Маякин Фоме Гордееву; «Не робей,— поучает он Фому в другом месте,— хотя у них [чиновников.— *В. М.*] на брюхе-то шелк, да в брюхе-то щелк»;— Какие у нас друзья?— тихо воскликнул мужик.— До первого куска.

— А я говорю — есть друзья у народа...

— Есть, да — не здесь,— вот оно что! — задумчиво отозвался Степан» (Мать).

Все эти приемы построения каламбуров в основном опирались на народную этимологию. Этимологический каламбур — самый распространенный вид игры слов.

Но при создании каламбуров Горький не ограничивается народной этимологией. Он часто использует многозначность слова. Горький сталкивает конкретное значение слова с другим его значением, непосредственно с данным контекстом не связанным. Такая игра слов обычно является переломным моментом в диалоге. Разговор переносится в другую плоскость, его направление резко меняется.

В пьесе «Мещане» пьяный Тетерев ощущает потребность излить кому-нибудь свою душу. Нил, оставшийся с ним вдвоем, не настроен на морально-философскую беседу и предлагает отвести его домой. Тетерев, как утопающий за соломинку, хватается за это слово и переводит с его помощью разговор на желаемую тему:

«Нил. Однако ты здорово напился... Шел бы к себе, а?

Тетерев. Укажи — где это?

Нил. Ну, не дури! Хочешь, отведу?

Тетерев. Меня, брат, не отведешь. Я не состою в родстве ни с обвиняемыми... ни с потерпевшими. Я — сам по себе...».

Нил имеет в виду конкретное значение глагола *отвести* 'сопровождая, доставить в какое-либо место'. Тетерев употребляет этот глагол в качестве юридического термина — 'отстранить свидетеля, отказаться от него на основании его родства с обвиняемым'. Далее Тетерев, уже не ожидая помощи Нила, как бы подсказывает ему новое слово с конкретным значением — *упасть*, чтобы иметь возможность продолжать свою линию разговора:

«Нил. Ну, иди же, иди!

Тетерев. Оставь меня! Ты думаешь, я могу упасть? Я уже упал, чудак ты! Давно-о! Я, впрочем, думал было подняться, но прошел мимо ты и, не заметив, не нарочно, вновь толкнул меня! Ничего, иди себе! Иди, я не жалуюсь... Я, падший, сопровождаю тебя взглядом одобрения — иди!».

Тетерев сталкивает конкретно-физическое значение глагола *упасть* 'свалиться на землю' и его «моральное» значение 'уронить себя в глазах об-

щества' (ср.: упасть духом, морально и под.). Сталкивает и одновременно сближает, употребляя глагол *подняться*, который служит антонимической парой к *упасть* в конкретно-физическом значении. Игра слов превращается в развернутую метафору, которая усиливается глаголом *толкнуть*. Абстрактное значение слова *упасть* вновь становится конкретным, осязаемым. Но Тетерев в конце своей тирады внезапно возвращает это значение, употребляя причастие *падший*, в современном языке означающее исключительно 'утративший общественное значение, уважение'. Бумеранг вернулся, и Тетерев может метнуть его еще раз.

Игра слов придает иной смысл и глаголу *идти*, семантически относительно стабильному:

«— Ну, *иди* же, *иди*!» — говорит Нил вначале, имея в виду конкретное действие 'двигаться, переступая ногами'. Тетерев, перехвативший это слово, возвращает его Нилу в конце диалога, зарядив его более абстрактным, переносным значением 'следовать по дороге в (светлое) будущее'. Так нанизывается целая серия каламбуров, связанных общим принципом построения: от конкретного значения — к абстрактному.

Поводом к каламбуру может быть и абстрактное значение слова. В этом случае сопоставление абстрактного и конкретного значений заостряет смысл сказанного: «Никаких взглядов у тебя нет, а людей ты видишь голыми»,— говорит Антонине Достигаев, и игра слов становится меткой, выразительной характеристикой Антонины.

Один из наиболее эффекивных приемов создания каламбуров у Горького — обыгрывание фразеологических оборотов. По сути дела, такие каламбуры — результат синтеза этимологического каламбура и семантического обыгрывания слова. Ведь фразеологический оборот — устойчивая конструкция, объединенная общим значением. Поэтому нарушение этой устойчивости вызывает такую же реакцию, как народно-этимологическое толкование одного слова другим. Обычно же нарушение устойчивости фразеологического оборота возможно лишь тогда, когда его значение в целом и значение его отдельного компонента могут не совпадать.

«Алешка (входит босой). Братцы! Я ноги промочил!

Бубнов. Иди — промочи горло... Только и всего...» (На дне).

Здесь мы наблюдаем использование разных значений двух формально сходных речевых элементов. Отличие этого каламбура от построенного на двузначности глагола *упасть* в том, что значение 'сделать влажным' соответствует одному слову — *промочить*, а значение 'выпить спиртного'— словосочетанию *промочить горло*.

«Костылев. Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

Клещ. Ты петлю на меня накинь, да задави...» (На дне);

«Башкин. Я все-таки полагаю, что безцаря — нельзя!

Звонцов. Царь должен быть не в Петрограде, а — в голове» (Егор Булычов и другие);

«Варвара. Она [Шура] предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с Антониной...

Шура. Ну и пускай. Люблю пускать пузыри. Что тебе — мыла жалко?» (Егор Булычов и другие).

Игрой слов особенно насыщены пьесы Горького.

Анекдот или афоризм можно приготовить заранее и преподнести в надлежащий момент. Такие случаи нередки. Известно, например, что французский писатель и журналист Антуан де Ривароль, прославившийся своими остротами, придумывал их по утрам и, записав на листе бумаги, разучивал за утренним туалетом. Можно вспомнить, как, перебивая друг друга, взахлеб, рассказывали в поезде свои заветные, не связанные между собой анекдоты, герои Ильфа и Петрова.

Каламбур же не может быть приготовлен заранее. Он — мгновенная реакция на слово собеседника. Упущен момент — и игра слов уже становится невозможной. Вот почему контекст играет в создании каламбура огромную роль.

Обусловленный контекстом каламбур нередко бывает неожиданным сюрпризом для обоих собеседников: создатель каламбура не знает, когда ему представится возможность обыграть слово, а его партнер не предполагает, что его слова могут быть «вывернуты наизнанку» каламбуром.

Вот разговор Петра Артамонова с женой.

« — Ты гляди за Еленой, около нее цыган этот, Коптев, вьется. Алексей мирволит ему. Елена — кусок жирный, не для такого. Присматривай ей жениха.

— Какие тут женихи для нее,— озабоченно говорила Наталья.— Женихов надо в губернии искать. Д а р а н о б ы...

— Гляди — р а н я т,— усмехнулся Артамонов и этим вызвал у жены игривый хохоток» (Дело Артамоновых).

Этот каламбур — приятная неожиданность для обоих супругов, не наделенных от природы чувством юмора.

Неожиданным и неуклюжим кажется каламбур Клеща, опошляющий воспоминания Актера (На дне):

«Актер. В драме „Гамлет" говорится: „Слова, слова, слова!". Хорошая вещь... Я и г р а л в ней могильщика...

Клещ (выходя из кухни). Ты с м е т л о й и г р а т ь скоро будешь?».

Такие каламбуры, как правило, примитивны, вызваны почти абсолютным звуковым тождеством, которое само просится на язык, и поэтому обычно резко меняют логическое направление разговора. Подобная игра слов зачастую случайна и не является постоянной речевой характеристикой.

Иное дело, когда каламбур употребляется человеком словоохотливым и острым на язык. Языкастая торговка Марья Корсунова, лишь эпизодически мелькнувшая в романе «Мать», полностью характеризует себя в разговоре с Ниловной:

« — Поглядывай за сыном, Пелагея!

— Что такое? — спросила мать.

— Слух идет! — таинственно сообщила Марья.— Нехороший, мать моя! Будто он устраивает артель такую, вроде хлыстов. С е к т ы — называется это. С е ч ь будут друг друга, как хлысты...

— Полно, Марья, е р у н д у п о р о т ь!

— Не тот врет, кто п о р е т, а тот, кто шьет! — отозвалась торговка».

Бойкий ответ-каламбур, подсказанный фразеологическим оборотом, не кажется случайным. Народно-этимологическое толкование *секта* от *сечь*, употребленное перед ним, делает игру слов типичной для Марьи. В этом

случае контекст является условием проявления этой характерной речевой особенности.

Отличие каламбуров, эпизодически употребляемых героями, от каламбуров — средств речевой характеристики состоит в том, что для первых контекст — необходимость, а для вторых — он желательное, но не обязательное условие. Герои, постоянно играющие словами, часто специально затягивают разговор, подчас долго ищут нужное для каламбура слово.

Маякин, например, во что бы то ни стало желающий обыграть слово *машина*, повторяет его несколько раз, кружит над ним, как муха, отводит разговор в сторону... И вдруг — удар каламбуром, заряд которого — то же слово *машина*. Пищу для этого каламбура дает рассказ Фомы о беседе с Шуровым: «— Говорил он [Шуров] также насчет труда... „Все, говорит, машины работают, а люди от этого балуются...“.

— Поехала кума, неведомо куда! — пренебрежительно махнул рукой Маякин... М а ш и н а! Он бы, старый пень, подумал — какая она, м а ш и н а - т о? Железная! — Стало быть, ее не жалко, завел — она и кует тебе рубли... без всяких слов, без хлопот... А человек — он беспокойный и жалкий... Воет, ноет, плачет, просит, пьян напивается ...в нем лишнего для меня — ах, как много! А в м а ш и н е, как в а р ш и н е — ровно столько содержания, сколько требуется для дела...».

Слово наконец найдено. Фома может продолжать свой рассказ, а Маякин должен вновь зорко следить за словами своего собеседника в поисках следующего повода для каламбура. Но и такие «полунатянутые» каламбуры-поговорки органически вплетаются в живую ткань горьковских произ-

---

Об одном эпитете в романе «МАТЬ»

Используя эпитет, писатель выделяет те свойства и признаки изображаемого им явления, на которые он хочет обратить внимание читателя.

В первой фразе романа А. М. Горького «Мать»: «Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких *серых* домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие сном освежить свои мускулы» — *серый* воспринимается как обычное определение к слову *домов*, не претендующее на художественную изобразительность. Но в дальнейшем мы убеждаемся в том, что неоднократно повторяемое слово передает эмоциональную оценку автора определенных явлений, лиц, предметов: «*Серый* маленький дом Власовых все более и более притягивал внимание слободки»; «К ней [фабрике] прижимались одноэтажные домики рабочих. *Серые*, приплюснутые, они толпились тесной кучей на краю болота...» — и становится очевидным, что эта перекличка слов у писателя не случайна. Слово становится все значительнее, образнее.

Сцена обыска в доме Власовых начинается так: «В дверь странно быс-

ведений. Целесообразная обусловленность — одна из наиболее общих особенностей каламбуров Горького.

Все специфические особенности игры слов Горького в небольшом этюде разобрать невозможно. Здесь лишь сделана попытка на конкретных примерах показать, как создаются каламбуры, как и где они употребляются. Особенности создания и употребления горьковских каламбуров анализировались, т. е. рассматривались последовательно, расчлененно. Но любой анализ — в той или иной степени — схема, скелет, лишь дающий возможность познать ту или иную часть всего организма. А каламбуры Горького живут полнокровной жизнью, где все эти части работают одновременно, находятся в постоянном движении. Возьмем самый несложный, «безобидный» каламбур Бессеменова из «Мещан»:

«Акулина Ивановна. Не больно ли ты строго с Перчихиным-то поступил? Он ведь безобидный...

Бессеменов. А безобидный, так и не обидится...».

В этом довольно нехитром каламбуре мы найдем и неожиданное нарушение смысловых границ слова, и красочную характеристику лицемерного деспота Бессеменова, и контекстуальную подоплеку. Все это делает горьковскую игру слов незаменимым средством переосмысления и беспредельного расширения смыслового диапозона слова.

Андре Моруа писал: «Трудно создавать идеи и легко создавать каламбуры; вот откуда успех философов...». Но каламбур каламбуру рознь. Горьковские каламбуры — это не простое жонглирование словами с целью подкупить читателя, заставив его добродушно улыбнуться. Это — синтез идеи и острого слова. Собственно, это не столько игра слов, сколько игра идей, заключенных в слова. Каламбур выражает горьковскую идею, заостряет ее и заставляет читателя задуматься над тем, над чем уже много передумал сам писатель.

В. М. МОКИЕНКО,
преподаватель ЛГУ

тро ввернулась высокая *серая* фигура, за ней другая, двое жандармов оттеснили Павла...». И через несколько страниц: «Наконец толпа людей в *серых* шинелях вывалилась в сени и, прозвенев шпорами, исчезла». Тот же эпитет! Но выступает он в иной словесной среде, в ином художественно-смысловом качестве. Если *серые домики* вызывают представление о бедности, скуке, однообразии жизни рабочих, то *серые шинели* и *серые фигуры* характеризуют злобную, послушную в руках царизма силу, держащую рабочих в повиновении и страхе.

Буквально «нагнетание» эпитета в этом значении встречаем при описании схватки рабочих с войсками, прибывшими для разгона демонстрации. «В конце улицы..., закрывая выход на площадь, стояла *серая* толпа однообразных людей без лиц»; «Знамя... двинулось к *серой* стене солдат...»; «*Серая* волна солдат колыхнулась...»; «...человек... — в длинном *сером* пальто на красной подкладке и с желтыми лампасами на широких штанах»; «... плотная цепь *серых* людей...»; «...знамя вздрогнуло, наклонилось и исчезло в *серой* кучке солдат». На трех с небольшим страницах — шесть раз одно и то же определение! И вот что интересно:

читателю не приходит в голову упрекнуть автора в нарушении чувства художественной меры. Напротив, во всех случаях эпитет воспринимается как необходимый. Впечатление это не ослабевает и при чтении страниц, где изображается царское «правосудие». Здесь эпитет *серый* помогает вскрыть безликость, равнодушие судей, стоящих на стороне «закона», выполняющих свое дело формально: «В *левом* углу отворилась высокая дверь, из нее, качаясь, вышел старичок в очках. На его *сером* личике тряслись белые редкие баки...»; «Все судьи казались матери нездоровыми людьми. Болезненное утомление сказывалось в их позах и голосах... — болезненное утомление и надоедная *серая* скука». О словах прокурора: «Холодные, как снег, и *серые,* точно пепел...». О старшем судье: «*Серые* пятнышки за стеклами его очков порою исчезали...».

Почему слово *серый* обращает на себя внимание, воздействует на читателя? В контексте оно удовлетворяет требованиям предметно-логической точности (например, шинели действительно серого цвета) и в то же время заключает в себе оттенки образных представлений с отрицательной эмоциональной окраской. Писатель опирается на традицию образного использования слова в русском языке. Вспомним *серого волка* в народных сказках; пословицы: «Говорит красно, а выходит *серо*»; выражения, бытующие в устной и письменной речи: *серые мысли, серая личность, серая погода.* В. Г. Короленко одну из глав повести «В дурном обществе» не случайно назвал «Среди серых камней», имея в виду подземелье, где ютились бедняки. А гибель маленькой Маруси поясняют потрясающие слова: «*Серый* камень высосал из нее жизнь». А. Н. Веселовский пишет о том, что народной символике цветов свойственно связывать серый, рыжий, черный цвета с отрицательными впечатлениями.

Значительность и эмоциональная напряженность эпитета *серый* усиливается, во-первых, тем, что он многократно употребляется со словами одного круга понятий. Во-вторых, тем, что он взаимодействует с эпитетами сходной с ним тональности (например, о судьях: «*Пеживые, желтые* и *серые* лица ничего не выражали»). И, наконец, эпитету *серый* противопоставлены эпитеты яркой эмоциональной окраски. Они характеризуют силы, поднявшиеся в канун первой русской революции на борьбу с царским самодержавием: «Все ближе сдвигались люди *красного* знамени и плотная цепь *серых* людей...»; «*Серым* пятном прыгал маленький офицерик, светилось *бронзовое* лицо Павла...».

Это же противопоставление встречаем и на значительно удаленных друг от друга отрезках текста. О глазах старшего судьи: «*Серые* пятнышки за стеклами его очков порою исчезали, расплываясь по лицу». О глазах Павла: «...глаза сына горели *красиво* и *светло...*»; «...его голубые глаза... теперь горели *мягко* и *ласково*». О речи прокурора: «...слова, холодные, как снег, и *серые,* точно пепел...». О речи Павла: «Голос Павла звучал *твердо*, слова звенели в воздухе *четко* и *ясно...*».

Рассмотренный нами случай употребления одного эпитета показывает большие возможности использования образных средств языка великим мастером слова.

Л. А. ТАРАБРИН,
заслуженный учитель РСФСР

Словарь А. М. ГОРЬКОГО

Читаю: — Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.
Век заедать, век заживать чужой...—
В словах звучат укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

С. МАРШАК

Слово передает мысль, оно окрашено чувством, поэтому описание слов в авторском словаре — это как бы новые не читанные еще рассказы писателя. Герои нам знакомы, их жизнь известна, обдуманы и пережиты идеи любимых книг, но здесь они предстают перед нами в совсем ином виде. Главный персонаж — слово, собранный в его значениях народный опыт, который воспринят писателем, обогащен его талантом.

Статьи словаря идут, как обычно в алфавитном порядке (глаз, голос, горе, гордый, горсть и т. д.), они не похожи одна на другую, но авторский почерк объединяет их. В единстве стиля по-своему согласуются слова близких значений (беда, горе, несчастье), по-своему звучат противопоставления (глухой — звонкий, мягкий — твердый, высокий — низкий). Все это делает словарь своеобразным сводом поданных через слово идей, образов и художественных средств их выражения.

Несколько примеров из описания слова *гореть* в значении 'поддерживать собою пламя, пылать'. В них сразу заметен горьковский почерк. Вот прямое употребление: «Пароход шел, не замедляя движения, за правым бортом, очень близко, горели костры косарей, ночь была светлая, высоко стояла полная луна» (В людях); сравнение: «Гикнув, приседал на пол [Цыганок] и метался золотым стрижом, освещая все вокруг блеском шелка, а шелк, содрогаясь и струясь, словно горел и плавился» (Детство); образное использование слова: «Кочегар не смеялся, не осуждал, ничто не обижало его и не радовало заметно... Жизнь горела перед ним, как огонь в топке под котлами, он стоял перед топкой... и тихонько стучал по крану форсунки, убавляя или прибавляя топлива» (В людях); переносное значение: «Они [крючники-татары] выстраивались на открытом месте, мы, с визгом, носились вокруг их, швыряя лаптями, они тоже выли и оглушительно хохотали... Игра горела долго, иногда вплоть до темноты...» (Детство) (Из разработок Словаря автобиографической трилогии М. Горького, примеры даны по 30-томному Собранию сочинений. М., 1951).

Изучив в произведениях Горького каждое слово во всех его применениях, убеждаешься, что их значения связаны между собой не только исторически и логически. Соотношения их определены семантико-стилистической системой писателя, то есть зависят от его идеологии и творческих принципов.

Экспрессия в художественном тексте не менее активна, чем мысль.

Окраска слов и их групп чувством во многих случаях специфична для автора и устойчива. У Горького шутливая или ироническая интонация сопровождает нередко даже такие слова, как *гордость*, *гордый*, *гордо*. Понятно, что во многих контекстах они звучат вполне серьезно, однако в других проникнуты юмором: предмет гордости оказывается неожиданным, неуместным, нелепым. Такое употребление оборота *с гордостью* (и его варианта *не без гордости*) типично для автобиографических повестей. Это и сказалось тотчас же при словарной разработке: «Он [хозяин] качает круглой головой... и обидно говорит: „Ветошничество — это хуже нищенства, хуже воровства. Не без гордости я заявляю: — Я ведь и воровал тоже“» (В людях); «Кто это тебя избил? — спрашивает Ромась, усмехаясь. — Так, какие-то темных должностей люди, наверно — жулики, — презрительно говорит Кукушкин. И — с гордостью: — Нет, меня, однова, антиллеристы били, это — действительно!» (Мои университеты).

Тот же шутливый оттенок и в употреблениях слов *гордый*, *гордо*: «— Я решил, что успею причаститься, и попросил игроков [в бабки]: — Примите меня! — Копейку за вход в игру, — гордо заявил рябой и рыжий человек. Но я не менее гордо сказал: — Три под вторую пару слева!» (В людях).

Индивидуальность автора проявляется в окраске слова чувством даже в тех случаях, когда он сохраняет привычные в общем языке соотношения смысла и экспрессии и, тем более, когда писатель их изменяет (иногда очень резко, кардинально). Например, шутливо ласково, а не гневно осудительно звучит у Горького оборот *двуногие звери* (о людях): «А тут еще ветер разодрал тяжелую массу облаков, и на синем, ярком пятне небес сверкнул розоватый луч солнца — его встретили дружным ревом веселые звери, встряхивая мокрой шерстью милых морд. Обнимать и целовать хотелось этих двуногих зверей, столь умных и ловких в работе, так самозабвенно увлеченных ею» (Мои университеты). Так описана работа портовых грузчиков, но та же окраска сохраняется в трилогии и в других случаях переносного и образного употребления слова *зверь*. Экспрессивная окраска слов в художественном тексте находится в прямой зависимости от мироощущения автора.

В словарных статьях отражено все богатство избранных художником словесных связей. Как разнообразен в них М. Горький, легко показать на любом слове хотя бы из его портретных зарисовок (голова, глаз, губы, волосы и т. д.), из описания действий героев, их психологии и т. д. Вот перечень эпитетов к слову *голос:* трубный, кипящий, жужжащий, раздражающий, сиповатый, мягко обнимающий, теплый и мягкий, странный, погашенный, ленивый и тяжелый, ленивый и жирный, ясный и легкий. Сюда же необходимо добавить и связи с глаголом: голос поет, голос взвизгивает и всхлипывает, трубит, голос звучал все более громко и торжествующе и т. д. Для каждого примера словарь дает контексты, стремясь сохранить авторский стиль. Ср.: «Голос у него был глухой, тусклый, а слова — яркие и что-то соловьиное пело в них» (Мои университеты); «Гудит мягкий, сладкий голос, течет одуряющая речь» (В людях); «Голоса и речи их звучат негромко и так сладко, что иногда кажется, точно они песню поют...» (Детство). (Всякий раз указано

и имя персонажа, о котором упомянуто в цитате.)

Собрав и объединив в словаре все случаи словоупотребления, мы сможем проследить повторение (в разных ситуациях) и развитие художественного приема. Характерен в этом смысле, например, мрачный образ, вызываемый в трилогии словом *гроб:* «Снежные люди молча мелькают мимо двери магазина — кажется, что они кого-то хоронят, провожают на кладбище, но опоздали к выносу и торопятся догнать гроб», «Меня почти до слез волнует эта баржа — она похожа на гроб и такая лишняя на просторе широко разлившейся реки», «Я снова в городе, в двухэтажном белом доме, похожем на гроб, общий для множества людей» (В людях). Отсюда естественно встретить в лексической системе трилогии и слово *гробообразный:* «...Мне тесно в маленькой комнатке, под гробообразным потолком» (Детство).

В сочинениях Горького не счесть народных выражений, пословиц, поговорок, присловий. В словаре они показаны со всей полнотой во всех значениях. Вот некоторые примеры к словам *горло* и *горе.* [Кто-н.] кость в горле кому-н. (до крайности мешает другому, стоит у него поперек дороги): «Кукушкин... говорит с восхищением, обратив к нам изувеченное лицо: — Особо тебя, Антоныч, поп не любит... — Это верно,— подтверждает Панков.— Ты ему, псу рябому, кость в горле» (Мои университеты). Такой же народный характер имеют и фразеологизмы: во все горло, горло перехватывает (перехвачено), заглотаться по горло; с горя, горе ушибло, горя хлебнуть (полным сердцем), отведать горя досыта и т. д.

Словарь фиксирует и объясняет авторские изменения принятых в языке выражений. Например: «Шагал в серой мгле по сугробам, слушая вой метели, и, вспоминая яростные взвизгивания разбитого человека, чувствовал, что его слова остановились где-то в горле у меня, душат» (Мои университеты). И обычное: «Слова застряли в горле у кого-н.» (трудно что-н. сказать от волнения). Суть творческой замены выражения в том, что мешают, не давая свободно дышать и стесняя горло, не свои, а чужие слова. Эстетическая действенность приема очевидна.

Здесь описан в самых общих чертах принцип составления словаря Максима Горького. За образец взяты разработки текста автобиографических повестей. В этом была своя цель: показать, как вскрывает словарное описание их художественное единство. Горьковский словарь и составляется не путем объединения всех слов во всех сочинениях, а по произведениям писателя и по их циклам. Задача словаря — проследить изменение стиля автора в зависимости от жанра, изучить его эволюцию от ранних рассказов до последнего периода творчества. Создают словарь по идее выдающегося советского ученого Б. А. Ларина в университетах и пединститутах ряда городов страны. Сейчас в работе участвуют горьковисты четырнадцати высших учебных заведений. Организационно-научный центр — Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина Ленинградского государственного университета.

Доктор филологических наук
Л. С. КОВТУН

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Дмитрий Николаевич УШАКОВ

(1873—1942)

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славяно-русского языкознания МИФЛИ (Московского института философии, лингвистики и истории имени Н. Г. Чернышевского), заведующий славянским сектором Института языка и письменности Академии наук СССР, член-корреспондент Академии наук СССР, один из виднейших ученых-языковедов и общественных деятелей Дмитрий Николаевич Ушаков. Это имя известно миллионам людей. Все, от мала до велика, знают автора «Орфографического словаря» — настольной книги каждого, кто любит и изучает русский язык. Мы знаем Дмитрия Николаевича как талантливейшего педагога, замечательного ученого, автора многочисленных трудов, посвященных вопросам общего языкознания, диалектологии, истории русского языка, орфографии, орфоэпии, лексикографии.

Огромен вклад Д. Н. Ушакова в разработку русской диалектологии. Первые студенческие научные работы Дмитрия Николаевича, посвященные изучению народных говоров, привели в дальнейшем к глубоким и серьезным исследованиям в области диалектологии.

В 1903 году при Академии наук была основана Московская диалектологическая комиссия, в работе которой Ушаков принял активное участие сначала в качестве товарища председателя (председатель — академик Ф. Е. Корш), а с 1915 года до последнего дня существования комиссии (1931) — бессменного ее председателя и редактора всех 12-ти выпусков «Трудов» (1908—1931). Очень нужными и важными пособиями для изучения различных наречий и говоров родного языка были «Хрестоматия по великорусской диалектологии для преподавателей русского языка в высших учебных заведениях» (М., 1910) — совместный труд с Н. Н. Дурново и «Очерк русской диалектологии» — как приложение к «Диалектологической карте русского языка в Европе» (М., 1915), написанный вместе с Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым.

Научные интересы Дмитрия Николаевича не ограничивались русской диалектологией. Результатом его мно-

голетней педагогической деятельности был замечательный вузовский учебник «Введение в науку о языке», выдержавший с 1913 по 1929 год девять изданий. В этой книге кратко и доступно изложены мысли об общеобразовательном значении языкознания основоположника «московской лингвистической школы» Ф. Ф. Фортунатова, страстным пропагандистом и популяризатором идей которого был его ученик — Д. Н. Ушаков. Значительное место в этой работе отведено фонетике и орфоэпии — новой области в науке о языке, созданной уже в советскую эпоху.

При Академии наук с 1904 года работала Орфографическая комиссия, призванная пересмотреть систему русского правописания и подготовившая реформу 1917 года. Д. Н. Ушаков был деятельным участником комиссии. Еще в 1911 году вышла в свет его работа «Русское правописание» (2-е издание — в 1917 году), в которой система русской орфографии рассматривается с точки зрения сравнительно-исторического метода, даются объяснения современного написания отдельных слов, научно обосновывается необходимость и суть предполагаемой реформы.

С начала 1934 года в Москве (под руководством Д. Н. Ушакова) и в Ленинграде (под руководством С. П. Обнорского) параллельно работали две комиссии, готовившие проект новой реформы орфографии. В июне 1936 года на сессии в Ленинграде произошло объединение комиссий и была создана единая Правительственная орфографическая комиссия, деятельность которой продолжалась до 1940 года.

Д. Н. Ушаков был одним из основоположников русской орфоэпии. Его статья «Русская орфоэпия и ее задачи», напечатанная в сборнике «Русская речь» (вып. III, 1928), посвящена разработке норм правильного литературного произношения. Она и в наши дни имеет огромное практическое значение для учителей, ораторов.

Вопросам правильного литературного произношения посвящена и статья Дмитрия Николаевича, публикуемая в этом номере нашего журнала (рукопись статьи, написанной Д. Н. Ушаковым в начале 30-х годов, подготовлена к печати научным сотрудником Института русского языка АН СССР Р. В. Макаровой). Основой орфоэпических норм Ушаков считал московское произношение, хотя и был согласен признать некоторые отступления в связи с живыми процессами, происходящими в языке. «По-видимому, не будет оспариваться один главнейший принцип: московское произношение должно быть положено в основу нормального общего произношения, и другой: но не все московские черты целиком в него должны войти» (сб. «Вопросы культуры речи». Вып. V, М., 1964, стр. 9). Говоря о московском произношении, Дмитрий Николаевич имел в виду собственно старомосковское: «Это произношение старой, коренной московской интеллигенции. Однако и оно само давно уже не однородно. И в нем давно уже можно было различить два слоя: более старый и новый» (там же, стр. 11). «Мне неоднократно ставили в упрек, что я, описывая московское произношение, так сказать, выдаю его за единственно правильное, в то время как в нем давно уже есть известные сдвиги, которые не должны считаться неправильностями. На это я должен сказать, что сдвиги я признаю..., данные о некоторых сдвигах ввожу даже в самое изложение московских черт, но узаконять что-либо я не считаю себя вправе» (там же, стр. 15).

Нет ничего удивительного в том, что по всем трудным и спорным вопросам, связанным с правописанием и произношением, и отдельные лица и учреждения обращались в первую очередь к Дмитрию Николаевичу. Внимательный и отзывчивый человек, тонкий и глубокий исследователь, Д. Н. Ушаков никогда никому не отказывал в совете и всегда охотно давал консультации при личных встречах, по телефону, в письмах.

«Русский язык. Пособие к курсу „Научные основы грамматики русского языка"» (М., 1909), «Краткий практический курс русского языка. Конспект с указанием пособий» (Тула, 1919), «Пособие при слушании курса морфологии русского языка. Список праславянских окончаний именных, местоименных и глагольных форм» (М., 1916), «Новое правописание (Постановления)» (М., 1917), «Краткий практический курс русского языка применительно к истории и другим научным элементам в школьном преподавании» (Тула, 1919), «Русский язык. Краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению» (М.—Л., 1926), «Русский литературный язык» (М., 1929), «Сборник упражнений по правописанию» (1-е издание — 1935, 13-е — 1953) — вот далеко не полный перечень теоретических работ и практических рекомендаций по русскому языку, написанных Д. Н. Ушаковым.

И наконец — главное дело жизни замечательного ученого — «Толковый словарь русского языка» (4 тома, 1935—1940), капитальный труд, в создании которого Д. Н. Ушаков принимал деятельнейшее участие как редактор и один из авторов.

Первоочередной задачей, которую В. И. Ленин поставил перед нашей наукой сразу после свершения Великой Октябрьской социалистической революции,— было создание толкового словаря русского языка. 18 января 1920 года Владимир Ильич Ленин писал А. В. Луначарскому:

«Недавно мне пришлось — к сожалению и стыду моему, впервые,— ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это **областнический** словарь и устарел. Не пора ли создать словарь **настоящего** русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых **теперь** и классиками, от Пушкина до Горького» (Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 121—122).

19 мая 1921 года В. И. Ленин дал указание Наркомпросу:

«1) Назначьте комиссию 3—5 лучших филологов. Они должны в 2 недели разработать план и состав окончательной комиссии (для работы)... и пр. 2) Задание — краткий (малый „Ларусс" образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию...» (там же. Т. 52, стр. 198—199).

Комиссию создали, начали собирать материал, к составлению картотеки для будущего словаря привлекли группу студентов. Но через некоторое время в силу причин разного характера деятельность комиссии была приостановлена. Лишь в 1928 году она возобновила работу под руководством Дмитрия Николаевича Ушакова.

В составлении словаря приняли участие крупнейшие лингвисты страны: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский. Первый том вышел в 1935 году. Значение выхода в свет этого нужнейшего лексикографического труда переоценить невозможно. Он включил в себя общеупотребительную

лексику современного русского литературного языка во всем ее многообразии. Сюда вошли и многие областные слова, утвердившиеся в литературной речи. Чтобы удовлетворить потребность широкого читателя в образцовом словаре, составители особое внимание уделили нормативной стороне. В Толковом словаре приведены формы склонения и спряжения, указано ударение в словах и отмечено правильное произношение в трудных случаях, сделана попытка установить границы употребления слов. Для этого введена целая система помет, которые указывают на принадлежность слова к той или иной области науки, техники, производства; на разновидности устной (разг., простор., фам., детск. и т. д.) и письменной речи (книжн., науч., спец., газет., публиц., канц. и т. д.), пометы стилистические на выразительные оттенки слов (бран., ирон., неодобр., шутл., презрит. и т. д.). Дана семантическая классификация, необходимая для практического употребления в речи того или иного слова, приведены примеры из художественной и политической литературы, широко представлена фразеология.

Появление «Толкового словаря русского языка», любимого детища Дмитрия Николаевича Ушакова, отдавшего ему полтора десятилетия своей жизни, энергию и энтузиазм страстного борца за правильность и чистоту русского языка,— огромное достижение советской науки.

Борьбу за культуру русской речи Дмитрий Николаевич не прекращал никогда. Он участвовал в составлении школьных программ, учебных пособий для учителей и учащихся, заведовал кафедрой в Институте живого слова, был консультантом во Всесоюзном театральном обществе, в Радиокомитете, выступал с докладами, лекциями на учительских съездах и совещаниях. В ВТО сохранилась запись его лекции о московском произношении и прочитанного им чеховского рассказа «Дачники», до сих пор считающаяся образцом речи коренного москвича.

За научно-педагогическую и общественную деятельность Д. Н. Ушаков в 1940 году был награжден орденом «Знак Почета».

В обращении с людьми Дмитрий Николаевич был неизменно мягок, благожелателен, прост и в то же время требователен и строг, когда дело касалось науки.

В редкие дни отдыха, которые Дмитрий Николаевич любил проводить в Болшеве, он с увлечением играл в биллиард и писал акварелью пейзажи, которые выставлял потом у себя дома на «всеобщее» обозрение. Выставки эти с удовольствием посещали его друзья и ученики, преданные поклонники его тонкого художественного вкуса.

Дмитрий Николаевич обладал удивительным умением заинтересовать, сплотить вокруг себя молодых талантливых ученых, преподавателей, для которых он был идеалом ученого, педагога, общественника, гражданина и человека.

Автор статьи выражает глубокую благодарность профессору А. А. Реформатскому за воспоминания о Д. Н. Ушакове, которыми он любезно с нами поделился.

К. И. ЕЛАГИНА

Московское произношение

Профессор
Д. Н. УШАКОВ

Я изложу главнейшие, основные черты коренного московского произношения, которое легло в основу общерусского литературного произношения, считается до сих пор наиболее правильным и которого стараются держаться театр и радио. Сначала, в первом разделе, я укажу такие черты, которыми московский говор отличается от других русских говоров, а также частью от украинского и белорусского языков. Погрешать против этих черт могут, следовательно, немосквичи, говорящие на своем местном говоре. Потом, во втором разделе, я укажу такие черты, которые часто искажаются грамотными людьми под влиянием правописания (а правописание, как известно, не совпадает вполне с произношением: оно представляет собой свою исторически сложившуюся систему). Против таких черт погрешать могут и москвичи и немосквичи. Ради общедоступности изложения в формулировке правил я буду исходить от букв, от правописания.

I

Московский говор принадлежит к числу так называемых акающих говоров. В акающих говорах одни и те же гласные произносятся различно в зависимости от того, находятся ли они под ударением или не под ударением, и в зависимости от того, в котором слоге перед ударяемым слогом или после него они находятся. По одному частному случаю этого широкого явления, а именно по тому, что в известных случаях на месте буквы *о* произносится *а*, все явление условно называется в науке аканьем — словом, взятым из уст народа.

При изложении первых трех пунктов мы будем иметь дело с проявлением аканья и будем пользоваться такими терминами:

слог, на котором находится ударение, будем называть ударяемым слогом; слоги без ударения — неударяемыми; неударяемые слоги, если они стоят перед ударяемым, будем называть предударными и считать по порядку от ударяемого по направлению к началу слова так: слог, непосредственно предшествующий ударяемому, назовем первым предударным, следующие перед ним, по мере удаления от ударяемого к началу слова — вторым предударным, третьим предударным и т. д.; слоги же, следующие за ударяемым, будем называть заударными или поударными: первым, вторым и т. д. по мере удаления их от ударяемого слога в направлении к концу слова.

§ 1. Главную силу в слове и полную отчетливость имеет ударяемый слог. Все остальные, неударяемые, слабее его; их сила и отчетливость различна в зависимости от того, какое положение занимают они по отношению к слогу ударяемому. Все гласные во всех неударяемых слогах, кроме первого предударного, произносятся неполным голосом; поэтому эти слоги всегда не так отчетливы, как ударяемый или как первый предударный; например, в слове *сундуку* букву *у* в слоге *сун-*, который является вторым предударным, слышится не так отчетливо, как *у* в первом предударном слоге *-ду-* и как в ударяемом слоге *-ку*.

Подобная же разница слышится в слоге *ры-* в слове *ры́ба*, *рыба́к*, *рыбаки́*: в первом слове — *рыба* — он под ударением, самый сильный и самый отчетливый; в *рыбак* — он первый предударный слог, не такой сильный, но вполне отчетливый; в слове *рыбаки* это *ры-* уже слабо и не отчетливо. То же самое мы заметим для звука *и*, сравнив слова *пиро́г* и *пироги́*.

Вот еще примеры для *у*, *ы* и *и* в заударных слогах: во́здух, вы́быть, на́кипь. Эта неполнота голоса, вследствие которой гласные произносятся неотчетливо, называется редукцией. Редукция неударяемых гласных несвойственна, например, украинцам и северновеликорусам; в их речи, как и в речи иностранца, отчетливое произношение всех неударяемых гласных нам кажется особым «отчеканиванием». Я привел примеры редуцированных *у*, *и*, *ы*; их редукция не так заметна, потому что по качеству они остаются все-таки теми же гласными *у*, *и*, *ы*. А вот другие гласные в неударяемых слогах, кроме того, меняют и свое качество, так сказать, переходят в другие звуки. Обращаюсь к ним.

§ 2. О буквах *а* и *о*. Буквы *а* и *о* в неударяемых слогах произносятся следующим образом: в первом предударном слоге они произносятся как *а*: сады́, вада́. В остальных же неударяемых слогах на месте *а* и *о* произносится редуцированный, т. е. полуглухой, неясный звук, похожий на *ы* (обозначим его условно перевернутой буквой *е* — ə): сəдово́д, вəдово́з, вы́сəдка, па́вəдок;

Вот еще примеры, показывающие, как закономерно чередуются звуки *о*, *а*, *ə* в зависимости от места по отношению к ударению:

го́рка (ударный), гара́ (1-й предударный), по́д гэру (заударный), го́рэд, инэгаро́дний, гэрадско́й, гэлава́, го́лэву, гало́вка. Посмотрите, как меняются гласные в предлоге *под:* по́дгэру (ударный), пад го́рку (1-й предударный), пэд гаро́й (2-й предударный).

Этому правилу подчиняются и иностранные слова, если мы произносим их на русский лад: так, например, *саквояж*, если мы произнесем как пишется, то это будет по-иностранному, а на русский лад будет *сэквояш*; так, *Бисмарк* — это произношение по-иностранному, а по-русски *Бисмэрк*, как *на́смэрк*.

Эту систему московского аканья могут нарушать представители неакающих говоров или представители другой системы аканья. Таковы, например, неправильные произношения: вэда, сэбака, скэкать, пэжар, крэвать, пэд горку (здесь вы слышите редуцированный звук *э* не на месте). С другой стороны, вот примеры — *а* не на месте: по́д гару, пад гаро́й, гарадско́й, галава́; вот оба звука, и *а* и *э* не на месте: гарэдской, галэва́, пасэди́ть.

Далее идут как бы исключения из правила.

1. Начальное *а* и *о* произносятся всегда как *а*, в каком бы слоге они ни оказались: атаман, аткрывать. Сравните: зэкрывать, где *а* не начальное, и оно идет по правилу.

2. Так же не переходят в редуцированный звук *э* начальные *а* и *о* после гласной приставок или после составных частей сложных слов: приаткрывать или полуасвещенный. Здесь *а*, а не *э*.

3. В конце слов, перед паузой, вместо редуцированного звука *э* может слышаться более открытый звук, т. е. непохожий на *ы*, а приближающийся к *а*, однако никогда не достигающий полноты и ясности настоящего *а*. Так: «Бабушкэ пришла», «У окошкэ сидит бабушка», но: «Пришла бабушка... (пауза), села у окошка»; здесь в конце слов *бабушка*, *окошка* мы слышим более открытые звуки, но не достигающие силы *а*; если мы произнесли бы здесь настоящее *а*, это было бы неприятным отчеканиванием.

4. После *ж* и *ш* редуцированный звук *э* слышится также и в первом предударном слоге (где по правилу нужно было бы ждать *а*), причем здесь этот редуцированный звук очень близок к *ы*: жэра, шэги, шэлить, шэтёр, жэлеть.

5. Далее после *ч* и *щ* буква *а* произносится так же, как и буква *е* (о чем я скажу ниже), т. е. очень близко к *и*: че^{и}сок, ще^{и}вель; так же — счастли́вый — ще^{и}сливый.

§ 3. Буквы *е* и *я* во всяких неударяемых слогах произносятся очень близко к *и*: ве^{и}зу́, пе^{и}ре^{и}ве^{и}зе^{и}на́, вы́ве^{и}зти, ве^{и}зе́те^{и}, пе^{и}та́к, пе^{и}тачо́к, при́не^{и}то. Так же произносится в неударяемых слогах буква *а* после *ч* и *щ*, как я только что заметил: че^{и}сы́ (ср.: че^{и}са́ть), ще^{и}ве́ль (ср.: ще^{и}бе^{и}та́ть), поче^{и}му́, пе́вче^{и}му, ни́ще^{и}му, на да́че^{и}, в ро́ще^{и}.

Однако есть немало случаев, где буквы *е* и *я*, а также *а* после *ч* и *щ* произносятся не так, а с редуцированным звуком *э*. Эти

случаи касаются различных окончаний слов и представляются каким-то непонятным исключением; но если взглянуть (и если бы мне было здесь возможно объяснить) исторически, то все они прекрасно объясняются. Случаи эти следующие:

В именительном падеже единственного числа женского рода, например: вóля, áлая, рóща, тýча — на конце мы не слышим звука, похожего на *и*, а слышим тот же звук, который слышим в каком-нибудь слове *рыба*, только после мягкого звука. Точно так же, совершенно так же, произносятся слова среднего рода: пóле, злóе. Так же произносится окончание родительного падежа единственного числа слов мужского и среднего рода: óкуня, пóля (так же, как уменьшительное женское имя от *Пелагея —Поля*).

Примечание: В предложном падеже, например, *быть в поле*, окончание *-е* произносится по общему правилу, т. е. приближаясь к *и*: в поле^{и}, как в городе^{и}, в де^{и}ревне^{и}.

Далее, в окончаниях множественного числа *-ям*, *-ями*, *-ях* (после *ч*, *щ*, *-ам*, *-ами*, *-ах*): постéлям, рóщами, éлях и т. п.— слышится не *ё*, а *э*. То же в окончании деепричастий: сúдя. То же в окончании сравнительной степени *-ее*: добрéе (но одно *е*, например, *дешéвле*, произносится по общему правилу, т. е. близко к *и*: де^{и}шевле^{и}).

В некоторых окончаниях отдельных слов, например: двóе, трóе, сегóдня.

После *ж*, *ш* и *ц* буква *е* произносится в неударяемых слогах так же, как произносится буква *а* после *ж* и *ш*, т. е. очень близко к *ы*: жена́, жестянóй, шестóй, шерстянóй, цена́, целова́ть, ры́жему, па́шему, в столице и т. д.— почти: жына́, жысте^{и}нóй, шыстóй, шырсте^{и}нóй, цына́, цылава́ть, ры́жыму, на́шыму, в столи́цы. И в сравнительной степени на *-же*, *-ше*, например: *ближе*, *лучше*, *е* произносится так же.

Против описанного произношения букв *е* и *я* в неударяемых слогах могут погрешать представители неакающих говоров. Таково произношение: песок, весна — с настоящим *е* в речи уроженцев окающих местностей, хотя бы и утративших уже оканье. Таково же произношение: часы, шалить, щавель, лошадиный, пожалей и т. д. Однако настоящее *и* вместо *е*, которое тоже можно слышать в московском произношении, т. е. писок, висна или чисы, щивель, свитой — для сцены и эстрады не рекомендуется.

§ 4. Буква *и* в начале слова при тесном слиянии его с предшествующим, если это предшествующее слово оканчивается на твердую согласную, произносится как *ы*: из избы, кот и повар, человек идет — произносится: из ызбы, кот ы повар, человек ыдет.

Среди немосквичей, часто можно встретить таких лиц, которые в указанном случае произносят вообще *ы*, но после *г*, *к*, *х* произносят *и*, т. е. говорят правильно: из ызбы, но неправильно: человек идет, смех и горе, т. е. смягчают *к* и *х*.

§ 5. Союзы, которые пишутся так: коли (коль), хоть, да (в значении 'и' или 'но') произносятся без ударения с редуцированным звуком *э*:

Кэль любить, так без рассудку,
Кэли спорить, так уж смело.

Хэть видит око, дэ зуб неймет.

Лебедь, рак дэ щука.

Но частица *да* в значении 'пусть' произносится со звуком *а*: «Да здравствует! Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу» (Пушкин).

§ 6. Звук *г* произносится как взрывной, иначе мгновенный. Длительный (фрикативный) *г*, который можно назвать звонким *х*, может произноситься наряду с *г* взрывным в некоторых словах, очень немногих: *богатый*, *благо*, *господь*, в косвенных падежах слова *бог* (бога, богу и т. д.), в окончании наречий *-гда* (когда, всегда и т. п.), в междометиях *ага! гоп!* и некоторых других. Обычное же произношение — *г* взрывного, а не фрикативного, отличающего южновеликорусов.

§ 7. Вместо звонких согласных в конце слова и перед глухими согласными в середине слова произносятся соответствующие глухие (звонкими согласными называются — б, в, г, д, ж, з; глухими — п, ф, к, х, т, ш, с, ч, ц, щ). Так вместо *б* на конце произносим *п*, пишется: хлеб, а говорится хлеп, пробка — пропка, ров — роф, ловкий — лофкий, сад — сат, лодка — лотка, нож — нош, ножка — ношка, глаз — глас, глазки — гласки, вождь — вошть, груздь — грусть и т. д. Вместо *г* в конце слова является *к*, кроме слова *бог*, где произносится *х*: *бох*, а в середине слов вместо *г* произносится *х*. Так, на конце: вдруг — вдрук, со всех нок; в середине: лехкий, кохти (но нокти).

§ 8. Вместо глухих согласных перед звонкими (кроме, впрочем *в*) произносятся соответствующие звонкие; так, вместо *с* произносим з: просьба, сделать — прозьба, зделать; вместо *т* — *д*: молотьба, отдых — молодьба, оддых; вместо *к* — *г*: вокзал, анекдот — вогзал, анегдот. Перед *в*, как я сказал, глухие не переходят в звонкие, говорим: свет, ответ, квас (так, как пишется).

§ 9. Согласные *ж*, *ш*, *ц* всегда тверды (хотя после них и пишется в нашем правописании буква *и*). Поэтому слог *ци*, как бы он ни был написан, с *и* или с *ы*, в своих или иностранных словах, всюду произносится *цы*: концы, цыпленок, цирк, станция, революция, социальный.

Но группа из двух *ж* (*жж*), а также одинаково с нею произносящаяся группа *зж* не на стыке приставки с основой в московском литературном произношении звучат мягко, например: жужжать, брезжит, приезжать, — жужьжять, брежьжить, при-

ежьжять, а в приставке, например в таких словах, как: безжалостный, разжалобить, — если произносят двойное *ж* — и это допустимое произношение,— то оно звучит твердо.

Кстати, так же произносится: дожжя (с мягким *ж*), дожжи (при именительном падеже *дощь*).

§ **10.** Буква *щ* произносится, как долгое мягкое *ш*: щи, щетка — шьши, шьщётка (не: шчи, шчетка).

§ **11.** Согласные зубные *д*, *т*, *с*, *з*, *н*, а также *р* и *ф* перед мягкими согласными обычно произносятся мягко: баньщик, дьверь, дьве, деньщик, дефки (девки), есьли, женьщина, зьверь, корьмить, корьни, косьть, ныньче, перьвенец, пусьти, разьбить, разьве, сьвет, сьмирный, сьмерть, сьтих, тоньчайший, фонарьщик, тьвердый, есьтесьтвенный и т. п.

§ **12.** Буква *г* в окончаниях родительного падежа *-ого*, *-его* произносится как *в*: кого, его, слепого, белого — ково, ево, слепово, белово. Отсюда и в слове *сегодня* произносится как *в*.

§ **13.** Согласные в конце приставок перед гласными произносятся мягко (хотя там и пишется твердый знак): вьезд, обьем, обьявить, отьезд, сьезд, сьехать.

§ **14.** Буквы *б*, *в*, *п* в таких случаях, как: бью, бьешь, вью, соловья, пьян, пью и т. п., произносятся мягко.

Я закончил изложение таких черт, которые являются особенностями московского живого произношения и могут нарушаться представителями иных живых говоров. Теперь перехожу к таким правилам, погрешности против которых вызываются не особенностями другого живого, но не московского говора, а рабским следованием букве письма. Эти погрешности, как я уже сказал, наблюдаются у грамотников вообще, в том числе и у москвичей, не ценящих живого произношения.

II

§ **15.** Слова, которые пишут с буквой *ч*: *что* и *чтобы*, произносятся *што* и *штобы*. При этом надо иметь в виду, что местоимение *што* произносится всегда со звуком *о*, а союз *што* всегда с редуцированным звуком *штэ*: «Я не знаю, што ты пишешь»; «Я знаю, чтэ ты пишешь пьесу».

§ **16.** У грамотных людей под влиянием правописания, во множестве слов, где пишется *чн*, так и произносится *чн*. В живом же языке эта группа *чн* перешла в *шн* и в живых словах произносится в Москве как *шн*: конечно, скучно, молочная, булочная, пустяч**н**ый — конешно, скушно, молошная, булошная, пустяшный. Но в словах книжного происхождения произносится *чн*; например: друг серде**шн**ый, но: болезни серде**чн**ые; так же с одной стороны: коне**шн**о, но: бесконе**чн**ый.

§ **17.** Группы *зч*, *сч* произносятся как *щ*: извозчик, грузчик — извощик, грущик; счастье, подписчик, брусчатка — щастье, подпищик, брущатка.

§ 18. Группы *дч*, *тч* произносятся как двойное *ч* (*чч*): находчивый, укладчик, опрометчивый, летчик — нахоччивый, уклаччик, опромеччивый, леччик.

Примечание: К этим двум последним пунктам можно было бы сделать такое примечание, что не надо стараться выговаривать всех букв, как это иногда делают особенно ревностные грамотеи.

§ 19. Окончание мужского рода единственного числа прилагательных *-гий*, *-кий*, *-хий*: долгий, широкий, тихий — произносятся так, как если б было написано *-гый*, *-кый*, *-хый*, или *-гой*, *-кой*, *-хой*, т. е. *долгий путь* произносится так же, как *после долгой зимы*; *широкий ворот* как *у широкой рубахи*, *тихий ход* — как *у тихой пристани*.

§ 20. В глаголах на *-ивать* после *г*, *к*, *х* (натягивать, постукивать, помахивать) слоги *ги*, *ки*, *хи* произносятся так, как если б было написано *гы*, *кы*, *хы*.

§ 21. Глагольные окончания, которые пишутся *-сь*, *-ся*, произносятся с твердым *с*: боюсь, боишься — боюс, боишса, кроме *-сь* в деепричастиях с ударением на конце: боясь (*с* мягко). В причастиях на *-ся* одинаково допустимо и *са* и *ся*: боящийса и боящийся, боявшийса и боявшийся.

§ 22. Глагольные окончания третьего лица множественного числа *-ат*, *-ят*, если на них нет ударения, произносятся как *-ут*, *-ют*: дышат — дышут, гонят — гонют; любют, носют, произносются.

§ 23. Глагольные окончания третьего лица множественного числа *-тся* и неопределенного наклонения *-ться* произносятся одинаково, как *цца*; *они боятся* и *не надо бояться* произносятся совершенно одинаково: *бояцца*.

Примечание: Это касается только неопределенного наклонения и не касается таких, например, случаев, как *пяться* («Пяться назад!» — повелительное наклонение от *пятиться*), который, конечно, сюда не относится.

Этими главнейшими чертами, оставляя в стороне многие мелочи и подробности, я и ограничусь.

В следующем номере «Русской речи» читайте статью о новгородских берестяных грамотах

КУЛЬТУРА РЕЧИ

1 О благозвучии русской речи

Еще Дионисий Галикарнасский — античный филолог — о латинских звуках писал: «*л* ласкает слух, *р* раздражает слух. Среднее действие производят на слух *м* и *н*» (Античные теории языка и стиля. М., 1936). Точно так же и мы сочетание одних звуков воспринимаем как приятное, сочетание других — как неприятное.

На этом основано учение о благозвучии речи — эвфонология (греческие *eu* 'хорошо', phone 'звук', logos 'учение'), которая различает речь эвфоническую (благозвучную) и какофоническую (неблагозвучную: греческое *kakos* 'плохой'). Термин «благозвучие» применим не к языку, а к речи. О языке неправомерно говорить, благозвучен он или нет, но речь на том или ином языке может быть благозвучной или неблагозвучной. Язык — творение народа, и каждый народ создал себе язык, соответствующий не только уровню и образу его мышления, но и эстетическим идеалам.

И все же... Д. Байрон в «Беппо» писал:

Мне мил язык — латыни нежный сын,—
Что тает, словно женских уст лобзанье,
Что шелестит, как шелк или сатин;
В нем Юга дышит все очарованье,
Не режет уха слог там ни один,—
Там плавных звуков мягко сочетанье.
Но груб и дик гортанный наш язык:
Свистеть, шипеть, плеваться он привык.

В «Мемуарах» Г. Гейне высказался так: «Кобес изъясняется с Марицебилль на кельнском наречии, которое не то что звучит, а даже пахнет, как тухлые яйца. В говоре дюссельдорфцев наблюдается уже некий переход к лягушечьему кваканию голландских болот». Количество подобного рода высказываний можно было бы увеличить (ср. стихотворную характеристику европейских языков у Э. Тегнера, «Красоты немецкого языка» М. Твена, «Ариост и Тасс» К. Н. Батюшкова и др.).

А между тем такие утверждения отражают не что иное, как индивидуальные вкусы и привычки говорящего. И ничего более. Живучесть представления о благозвучии одних языков и неблагозвучии других объясняется также традицией, силой инерции.

Так, известное мнение гласит, что итальянский язык — один из самых красивых в мире. И, казалось бы, перевод песенных текстов с любого другого языка на итальянский должен лишь преумножить художественные достоинства музыкального произведения. Но известно, что композитор Ш. Гуно жаловался на художественную неверность итальянского перевода своих французских оперных текстов. Каватина Фауста: «Salut, demeure chaste et pure» [salý, dəmœ́: rə ʃast e pyːr] (Привет тебе, приют невинный) на итальянский передается почти теми же словами, но как они далеки от оригинала по звучанию: «Salve, dimora casta e pura» (sálve, dimóra kásta e púra]. Гуно писал: «Эти немного глухие и скрытые гласные французского стиха *u, eu,* которые выражают в одно и то же время и тайну ночи, и тайну любви, уступают место звенящим гласным, открытым *a,* округлым *o,* и слова гремят, как звуки трубы. Там, где французский певец может раскрыть всю свою душевную выразительность, итальянский почти вынужден декламировать: поэтическое уступает место ораторскому».

Звуковая организация каждой национальной речи неповторимо индивидуальна, по-своему красива и благозвучна. По-своему благозвучна, красива и русская речь. Наш язык, по мнению Ф. Энгельса, «один из самых сильных и самых богатых живых языков». Полны глубокого смысла слова М. В. Ломоносова о том, что русский язык сочетает в себе «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского языков». Н. В. Гоголь писал: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи». Ср. еще у академика С. П. Обнорского: «Особенности звукового облика русского языка сообщают нашей речи общие черты благозвучности, музыкальности, мягкой тональности, высокой ритмичности — все то, что создает общее впечатление красоты языка» (Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 274).

В основе благозвучия и музыкальности русской речи лежат внутренние свойства самого языка:

1. Абсолютное большинство употребляемых слогов — открытые (кончаются на гласные звуки). Это хорошо видно даже из данных, полученных в результате наших наблюдений. Открытые слоги составляют: 69 процентов в романе И. С. Тургенева «Рудин», 76— в рассказе А. П. Чехова «Дочь Альбиона», 78 — в стихотворении А. С. Пушкина «Зимний вечер».

Роль открытых слогов в создании благозвучия речи очевидна: построенные по закону восходящей звучности, они не только усиливают общее звучание речи, придают ей плавность, музыкаль-

ность, но и устраняют неприятный для слуха оттенок, имеющийся в щипящих или свистящих согласных.

2. Частая повторяемость «голосовых» звуков — гласных, сонорных и звонких согласных. Наша речь своей звучностью обязана прежде всего гласным. Но подлинное благозвучие создается путем сочетания гласных и согласных звуков. Определенное значение имеет здесь частотность, повторяемость гласных в потоке речи, которая неодинакова в разных языках: из каждых 100 звуков в финском языке — 51 гласный, 49 согласных; в итальянском — 48 гласных, 52 согласных, в русском — 42 гласных, 58 согласных; в немецком — 36 гласных, 64 согласных (см. В. Г. Ветвицкий. Занимательное языкознание. М., 1966, стр. 19).

Однако звучность речи зависит не только от частоты гласных, но и от употребительности согласных с голосом, или музыкальным тоном (сонорные и звонкие), которые вместе с гласными принято называть «голосовыми» звуками. Они противопоставляются глухим, «безголосным». По подсчетам А. П. Пешковского, в первой тысяче звуков «Евгения Онегина», «Фауста» и «Божественной комедии» соответственно оказалось безголосных — 20; 24; 18 процентов (см.: А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков. «Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика». Л.— М., 1925, стр. 181).

3. Русское ударение по своему характеру разноместно (ко́локол, соро́ка, хорошо́ и т. д.); кроме того, при словоизменении и словообразовании оно иногда перемещается с одного слога на другой (го́род — городо́к — при́город).

Разноместность и подвижность ударения в сочетании с движением интонации предупреждает монотонность речи, соответственно разнообразя ее, сообщая ритмичность и гибкость.

4. Звуки русской речи подвержены большим комбинаторным изменениям. Например, гласные изменяются не только в зависимости от места по отношению к ударению, но и в зависимости от качества соседних согласных. Так, корневой гласный в словах *во́ды, вода́, водяно́й* произносим соответственно как звуки *о, а, ъ*. Или еще ср. разновидности фонемы *а* в словах: мат [мат], мят [м^{ь}·ат], мать (ма·т^{ь}), мять (м'ät^{ь}). (Точка обозначает продвижение непереднего гласного вперед: точка слева — в начале длительности, точка справа — в конце ее, две точки — на всем протяжении длительности. Продвижение связано с влиянием соседнего мягкого согласного.)

Эта фонетическая особенность предотвращает однозвучность, создает в речи своеобразные переливы оттенков.

5. Русский язык отличается большим количеством мягких согласных (из 35 согласных фонем 16 — мягкие). Всегда мягко произносятся в русской речи *ч, j*; кроме того, все согласные, за исключением *ж, ш, ц*, смягчаются перед гласными переднего ряда (пел, мел, пил).

6. Большую роль в нашей речи играют носовые *м, н* и особенно плавный *л*, которые вносят в речь нежность и музыкальность.

По свидетельству некоторых исследователей русского языка, «четверть словарного запаса составляют в русском языке слова, начинающиеся либо с плавного, либо с носового» (С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 274).

Заметим, что ни одно из рассмотренных свойств само по себе отнюдь не всегда предполагает благозвучие речи. Важно подчеркнуть, что все это — внутренние свойства, внутренние потенции русского языка и русской речи. Они существуют в языке объективно и обнаруживаются в речи без усилий со стороны говорящего, и строить речь нужно так, чтобы она полнее выявляла свою «природную красоту». Для этого необходимо знать факторы, которые усиливают или, наоборот, снижают благозвучие. Ибо некрасивой может оказаться, несмотря на «счастливые природные данные», и русская речь, если не соблюдать некоторых требований к ее построению.

Благозвучие речи снижают:

1. Обилие шипящих и свистящих звуков. «Язык наш богат, но у него есть свои недостатки, и один из них — шипящие звукосочетания, вши, вша, вшу, ша, щей»,— писал А. М. Горький. Поэтому он советовал: «Избегать таких слогов, как *щущих, щая, щей, вшей,* а также вообще свистящих и шипящих везде, где они не звукоподражательны». О неблагозвучии шипящих и свистящих писал и А. П. Чехов: «...следует избегать некрасивых, неблагозвучных слов. Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих, избегаю их».

Однако нежелательны не самые слова с шипящими и свистящими звуками (*счастье, щавель, стиль, степь,* и т. д. в русской речи не могут быть не использованы), а их случайное скопление, ненужное нагромождение.

Обычно это бывает при употреблении в одной фразе нескольких причастий или деепричастий. Поэтому пособия по стилистике и литературному редактированию рекомендуют «избегать причастий со стечением шипящих звуков типа *блещущий, полощущий, тащащий* и т. п. Тем более нежелательно скопление причастий на *-щий, -вший,* которые не должны повторяться без специальных стилистических заданий» (К. Н. Былинский, Д. Э. Розенталь. Литературное редактирование. М., 1961., стр. 327).

В этом отношении представляет интерес такой факт. Ко II съезду РСДРП проектная комиссия предложила следующую редакцию 13-го параграфа программы партии: «В России рядом с капитализмом, быстро распространяющим область своего господства и становящимся все более и более преобладающим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещиками» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 6, стр. 250). В. И. Ленин, просматривая проект программы, сделал на полях пометку: «...„становящимся, преобладающим“ ...щи ...щи — фи, фи!».

С обсуждаемым здесь вопросом не следует смешивать поэтический прием, когда при помощи подбора определенных звуков раскрываются особенности описываемого явления. Как средство звукописи могут быть использованы, в частности, шипящие и свистящие. Например:

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно.
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло,
И дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси коса,
Пока роса,
Роса долой —
И мы домой.

А. ТВАРДОВСКИЙ. Дом у дороги

В этом отрывке так и ощущаешь утреннюю тишину, в которой отчетливо слышны взмахи и свист косы, перемежающиеся с негромким шмелиным гудением. Все это достигается благодаря неназойливой, но явственной аллитерации (ж — щ, з — с) и возникающим в последних строках внутренним рифмам, единообразному синтаксическому построению («И солнце жгло. И дело шло». «Роса долой — И мы домой»), свойственному устной народной поэзии.

Особую стилистическую нагрузку может выполнять и намеренное скопление причастных форм:

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

А. ТВАРДОВСКИЙ. Василий Теркин

Субстантивированные причастия, как книжные формы, сообщают этому отрывку патетическую торжественность, созвучную с его содержанием. Причем на фоне общей торжественности речи обычное неблагозвучие причастных форм совершенно устраняется, здесь оно просто «не слышится».

2. Скопление — в одном слове или нескольких близлежащих — согласных, особенно одинаковых, или гласных звуков. Так, некрасиво звучат фразы: «Арти*ст* *Ст*епанов *ст*ал читать *ст*ихи»; «Купил Пе*тр* ме*тр* *др*апа». Несколько рядом стоящих гласных (зияние) и звучат некрасиво и произносятся трудно: «Мы были у Ионовой».

3. Стечение одинаковых слогов. М. Горький в статье «О том, как я учился писать» указывает, что в один из его рассказов вкралась фраза: «*Из*возчик *из*влек *из* кармана кисет». «Эти три *из* рядом не украшают рассказа, а создают неблагозвучие»,— замечает М. Горький.

В «Записках советского актера» (М., 1953) Н. К. Черкасова читаем: «В пьесе Вл. Соловьева „Великий государь" немало метких, остро отточенных артистических реплик. Но наряду с ними встречаются отдельные неблагозвучные строки вроде следующей фразы, вложенной драматургом в уста Ивана Грозного: „Опосля посла Баториева мы принять согласны". Неблагозвучное сочетание слов „опосля посла" делает их совершенно невозможным к произношению со сцены и вынуждает актера добиваться изменения текста». Стечение одинаковых слогов возникает и при скоплении форм одного и того же падежа, которое, к тому же, затрудняет восприятие смысла: «Овладение школьниками прочными знаниями»; «Наличие показа трагизма его судьбы». К сожалению, такие предложения иногда встречаются даже в научных сочинениях: «Мы убедились, что знания динамики образа Андрея Болконского учащихся экспериментального класса оказались...».

4. Случайные созвучия, рифмующиеся слова или слоги. В живой речи, особенно при быстром темпе ее, фонетические границы слов бывают обозначены нечетко. Так возникают омофоны: «О север, север, чародей! Иль я тобою околдован?» (во втором предложении слышится *Илья*) (см.: В. А. Мамонов и Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика современного русского языка. М., 1957, стр. 23). Один начинающий автор писал: «Сквозь ча*щу ку*старника продирался мокрый Василий и истошно кричал: „Братцы, щуку поймал!"». М. Горький, редактируя рукопись, не без иронии заметил на полях: «Первая щука — явно лишняя» (сб. «О литературе», стр. 299). Горький советовал: «В прозе надобно избегать рифмующихся слов, не ставить их рядом в одной фразе».

Другое дело — рифмующиеся слова и слоги в стихотворной речи и ритмической прозе. Здесь они не дефект, а особый поэтический прием, призванный выполнять определенные стилистические функции.

5. Повторение однокоренных слов. «Вузы нашей страны готовят хорошо подготовленных специалистов»; «Язык является общественным явлением»; «Таким образом, эти образы имеют огромное значение» — такие фразы неблагозвучны, монотонны. Тавтологические обороты нежелательны и потому, что в них значения однозвучных слов иногда взаимно перекрещиваются: «В Краснодоне молодые патриоты организовали подпольную организацию „Молодая гвардия"».

Но повторение однокоренных слов вполне допустимо, если оно усиливает значение: «Шел-шел, не дошел»; «Говорил-говорил тебе, все впустую». Русскому языку свойственно некоторое количе-

ство тавтологических оборотов (давным-давно, ходуном ходить, сиднем сидеть, большой-большой и т. д.). И нет никакой необходимости избегать их в речи, тем более, что такие обороты благозвучны, наделены особой семантикой и изобразительной силой. Это свойство русского языка отразилось в пословицах и поговорках («Боль болью болит») и широко используется писателями («Лицом к лицу лица не увидать». С. Есенин).

6. Нарушение естественного ритма речи. Речь будет ритмичной в том случае, если ударения в словах придутся не подряд и не слишком далеко одно от другого. Для этого надо чередовать односложные слова с многосложными, короткие фразы — с длинными. Скопление же коротких или, наоборот, длинных слов и фраз создает монотонность, однообразный ритм. Так, некрасиво звучит, производя впечатление барабанного боя, фраза: «Пан был скуп и нагл, он был наш лютый враг».

Предложения из одних длинных слов неблагозвучны, они кажутся вялыми, тягучими: «С фотокорреспондентом Перепелкиным, прикомандированным для усовершенствования, поступили несправедливо».

Заметим, что в художественной литературе намеренный подбор коротких или, наоборот, длинных слов и фраз может использоваться с особым стилистическим заданием. Так, у Пушкина в стихотворении «Бесы» все элементы языковой ритмики подчинены тому, чтобы передать вихревое движение — немногосложные слова, короткие строки, небольшие предложения:

Мчатся тучи, вьются тучи...

В стихотворении же «Царскосельская статуя» длинные строки с деепричастными оборотами и с удлиненными предложениями создают медленную, плавную речь, созвучную неподвижности статуи:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...

7. Ангофразия (латинское angere 'душить' + греческое phrasō 'говорить') — недостаток речи, выражающийся в перерыве ее гласными или носовыми звуками, особенно в публичных выступлениях. Ангофразия индивидуальна для каждого говорящего, объясняется она разными причинами: отсутствием навыков публичной речи, незнанием существа обсуждаемого вопроса, бедностью словарного запаса, укоренившейся привычкой и т. д.

Итак, звуковое оформление речи может считаться удачным, если чередуются гласные и согласные, короткие и длинные слова и фразы, если нет скопления шипящих и свистящих и не повторяются однокоренные слова. Именно так и построено большинство классических русских стихотворных и прозаических произведений.

Кандидат филологических наук
М. М. МИХАЙЛОВ

2

Уроки одной дискуссии

Об ораторском мастерстве

«Литературная газета» опубликовала 20 сентября 1967 года статью кандидата исторических наук А. Толмачева «Ораторами становятся...». Статье предпослана аннотация редакции: «Чтобы научиться кратко, логично и убедительно излагать свои мысли, утверждает автор статьи, необходимо овладеть основами ораторского искусства, это под силу каждому. „Поэтами рождаются, ораторами становятся",— говорил Цицерон. Но нужны усилия многих, чтобы добиться общего повышения культуры устной речи».

Называя ораторское искусство самым доступным и популярным, А. Толмачев отмечает с горечью, что сейчас этим искусством владеют немногие. Он указывает причины, по которым плохие ораторы усыпляют слушателей: 1) выступление ради выступления (по просьбе профорга, а не по зову души); 2) боязнь аудитории; 3) верность письменному тексту (чтение по бумажке); 4) неумение высказаться кратко... Выход из создавшегося положения А. Толмачев видит в том, чтобы «каждый человек, выступающий на заседаниях, владел законами русской речи», а также в том, чтобы каждому «еще в школе удалось познакомиться с основами ораторского искусства».

Публичная речь, по мнению автора, «мало чем отличается от непринужденной беседы в кругу друзей», разница лишь в том, что перед оратором — молчащий собеседник — аудитория. А. Толмачев сетует по поводу стереотипов (штампов речи) и их антиподов — жаргонов и слэнгов. Он сожалеет о том, что нет современных учебников по риторике, что обучение ораторскому искусству не ведется в вузах и школах. А. Толмачев ставит вопрос «Как учить?», но не дает на него прямого ответа и призывает решить его совместными усилиями союзных и республиканских министерств, ведающих образованием и просвещением, а также ученых, педагогов, пропагандистов — всех, кому дорого русское красноречие и кто может «поставить волнующие их вопросы, поделиться своим опытом и сомнениями».

Итак, поделимся некоторыми из этих возможных сомнений. И прежде всего поспорим с самой формулой: «Поэтами рождаются, ораторами становятся». Если иметь в виду ораторское искусство, то блестящим оратором, так же как и подлинным поэтом, надо родиться. Можно ли научить искусству, то есть творчеству? Думается, нет. Можно привить кому-то навыки мастерства, профессионализма (основы высокого искусства). Но что значит, учить вдохновению? учить таланту? Тут одно из двух: или есть вдохновение и талант или их нет. Середины быть не может.

«Ораторским искусством у нас владеют немногие»,— с сожалением констатирует автор статьи. Если речь идет о подлинном искусстве — так и должно быть: всякий талант — редкость. Если же речь идет о записном ораторстве, дешевом краснобайстве,— то и слава богу ,что этого у нас нет. Жалеть тут не о чем.

Будем же, наконец, точны и строги в определениях, чтобы не терять предмета разговора.

Надо различать искусство оратора и культуру публичного устного выступления. Подход к ним и их оценка — разные. В первом случае можно говорить об искусстве подлинном или мнимом; во втором — о степени мастерства и просто об элементарной правильности, грамотности.

Парадоксально, но факт, что талантливый оратор — лектор, докладчик — может быть «косноязычным»: он мыслит на людях, сомневается, волнуется, делает выводы, укрепляется в них,— а внимающая ему аудитория думает вместе с ним, благодарно приобщаясь к процессу творчества. Как часто наша память сохраняет с благоговением имена такого рода «косноязычных» учителей и проходит равнодушно мимо пустых фейерверков гладкословия!

А. Толмачеву кажется, что все дело в овладении «законами русской речи», в привитии школьникам основ ораторского искусства. К сожалению, в действительности все обстоит гораздо сложнее. Прежде всего, «законы русской речи» (объем этого понятия оставим на совести автора) не научат говорить хорошо. «Говорить правильно и говорить хорошо — совсем не одно и то же,— замечал В. Г. Белинский.— Иной семинарист говорит и пишет, как олицетворенная грамматика, а его нельзя ни слушать, ни читать; а иной простолюдин говорит неправильно, ошибается и в склонениях и в спряжениях, а его заслушаешься». Если, далее, мы не будем различать ораторство как искусство и ораторство как совокупность приемов и навыков, то мы не сможем отличить оратора от краснобая и болтуна. Не всякое выступление — предмет ораторского искусства, как не всякий стоящий на трибуне — оратор. Тот же Белинский говорил об «ораторах» (одаренных от природы людях) и о «риторах» (специалистах по риторике — «крикунах и краснобаях»): «Оратор убеждает толпу в мысли, великость которой измеряется его одушевлением, его страстью. Ритору нет нужды до мысли, у него даже может не быть вовсе никакой мысли, а только гаденькая цель — и лишь бы ее удалось ему достигнуть, а до прочего ему нет дела».

А. Толмачев явно упрощает дело, сводя специфику ораторского выступления к особенностям дружеской беседы с молчащей аудиторией. Во-первых, истинный оратор — как правило, боец. Он должен побороть молчаливое, но не становящееся от этого слабым, сопротивление аудитории, он должен зажечь ее своей мыслью, убедить и повести за собой. Он прежде всего — мастер полемики и мастер убеждения. Дружески настроенная аудитория — самый лучший для оратора, но далеко не самый типичный жизненный вариант. Во-вторых, аудитория отнюдь не пассивна в своем молчании: это молчание вопиет. Аудитория оратора — непосредственный участник его выступления. Как хороший актер чувствует зрителей, так хороший оратор всегда чувствует своих

слушателей. Контактность (наличие слушателей), с одной стороны), и звучание произносимой речи, с другой,— характеризуют ораторское выступление в отличие и от дружеской беседы и от письменных форм публицистики. Умение убедить складывается из одаренности оратора как художника, как строгого логика, как педагога и психолога одновременно.

Можно много говорить о готовых фразах газетной речи, о вреде молодежного слэнга и других вещах. К ораторскому искусству это не имеет непосредственного отношения. Где нет живой мысли, разговор о форме бесплоден. И уж если речь зашла о Цицероне, то почему бы не вспомнить его известное изречение: «Ораторское искусство немыслимо, если оратор не овладел в совершенстве предметом, о котором хочет говорить». Овладел в совершенстве— заметьте это! Как можно требовать такого совершенства от школьника? На практике это значит преподносить ему готовые формулы, т. е. многообразить существующие штампы. Однако такое «многообразие» — не спасение. В лучшем случае это приведет к овладению «болтовней широкого размаха и высокого мастерства», по меткому слову Ф. Энгельса.

Нет,— в школе надо учить культуре мышления, культуре ведения дискуссий, основам формальной логики, подчиняя этим дисциплинам овладение собственно ораторскими навыками. Учить же ораторству следует прежде всего обучающих — пропагандистов, лекторов, учителей,— всех, кому по роду их деятельности необходимо говорить убедительно и ярко.

Можно ли научить в школе знанию, чувству аудитории, умению ориентироваться в сложной и неожиданно изменяющейся обстановке? Жизни может научить только сама жизнь.

Не существует ораторского искусства или ораторского мастерства «вообще», для всех случаев жизни. В общей науке риторике заключена совокупность наук: искусство речи на суде, искусство речи на собрании, на диспуте, на конференции, за столом, в общежитействе. И обучать ораторскому мастерству следует целенаправленно: то, что подходит юристам, не всегда подойдет агитаторам или лекторам-международникам. Учить ораторству надо студентов юридических факультетов и дипломатических институтов, слушателей совпартшкол и академий общественных наук. Для них ораторство — профессиональное оружие. Ну, а для самодеятельных ораторов или ораторов «для узкого круга» есть многочисленные книги и пособия (только что-то мало они помогают общему повышению ораторского мастерства!).

Расхожие приемы искусства неизбежно превращаются в искусственные приемы. Причина штампа — не в простом повторении слов и фраз, как думает А. Толмачев, а в губительной силе трафарета— ораторского (шире —стилистического) идеала, существующего в данное время в данном обществе. Поясню это на примерах.

В «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова описан трафарет митинговой речи середины 20-х годов. В городе Старгороде пускали трамвай. По этому поводу был собран торжественный митинг. Товарищ Гаврилин, председатель Старкомхоза, начал свою речь хорошо и просто: «Трамвай построить— это не ешака купить». Необычное начало было по достоинству оценено Остапом Бендером: из толпы послышался его громкий смех. «Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пытался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные...». То же самое происходило и с другими выступавшими. «Представитель Маслоцентра которого давно уже жгло, протиснулся к перилам трибуны, взмахнул рукой и громко заговорил... о международном положении»! Последним на трибуну поднялся главный инженер Треухов. Он хотел сказать многое: и про субботники и про тяжелую работу, обо всем, что сделано и что можно еще сделать... «Треухов открыл рот и, запинаясь, заговорил:— Товарищи! Международное положение нашего государства... И дальше замямлил такие прописные истины, что толпа, слушавшая уже шестую международную речь, похолодела. Только окончив, Треухов понял, что и он ни слова не сказал о трамвае...».

Но если ильфо-петровский эпизод может быть воспринят как гротеск и шутка, то уже совсем нешуточно выглядит пример из книги К. И. Чуковского «Живой как жизнь», где описывается сцена похорон, в которой все выступавшие начинают свое прощальное слово одной и той же шаблонной, заезженной фразой: «— Смерть вырвала из наших рядов...».

Конечно, здесь сказываются «законы жанра». Однако нарочито стертый, жвачно-мочальный стиль официальных выступлений часто бывает вызван к жизни для того, чтобы подобострастно оттенить достоинство существующего «идеала». Если говорить серьезно, то именно здесь, а не в мнимых причинах, приводимых автором в начале статьи, таятся истоки спада культуры ораторского мастерства в известный период истории нашего государства. Преодолевать последствия культа личности нам приходится и в этой области. Задача состоит в стилистическом воспитании масс, в повышении идеала истинного красноречия, которое, по словам А. П. Чехова, во все времена идет рядом с богатством языка.

Нельзя ругать школьников за трафареты: перед ними примеры взрослых — от устной речи учителей и комсомольских деятелей до стандартных и безликих определений учебников литературы.

Бессодержательную речь
Всегда легко в слова облечь.

Эти мудрые и афористические слова Гете служат предостережением всем, кто хочет свести проблему ораторского искусства к банально понятым «мукам слова». «Человек ясно выражается, когда им владеет мысль, но еще яснее, когда он владеет мыслию»,— пишет В. Г. Белинский. Примат мысли, содержания над формой нужно иметь в виду тем, кто искренне заинтересо-

ван в общественном подъеме ораторского мастерства. Любой другой подход грозит шаблонизацией.

Вряд ли нужна специальная теоретическая дисциплина в школьной программе. Больше, по-видимому, будет пользы от практических дел. Открытые диспуты и публичные споры помогут школьникам овладеть азбукой ораторского мастерства, привьют им вкус к мышлению вслух, доказательству на публике, к поискам образной оригинальности, индивидуальности. И нужны, конечно, толковые книги об ораторах старого и нового времени, об ораторах Октябрьской революции. Лучших пособий для учащихся и для всех, кто ценит ораторское мастерство, представить нельзя. «Не пишите риторики,— рекомендовал В. Г. Белинский более ста лет назад,— а переберите речи известных ораторов всех народов и всех веков, снабдите их подробною биографиею каждого оратора, необходимыми историческими примечаниями — и вы окажете этою книгою великую услугу и ораторам и не ораторам».

Завет великого критика-демократа звучит и в наши дни весьма актуально. Живой анализ ораторского искусства В. И. Ленина, С. М. Кирова, А. В. Луначарского, Г. К. Орджоникидзе, М. И. Калинина, Г. М. Димитрова будет гораздо полезнее пустых, хотя и не лишенных благих намерений, разговоров о мастерстве публичных выступлений.

...Дискуссия в «Литературной газете» отшумела, не успев начаться. Обещание редакции ввести постоянную рубрику так и не было выполнено. В одном из очередных номеров газеты партийный работник из Сибири рассказал об умелых пропагандистах местных предприятий, а учительница из Москвы пожелала самим педагогам научиться говорить хорошо, прежде чем прививать ораторские навыки своим ученикам. На этом «дискуссия» практически и закончилась. Она не могла развиваться на основании статьи, хотя и актуальной по теме, но не продуманной до конца и внутренне противоречивой.

Кандидат филологических наук
Л. И. СКВОРЦОВ

В следующем номере «Русской речи» будут опубликованы образцы деловых бумаг: справок, доверенностей, характеристик, заявлений

3 Здравый смысл и языковая норма

В определении нарушений языковых норм нередко руководствуются только соображениями ложно понимаемого «здравого смысла». Примером этого могут служить рассуждения ряда авторов об употреблении некоторых новых предлогов (благодаря, в силу, в деле и др.).

Уже в XIX веке употребление предлога *благодаря* для указания на причину, вызывающую отрицательное («нежелательное») следствие, подвергалось самому жесткому осуждению со стороны тех «блюстителей чистоты» русской речи, нормативные указания которых опирались не на изучение внутренних закономерностей развития языка, а только на соображения здравого смысла. В 70-е годы XIX века И. М. Николич писал: «Согласно смыслу глагола, от которого это предложное наречие [*благодаря*] производится, постановка его возможна только в таких выражениях, которые заключают в себе значение нравственное, хорошее, а между тем в печати попадается оно в таких оборотах речи, как: благодаря моровой язве, благодаря зверству турок и т. д.» (И. М. Николич. Неправильности в выражениях, допускаемых в современной печати. — «Филологические записки», 1877, вып. 1, стр. 2). Солидаризируясь с И. М. Николичем, редакция журнала, опубликовавшего его статью, сокрушенно отмечает, что в таком «совершенно ложном, не соответствующем здравому смыслу значении обороты с предлогом *благодаря* вошли во всеобщее употребление».

Позднее (в 80-е годы) такое употребление предлога *благодаря* также рассматривалось как «издевательство над здравым смыслом», как «*стоящее в грубом противоречии с логикой понятий*» (А. Б. Отчего? Зачем? и Почему? Оскудение и искажение русской речи. Наблюдения А. Б. СПб., 1889, стр. 26).

Теми же соображениями руководствуется и большинство авторов и составителей словарей русского языка нашего времени. Согласно их рекомендациям предлог *благодаря* следует употреблять только в таких предложениях, где «есть указание на какое-то полученное благо, на какой-то положительный результат» (М. Презент. Заметки редактора. Л., 1933, стр. 84), где речь идет «о причинах, вызывающих желательный результат» («Толковый словарь русского языка». Под редакцией Д. Н. Ушакова).

Между тем объективное изучение семантической истории предлога *благодаря* убеждает в том, что его употребление для указания на отрицательное следствие вполне закономерно. Известно, что в процессе образования предлога *благодаря* (конец XVIII — начало XIX века) лексическое значение («выражая благодарность») в нем утрачивается, хотя и не бесследно: этот предлог служит для указания на причину наиболее «благоприятствующую», т. е. наиболее способную вызвать данное следствие. Но с логической точки зрения это следствие совсем не обязательно должно быть «желательным».

Примеры употребления предлога *благодаря* показывают, что чаще всего он использовался и используется как раз для указания на причину, наиболее способную вызвать отрицательное следствие. Такое употребление было широко распространено с «первых же дней» существования этого предлога (ср.: «Помещики благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди». — Гоголь. Мертвые души). В дальнейшем намечается «тенденция увеличения веса нейтральных и отрицательных причин за счет положительных» (см: А. М. Финкель. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Харьков, 1962, стр. 207. По его подсчетам «положительные причины в XIX веке составляли 29 процентов, а в XX веке — лишь 18). Ср.: «Благодаря земству школа за-

крылась». Плеханов; «Благодаря дождям хлеб пропадает». Чехов; и мн. др. Именно в подобных случаях обнаруживается наибольшая степень сближения слова *благодаря* с «настоящими» предлогами: *благодаря* здесь выступает уже как омоним одноименного деепричастия, что находит выражение и в различии форм их сочетаемости (предлог *благодаря* — с дательным падежом, деепричастие — с винительным падежом).

Аналогичная тенденция наблюдается и при оценке употребления предлогов *ввиду*, *в деле*, *в силу*.

Предлог *ввиду*, служащий для указания на то, что причина мыслится как нечто предстоящее, что должно быть учтено и принято во внимание, был малоупотребителен и в период возникновения (60-е годы XIX века) и позднее. Примеры типа: «Крутиков, ввиду скорой свадьбы, взял отпуск...» (Степняк-Кравчинский. Домик на Волге) встречаются очень редко. В другом же значении, близком к значению причинного *вследствие*, этот предлог получил самое широкое распространение (статистические данные по этому вопросу см. в указаной книге А. М. Финкеля, стр. 179). Вот несколько из множества возможных иллюстраций: «Этот закон постоянно обходится ввиду его непрактичности» (Чехов. Остров Сахалин); «Ввиду нехватки тягла он передал своих выездных лошадей... в полеводческую бригаду...» (Бабаевский. Кавалер Золотой звезды); «Остальные агрегаты ввиду износа уже несколько раз заменялись» (Рыбаков. Водители).

В подобных случаях обороты с предлогом *ввиду* выражают причину вне ее отнесенности к плану будущего: здесь *ввиду* выступает в контексте, указывающем на отнесенность действия и к настоящему (ввиду нехватки тягла), и к прошлому (ввиду износа), и во вневременной план (ввиду его непрактичности).

Между тем это наиболее «предложное» и наиболее распространенное употребление *ввиду* в нормативных указаниях нашего времени определяется как неправильное. Например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова читаем: «*Ввиду*, предлог. По причине, принимая во внимание (что-нибудь предстоящее). *Ввиду предстоящих морозов надо запасаться дровами.* Употребляется неправильно вообще в значении „вследствие“ не только о предстоящем, например, „Ввиду болезни не работал два дня“»

Некоторые ученые считают «неудачными встречающиеся в газетах выражения вроде „В силу отсутствия запасных частей ремонт прекратился“», ибо «какая сила может быть у „отсутствия“ предмета!» (Н. Н. Никольский. Служебные слова. М., 1947, стр. 7).

Известно, однако, что предлог *в силу*, возникший в деловой письменности XVIII века, выступал в значении ‘на основании’. Это значение развилось под влиянием причинных сочетаний типа *по силе*, *за силою*, *силою* в соединении с зависимым словом, обозначающим юридический документ (закон, указ, постановление и т. д.). С 40-х годов XIX века слово *сила* укрепляется в научно-публицистической речи в более отвлеченном значении — ‘нечто, порождающее движение, деятельность’. Поэтому становится возможным и соединение предлога *в силу* с зависимыми отвлеченными существительными, в том числе и отглагольными, в результате чего значение самого этого предлога получает большую обобщенность — ‘вследствие’. Поэтому с грамматической точки зрения выражение *в силу отсутствия* безупречно, хотя стилистически здесь более уместным было бы *вследствие*.

М. Презент ополчается против употребления предлога *в деле*. В примерах типа «роль Государственного банка в деле развития социалистического хозяйства» странность «заключается в том, что слово *дело* в сочетании со словом *развитие* звучит нелепо, ибо получается два раза *дело*, нечто вроде хлеба с хлебом» («Заметки редактора», стр. 54).

Автору, по-видимому, неизвестно, что в своем основном значении ‘работа, занятие, деятельность’ слово *дело* сочетается только с личными (дело отцов), а также с такими отвлеченными существительными, которые не имеют или уже утратили значение действия (дело литературы, дело просвещения). В других случаях, например в сочетании с

отглагольными именами, обозначающими действие, знаменательность слова *дело* ослабляется, оно «теряет свое самостоятельное значение, сохраняя за собой только смысл звена в данном словосочетании»; поэтому становится возможным «переход существительного в служебные части речи» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 458). А значит *в деле развития* звучит вполне «лепо» и никаких «двух дел» здесь не получается. Конечно, в этом случае возможно и сочетание предлога *в* с винительным падежом (в развитии). Однако эти однотипные конструкции не равнозначны: в конструкциях типа *заслуги в деле развития науки* в отличие от конструкций типа *заслуги в развитии науки* содержится подчеркнутое указание на особую действенность процессуального признака, заключенного в объекте, названном зависимым именем.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что для решения вопроса о правомерности того или иного употребления слова одного здравого смысла более чем недостаточно. Здесь прежде всего нужно знание истории того слова, о котором судишь, знание путей и способов его образования и т. д. А всевозможные субъективистские оценки и рекомендации не только не имеют ничего общего с нормой литературного языка, определяемой на строго научной основе, но и совершенно бесплодны: «запрещенные» обороты не только укрепляются в системе русского литературного языка, но и активно развиваются.

Обсуждая употребление того или иного слова, якобы нарушающее стилистические нормы, нередко ссылаются на «порочность» его происхождения («канцелярское», «приказное» и т. д.). Конечно, происхождение слова влияет на его дальнейшее употребление и стилистическую окраску. Так, предлог *на предмет*, зародившийся в недрах официально-деловых стилей, так и не вышедший за их пределы, сохраняет яркий отпечаток этих стилей. Однако отсюда вовсе не следует, что *происхождение слова можно не отграничивать от современного его употребления.*

Смешения такого рода могут привести к ошибкам в стилистической оценке слова. Например, М. Презент, отметив, что «большинство засорений языка зависит от некритического перенесения слов и понятий, раньше сосредоточенных главным образом в прежнем канцелярском языке, так называемом „деловом языке", который в старой России был обособлен *от остальной литературы*» (стр. 22), к числу такого рода «засорений» («канцеляризмов») относит и предлоги *в деле, по линии.*

В действительности эти предлоги, если можно так выразиться, самого «благородного» происхождения — *в деле* формируется в научно-публицистической речи 60-х годов XIX века (особое пристрастие к этому предлогу обнаруживается у И. Н. Сеченова): «Предсердия... суть регуляторы в деле наполнения желудочков кровью» (Физиологические очерки) и «Путь этот представляется... наиболее плодотворным в деле *решения вопроса об сущности нервного возбуждения*» («Физиология нервной системы); «Усердие царских опричников не ослабевает в деле выискивания новых жертв» (Плеханов. Французское правосудие и русское шпионство) и мн. др. В XX веке, и особенно в советский период, употребительность этого предлога возрастает главным образом в публицистике. Отсюда он проникает и в современную деловую письменность и именно здесь находит наиболее широкое, нередко совсем неуместное, употребление. Это и послужило поводом для нападок на обороты с предлогом *в деле.* Суждения, перекликающиеся с мнением М. Презента, имели место и позднее. Например, Р. А. Будагов обороты типа *в деле изучения видов глагола* относит к «тавтологическим», так как в этом случае «изучение грамматической категории вида представляется как особое дело» («Вопросы культуры речи». Вып. 2. М., 1959, стр. 5).

«Совершенно невозможное и никому ненужное выражение *по линии*», как считает М. Презент, «пришло из канцелярий, из административного аппарата, где схема с начерченными линиями соединения играет *свою роль*» (*стр.* 23, 27). В действительности первоисточником употребления оборотов с предлогом *по линии* были устные и письменные вы-

ступления политических и общественных деятелей 30-х годов нашего века. Вот некоторые из наиболее ранних примеров: «До настоящего времени развитие сельского хозяйства шло главным образом по линии развития индивидуальных хозяйств» (М. И. Калинин. Задачи развития сельского хозяйства на путях коллективизации.— 1929 год); «Мы перестраиваем наши профсоюзы по линии обеспечения наиболее дифференцированного и наиболее детального руководства работой» (С. М. Киров. К новым боям и победам.— 1931 год).

У настоящих мастеров слова все элементы языка, в том числе и новые предлоги (по линии, в деле, ввиду, путем, в связи с — и т. п.) всегда «у места». В повседневной речи, и особенно в объявлениях, примеров, звучащих почти как курьез, более чем достаточно: «У нас обувь продается путем самостоятельного отбора покупателем» (объявление в московском магазине «Обувь», № 57 8 марта 1961); «С 23 часов до 06 часов дежурную вызывать путем нажатия кнопки» (объявление в здании Ферганского телеграфа. — «Известия», 19 февраля 1962); «В связи с отсутствием зимой насекомых летучие мыши впадают в спячку» (пример из статьи А. Ивича «Что написано топором». — «Известия», 21 ноября 1960); «Замусоривание квартиры в лице сухого коровьего навоза» (цитата из заявления ябедника. — «Известия», 9 августа 1962); «По линии огурцов дело обстоит благополучно» (цитата из газеты. — И. Ильф. Записные книжки).

Место рассматриваемых здесь новых предлогов в системе русского языка определяется прежде всего их назначением — служить средством формирования и выражения мысли в определенных жанрах и стилях книжной речи (деловая письменность, научная и публицистическая литература). Стилистическая окраска, первоначально присущая некоторым из этих слов (например, *в си-*

Звуки и буквы в школьном учебнике

Письмо в редакцию

В четвертом номере журнала «Русская речь» за 1967 г. опубликована статья Н. А. Еськовой «Звуки и буквы», в которой говорится о многих недоразумениях, связанных с неразличением букв и звуков. К сожалению, это неразличение встречается и в некоторых формулировках «Учебника русского языка для восьмилетней школы. Ч. 1» С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова, вышедшего в издательстве «Просвещение» в 1967 г. 15-м изданием.

Рассмотрим теоретическую часть § 33: «Вместо *и* после приставок, которые оканчиваются на согласный звук, произносится и пишется *ы*». Произносится звук, а пишется буква. При формулировке «произносится и пишется *ы*» разница между звуком и буквой для ученика несколько стирается.

Более точно это правило записано в «Пособии для занятий по русскому языку в старших классах средней школы», составленном В. Ф. Грековым, С. Е. Крючковым, Л. А. Чешко (М., 1963): «После приставок, оканчивающихся на согласный, вместо *и* пишется *ы* согласно произношению».

лу), обусловлена их происхождением и преимущественным употреблением в этих стилях речи. Известно, однако, что разные стили речи по выполняемым ими общественным функциям и по их социальной значимости неравноценны и что соотношение между ними исторически изменчиво. Процесс перераспределения функций и взаимовлияния между деловой и научно-публицистической речью, начавшийся в XIX веке, особенно активизируется в наше время, в эпоху советской демократии (роль деловой речи ослабевает, а влияние на общелитературное употребление речи научно-публицистической усиливается). В связи с этим новые предлоги, возникшие и первоначально употреблявшиеся преимущественно в научно-публицистических жанрах и стилях, легче проникают в литературный язык, «авторитетность» этих стилей особенно возросшая в наше время, в состоянии сделать авторитетными и эти новообразования. Употребительность их не ограничивается какой-либо узкой сферой, отсюда тенденция к ослаблению их стилистической окрашенности в пределах литературной нормы.

Поэтому вопрос о нормативности употребления рассмотренных нами предлогов нужно изучать в особом плане — в плане стилистической дифференциации, опирающейся на назначение данного высказывания: необходимые и уместные в высказываниях научного и вообще рассудочно-логизированного характера и в этих пределах стилистически нейтральные, такие слова в речи эмоциональной и художественно-изобразительной выступают как чужеродный элемент, а потому и редко находят там применение (само собою разумеется, что речь идет о стилистически не мотивированном употреблении). Это, однако, не означает, что они вообще чужды художественной речи: удачное их применение находим у мастеров художественного слова с тонко развитым чувством нового в языке (например, у И. С. Тургенева).

Доктор филологических наук
Е. Т. ЧЕРКАСОВА

В § 24 Учебника читаем: «Чтобы не ошибиться в правописании (!) согласного звука в корне, слово надо изменить так, чтобы после этого звука был гласный, например: мороз — морозы». Здесь, в понимании учащихся, говорится о написании согласного звука, а звук не пишется.

Весьма непонятны для учащихся и традиционные формулировки «пишется одно *н*» (§ 136, 145), «пишется два *н*» (§ 145). § 3 Учебника дает следующее основное различие между звуками и буквами: «Звуки мы слышим и произносим; буквы мы видим и пишем». Поэтому для школьного учебника предпочтительнее, на наш взгляд, формулировка: «пишется одна буква *н*».

К некоторым упражнениям Учебника даются такие задания, которые в конечном счете приводят учащихся к смешению звуков и букв: «Перепишите, заменяя множественное число единственным и подчеркивая шипящие с буквой *ь* одной чертой, а без этой буквы — двумя чертами» (упражнение № 90). Но в § 6 читаем: «Звуки *ж*, *ш*, *ч*, *щ* называются шипящими». Следовательно, в упражнении ученику предлагается подчеркнуть звуки!

Такое же требование находим и в задании к упражнению № 84: «Перепишите... Укажите, в каких словах на конце стоят мягкие согласные, а в каких — твердые. Первые подчеркните од-

ной чертой, а вторые — двумя». Но мягкими и твердыми бывают только звуки, подчеркнуть которые (одной или даже двумя чертами) невозможно.

Учителя нередко практикуют такие задания: «Звонкие согласные подчеркнуть одной чертой, глухие — двумя». Подобные формулировки встречаются и в получивших широкое распространение среди учителей поурочных разработках, например, в книге Н. Ф. Ефимовой «Изучение русского языка в 5 классе» (М., 1964, стр. 54, 64, 67); в пособии Л. А. Виноградовой «Система работы по русскому языку в 5 классе» (М., 1962, стр. 53—55, 59, 64, 65). В книге Ю. С. Ржевского «Упражнения по грамматике русского языка» (М., 1955) эта неточность доведена до полной «кондиции»: «Перепишите упражнение и подчеркните... одной чертой — звонкие согласные буквы, двумя чертами — глухие» (стр. 6).

Подобные задания правильно сформулированы в «Учебных материалах по фонетике для 5-го класса», приведенных в книге Г. П. Фирсова «Наблюдения над звуковой и интонационной стороной речи на уроках русского языка» (М., 1959): «Спишите текст. Подчеркните буквы, обозначающие звонкие согласные звуки, одной чертой; буквы, обозначающие глухие звуки, двумя чертами» (стр. 87).

Эти «Учебные материалы», подготовленные В. А. Добромысловым и одобренные сектором методики русского языка Академии педагогических наук РСФСР, были экспериментально проверены, что намного увеличивает их ценность.

Неудачными в Учебнике С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова следует признать и такие задания: «Прочитайте вслух и объясните, как обозначена мягкость выделенных согласных» (упражнение № 83); «Перепишите... Подчеркните согласные, мягкость которых обозначена *ь*» (упражнение № 85); «Перепишите... Подчеркните согласные *с* и *н*, мягкость которых ничем не обозначена» (упражнение № 86). *В этих упражнениях требуется, чтобы ученик подчеркнул* согласные буквы, мягкость которых (мягкость букв!) ничем не обозначена или обозначена буквами *ь, я, ю, е, ё, и*.

Правильно задания такого типа сформулированы в книге Г. П. Фирсова: «Прочтите текст (имеется в виду чтение вслух.— *В. Б*). Найдите в словах мягкие согласные звуки. Укажите, как обозначена мягкость согласных на письме» (стр. 89).

В разделе «Фонетика» Учебника есть и другие неточные формулировки. В § 1 дано следующее определение гласных звуков: «Звуки, при образовании которых воздух проходит свободно, называются гласными: *а, э, и, о, у, ы*». Но звуки речи образуются благодаря преградам, которые встречает выдыхаемый нами воздух в гортани и в полости рта. И если воздух свободно проходит через гортань, то никаких звуков не образуется. Поэтому определение гласных, данное в Учебнике, нуждается в уточнении и может быть записано так: «Звуки, при образовании которых воздух свободно проходит через полость рта, называются гласными».

Подготавливая Учебник к восьмому изданию, авторы за буквой *ь* закрепили название «мягкий знак», а не «ерь», как было в предыдущих изданиях. Но из § 12 учащиеся узнают, что «буква *ь* употребляется и как знак мягкости, и как разделительный знак». Поэтому букву *ь*, очевидно, целесообразнее все-таки назвать «ерь», а не «мягкий знак».

Восьмое издание перерабатывалось с учетом замечаний методистов и учителей, последующие семь — были стереотипными. По-видимому, теперь снова настало время переделать некоторые главы учебника, уточнить формулировки, хотя мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, насколько трудно изложить в доступной форме сложные вопросы соотношения звуков и букв.

В. Я. БУЛОХОВ

5 *Обличать или обучать?*

В наши дни в самых широких читательских кругах необычайно возрос интерес к языку, к вопросам речевой культуры. Это чувствуют и знают газетчики. Вот почему так много в центральной и местной печати стало появляться материалов о русском языке. Большие статьи и заметки в 30 строк, рубрики и разделы...

Сила воздействия советской печати на массы огромна, поэтому важно определить направление всей работы в области повышения речевой культуры народа и широкой пропаганды лингвистических знаний.

Время от времени то одна, то другая газета печатает большую статью программного характера, чаще всего под заголовком «В защиту русского языка». Содержание ее сводится к призывам говорить и писать по-русски правильно, грамотно, красиво. Редакции областных и городских газет обыкновенно заказывают такие статьи преподавателям местных пединститутов или университетов — специалистам вполне квалифицированным. Но ориентация на неподготовленного читателя и однократность выступления заставляют авторов чрезвычайно сужать свои задачи, ограничиваться сетованиями на плохую постановку преподавания русского языка в школе и указывать некоторые распространенные в устной речи ошибки.

Часто редакции здесь же объявляют об открытии специального отдела, как это было с кокчетавской газетой «Степной маяк» (17 сентября 1967), однако о продолжении разговора забывают надолго или навсегда.

Естественно, что при случайном обращении к теме поверхностно разрабатывается и материал. Из газеты в газету кочует несколько дежурных примеров, на которых часто и строятся все рассуждения. Больше всего достается почему-то *крайнему* в очереди («За коммунистический труд», г. Чехов, 22 августа; «Тувинская правда» и «Степной маяк» в один день — 17 сен-

тября; «Псковская правда», 2 ноября 1967). На хорошо организованную атаку были похожи выступления «Литературной газеты» (2 августа), «Сельской жизни» (13 августа) и «Тувинской правды» (17 сентября 1967) против употребления форм *ехай, ехайте* вместо *поезжай, поезжайте* или *съезди, съездите*.

У читателя неизбежно создается впечатление, что борьба за культуру речи состоит в искоренении отдельных, как правило, противоречащих здравому смыслу выражений и словечек. При этом субъективное мнение авторов даже о нормативных явлениях выдается за приговор последней лингвистической инстанции. Именно так прозвучало выступление писателя Леонида Борисова в «Литературной газете» (10 января 1968) против употребления призыва «Летайте самолетами Аэрофлота». Правомерность этого словосочетания была подробно аргументирована в № 3 нашего журнала за 1967 год. «Безграмотность» выражения, по Л. Борисову, состоит в том, что оно вызывает «смешные представления о человеке, летящем в черном пиджаке с разведенными в стороны руками, летящем над полями и лугами, то высоко, то низко». Интересно, чем же будет обосновывать Л. Борисов «безграмотность» таких выражений, как *доставить самолетом, отправиться теплоходом* или *добраться автобусом?* Самое печальное здесь состоит в том, что сугубо вкусовые оценки помещаются под широковещательной и ко многому обязывающей рубрикой «Служба русского языка». Действительная «Служба языка» предполагает следование задачам современной языковой политики, воспитание лингвистических вкусов читателей на научной основе. В области культуры речи оно представляется нам последовательным разъяснением закономерностей языкового развития, ознакомлением с выразительными возможностями родного языка.

> «Что же следует понимать под культурой речи? На первый взгляд она требует от человека лишь соблюдения литературных норм. Да, они обязательны для всех. Но этого мало. Культура речи предполагает умение пользоваться всеми богатствами языка.
>
> Говорящий должен всегда стремиться к точной передаче своей мысли, к выразительности, чистоте и благозвучию речи, к экономному использованию языковых средств, к оригинальности выражения. Надо, например, не просто брать из языка слова, а отбирать наиболее подходящие: в одном случае это может быть русское литературное слово, в другом — просторечное или даже диалектное, в третьем — заимствованное»,—

пишет во второй беседе о культуре речи кандидат филологических наук, доцент Великолукского педагогического института Н. Шумилов. Эти материалы начала регулярно публиковать «Псковская правда» (29 октября, 2 ноября 1967).

Лишь немногие наши газеты имеют лингвистические разделы. Из еженедельников это «Литературная газета», то и дело затрагивающая вопросы речевой культуры, и «Неделя» с регулярной рубрикой «Язык мой — друг мой». Как ни странно, необычайно редко публикует статьи о русском языке, в том числе и о языке художественной литературы, «Литературная Россия».

Находит место на своих страницах центральная газета «Сельская жизнь», чтобы один-два раза в неделю помещать материалы постоянного лингвистического раздела. Ведет его кандидат филологических наук, доцент МГУ

В. В. Иванов. Здесь две рубрики: «Учитесь правильно говорить» и «Почему мы так говорим?» (в одном номере последняя идет с вопросительным знаком, в другом — почему-то без него). Каждая заметка (30—50 строк петита) посвящена объяснению конкретной ошибки в словоупотреблении, случаю смешения грамматических форм и т. п.: «Оба» и «обе» (1 июля), «Свесить» или «взвесить»? (18 июля), «Младше» и «моложе» (25 июля), «Различать» и «отличать» (26 июля), «Невежа» и «невежда» (3 августа 1967) и т. д. Заметки написаны доступно, в манере, принятой в популярных справочниках по культуре речи (см., например: Правильность русской речи. М., 1965).

Материалы подобного рода перемежаются такими же короткими заметками о происхождении и истории отдельных слов и выражений: «У черта на куличках» (2 июля), «Козел отпущения» (20 июля), «Тянуть волынку» (24 августа), «Апогей славы» (15 ноября 1967) и т. д.

Из «Сельской жизни» перепечатывают материалы: «Свесить» или «взвесить»?, «Различать» и «отличать» (газета «Вперед», г. Химки, 14 октября 1967); ей подражают: под рубрикой «Неспроста слово молвится» воронежская «Коммуна» публикует заметки «Не солоно хлебавши», «Фома неверующий» (18 августа), «Концы в воду» (16 июня), «Двуликий Янус», «Под башмаком» (30 августа 1967).

Правда, обращение к устаревшим источникам приводит иногда к пропаганде фантастических этимологий, отвергаемых научным языкознанием. Так, выражение *под башмаком* (*каблуком*) в отрыве от устойчивого оборота *У жены под башмаком* (*каблуком*) связывается с обычаем татаро-монгольских завоевателей, которые приводили в повиновение побежденных правителей и предводителей войск повержением их на землю; при этом «победитель ставил им на голову ногу в башмаке» (?). (Об истории выражения *У жены под башмаком* см.: «Русская речь», 1968, № 1.)

Выступление «Литературной газеты» (20 сентября 1967) об ораторском искусстве (о нем см. в этом номере статью Л. И. Скворцова) было поддержано «Вечерним Свердловском» (31 октября 1967). Повторив в заголовке цицероновскую формулу «Поэтами рождаются, ораторами становятся» и перечислив в первых абазацах своей статьи ряд языковых ошибок из выступлений на собраниях, зав. районной юридической консультацией М. Браславский сетует:

> «Да, вопросам речевой культуры у нас еще мало уделяется внимания.
>
> Школы и высшие учебные заведения не имеют в своих программах такой дисциплины, как ораторское искусство. В школах больше внимания уделяется письменным работам учащихся, нежели устному изложению. Что же касается высших учебных заведений, то за исключением Московского университета, где вводится курс ораторского искусства, другие вузы, насколько мне известно, этим вопросом не занимаются.
>
> В первые годы Советской власти в Москве имелся институт, в котором существовал ораторский факультет, готовивший политпросветработников, пропагандистов и агитаторов. В программе этого факультета были такие предметы, как композиция речи, постановка дыхания, дикция и другие элементы ораторского мастерства. Выпускники факультета умели зажечь своей речью других. К сожалению, далеко не все нынешние пропагандисты владеют таким умением...»

Здесь мы имеем дело с обычным смешением проблем культуры устной речи с проблемой профессионального мастерства, путаницей «грамотного» (правильного) и «красивого», отождествлением понятий «пропагандист, агитатор» и «оратор».

Более того, по мнению автора статьи,

> «если бы каждый выступающий на заседаниях и собраниях владел этим умением (был оратором.— *В. Д.*), насколько бы быстрее, интереснее и плодотворнее проходили наши заседания и собрания. И как это важно особенно сейчас, в условиях пятидневки, в условиях насыщенного рабочего дня».

Можно ли всерьез рассчитывать на овладение всеми, кто выступает на собраниях и совещаниях, секретами ораторского мастерства? И действительно ли это избавит нас от плохих выступлений? Так или иначе, но и в пропаганде основ ораторского мастерства пора перейти от призывов к обучению. Поэтому не может не вызвать одобрения инициатива «Московского комсомольца», который с 20 октября прошлого года открыл «Заочную школу ораторов». Статьи в «Московском комсомольце» посвящены описанию конкретных ораторских приемов, хорошо иллюстрированы материалом и действительно могут быть полезны пропагандисту и агитатору.

Кандидат филологических наук
В. Я. ДЕРЯГИН

Лингвистическая викторина

1. Красная площадь в Москве... Название ее так созвучно нашей современности! Но возникло оно несколько веков назад. Ясно, что слово *красный* имело здесь первоначально другое, необычное для современного языка значение. Какое? Напомним, что в русских народных песнях, пословицах и сейчас употребляются выражения *Красная девица, Солнце красное, Красное словцо.* Подберите слова того же корня, родственные слову *красный* в его старом значении.

2. Знаете ли Вы, откуда произошло слово *король* и с каким собственным именем оно исторически связано?

3. «Пылает брань, на холмах гром гремит» (Пушкин); «Бежал он в страхе с поля брани» (Лермонтов). Что значит здесь слово *брань?* От какого глагола оно происходит?

4. Словом *тунеядец* мы называем вредного для общества человека, который живет за счет других и, как паразит, питается плодами чужого труда. Слово это употреблялось уже в глубокой древности. По своему образованию оно было более сложным, составленным из двух корней. Объясните его происхождение.

5. «Злобами дня полно время тревожное» (Некрасов). О какой злобе идет речь, и почему это слово стоит здесь во множественном числе? Есть у нас и выражение *На злобу дня,* и сложное слово *злободневный.* Какое древнее значение слова *злоба* отражено в этих словах и выражениях?

6. Определительное местоимение *весь, вся, все* общеизвестно. Но есть такое старинное выражение *По городам и весям.* Здесь слово *весь* уже не местоимение, а существительное. Что оно значило?

7. Подумайте, какие буквы русского алфавита не могут стоять в начале слова?

8. Какая буква русского алфавита никогда не пишется после согласных и между согласными?

9. Мы говорим: *мое кашне, мое пальто.* Всегда ли несклоняемые иностранные слова — среднего рода? Одинаковый ли род у слов *какао* и *кофе?* Какого рода слова *кенгуру, какаду, колибри?*

(Ответы см. на стр. 74)

ЗА РУБЕЖОМ

PORADNIK JĘZYKOWY

Ежемесячник редакции Словаря польского языка (издательство Польской Академии наук, Варшава) «Порадник ензыковы» (дословно — 'Языковой справочник') — один из старейших славянских лингвистических журналов. Он был основан в 1901 году Романом Завалиньским. Главный редактор журнала профессор Витольд Дорошевский, крупнейший польский языковед, автор множества работ по общему языкознанию, славистике, польскому языку.

В каждой тетрадке «Порадника» печатаются три — пять статей по общим и частным вопросам полонистики: истории, лексикологии и грамматике современного польского языка, терминологии, диалектологии, стилистике; рецензии на новые книги; обязательный раздел, который ведет главный редактор, — «Объяснения слов и выражений» (ответы на письма читателей о языке). Регулярно публикуются обзоры и перепечатки материалов по языку из газет и массовых журналов.

Важнейшей проблеме прикладного языкознания, проблеме культуры речи, посвящены статьи В. Дорошевского «Языкознание и интеллектуальная культура общества» (1967, № 1) и «Цели Общества культуры языка» (1967, № 2). «Язык... есть одна из форм деятельности и существования (comportement, behaviour) человека, одна из форм его активного бытия», — пишет Дорошевский. И в качестве одной из основных задач лингвистики выдвигается изучение самого характера связей языка с общественной жизнью, с поведением человека.

В связи с особым вниманием к познавательной функции языка рисуются и «цели Общества культуры языка, которое могло бы носить название Общества работы над языком — работы, представляющейся чем-то совершенно иным, нежели популяризация языкознания; эта работа должна служить исправному функционированию мыслей, облеченных в форму польских слов».

«...Цели нашей работы, то есть цели Общества культуры языка, мы хотим понимать позитивно, не ограничивать своей работы указанием и порицанием чьих-либо ошибок. Но примеры языковых ошибок выразительны и поучительны, они вогнутые зеркала, в которых содержательные замыслы говорящих искажаются и часто приобретают вид карикатуры. Хуже грамматических ошибок те языковые нарушения, они вредят ясности мысли, выражают душевное смятение, всегда чем-то отраженное» (1967, № 2).

Для большинства статей, публикуемых в «Пораднике», характерны актуальность, следование лучшим традициям польского и мирового языкознания. Польские языковеды ведут последовательную и глубокую разработку конкретного языкового материала. Статьи и заметки, даже по самым спорным вопросам культуры речи, всегда бывают написаны в спокойном тоне, мнения хорошо аргументированы и подкреплены бо-

гатым исследовательским материалом.

Современное понимание целей и задач научной культурно-речевой политики и внимание к живому языку привлекает к участию в журнале широкие читательские круги: языковедов, учителей (обязательный экземпляр имеет каждая школьная библиотека), просто любителей языка.

В содержании теоретических статей и кратких заметок о новых словах и выражениях, о нормативном словоупотреблении, заключающих каждый номер журнала, отражается сама динамика современного языкового развития, а также живое участие и заинтересованность поляков в чистоте и правильности польской речи.

В. Д.

С января 1967 года в Братиславе начал выходить новый научно-популярный журнал по речевой культуре и терминологии «Kultúra slova», орган Института языкознания имени Людовита Штура Словацкой Академии наук. Журнал будет выходить 10 раз в год. Он заменил «Československý terminologický časopis» («Чехословацкий терминологический журнал»), который в течение пяти лет помогал координировать работы по чешской и словацкой специальной терминологии.

В отличие от остальной словацкой лингвистической периодики, имеющей исключительно научно-исследовательский характер, журнал «Культура слова» направлен на повышение языковой культуры носителей словацкого языка. Его постоянные разделы: «Голоса работников культуры», «Дискуссии», «Разное», «Сообщения и рецензии», «Вы спрашивали».

В первых номерах помещен материал, знакомящий читателей с характером журнала. Это статьи директора Института языкознания имени Л. Штура и члена редколлегии профессора Й. Ружички (№ 1), главного редактора доктора Гейзы Горака (№ 3).

О необходимости журнала по культуре речи говорит в коротком напутствии новому журналу замечательный мастер слова и педагог Высшей школы искусств Вильям Заборский. По его мнению, издание такого типа прежде всего должно быть интересным для всех. Кроме того, Вильям Заборский считает, что постоянное внимание журнал должен уделять разговорной речи, чтобы пробудить интерес к этому вопросу у молодежи.

Профессор Оскар Ферьянц в заметке «Несколько слов о научном стиле словацкого языка» (№ 4) говорит о том важном месте, которое должны занять в журнале вопросы терминологии и специальных стилей языка.

Все работники культуры, выступившие на страницах «Культуры слова» видят основную задачу журнала в том, чтобы в доступной форме изложить результаты научных исследований по словацкому языку, чтобы научить читателя оценивать, выбирать и упорядочивать языковые средства для выражения своих мыслей и чувств в письменной и устной речи.

В декабре 1966 года в Смоленицах состоялась научная конференция по культуре словацкого литературного языка. В № 2 журнала напечатаны «Тезисы о словацком языке», обсужденные и одобренные на этой конференции.

В каждом номере журнал публикует замечания к отдельным статьям Словаря словацкого языка. Некоторые стороны этого словаря, в целом отвечающего самым строгим требованиям современной лексикографии, стали предметом критики.

Прежде всего она касалась оценки некоторых слоев лексики в рамках литературного словацкого языка, стилистической характеристики слов.

Несколько статей посвящено разбору языка словацкой периодики: «Об одном случае нарушения нормы в газетах» (№ 6), «О языке еженедельника „Свобода“» (№ 5), «Язык словацкого издания газеты „Руде право“» (№ 1), «О языковой стороне газеты „Смена“» и др.

Очень важна для культуры словацкого языка проблема перевода с чешского. Близость обоих языков приводит к мысли о том, что такой перевод — простое и легкое дело. Иногда чешский текст только «словакизируется», т. е. оформляется по фонетическим и грамматическим законам словацкого языка. В результате этого появляются серые, плохие переводы. На важность и ответственность переводческого дела указывают отдельные интересные статьи, напечатанные в «Культуре слова».

Значительное место в журнале занимают статьи по общим и частным вопросам словацкой терминологии. В разделе «Разное» разбираются трудные случаи словацкой морфологии, правописания и произношения. В «Сообщениях и рецензиях» журнал коротко знакомит читателей с книгами, словарями и пособиями по культуре речи, сообщает о всех важных событиях культурной жизни Словакии. Спорным вопросам словацкого языкознания посвящен раздел «Дискуссии». Интересен большой раздел «Вы спрашивали», который помещает ответы лингвистов, сотрудников Института языкознания на письма читателей.

Журнал «Культура слова» призван объединить вокруг себя любителей словацкой речи, помочь читателю-нелингвисту разобраться в трудных вопросах языка.

Г. Я. РОМАНОВА
научный сотрудник Института русского языка АН СССР

Лингвистическая викторина

(Ответы)

1. *Красный* в старину означало ‘красивый’. Об этом напоминают нам слова: *краса, красота, красивый, прекрасный.*

2. Слово *король* произошло от имени первого императора средневековой Европы Карла Великого. Имя *Карл*, превратившись в нарицательное, было заимствовано из древних германских языков в славянские, причем в разных славянских языках оно звучит неодинаково: ср. русское — король, польское — król (круль), чешское — kral (краль), болгарское — крал.

3. Древнейшие значения слова *брань* ‘война’ и ‘бой, битва’. Это слово заимствовано из старославянского языка и образовано от глагола *бороться* (старославянское *братися).* Соответствующее русское слово с полногласным сочетанием *боронь* утрачено, но сохранились производные от него — *оборонять, оборона.*

4. Первый корень — древнерусское *тунии* ‘безвозмездный’, *туне* ‘даром, безвозмездно’ (отсюда в современном языке наречие *втуне* ‘напрасно’); второй корень *-яд-*, ср. *есть, еда, яд, яства;* суффикс *-ец.*

5. Одно из древнейших значений слова *злоба* — ‘забота’.

6. В старину употреблялось существительное *весь* ‘деревня, село’

7. Буквы *ъ, ы, ь.*

8. Буква *й.*

9. *Какао* — среднего рода, *кофе* — мужского; *кенгуру, какаду, колибри* — мужского рода.

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Многотиражные газеты геологов

Перед нами небольшие газетные листы, ласково именуемые многотиражками. Помета «новое» в толковых словарях показывает, что явление это рождено в советское время. Но и по сути, природе своей, не только по времени появления, это «советизм», яркая примета социалистической действительности. Масштабы, распространение, разнообразие многотиражной печати трудно обозримы. Огромна читательская аудитория этих газет. Только геологических многотиражек в Советском Союзе издается 30. Читают их более 500 тысяч работников геологических служб. В настоящем обзоре мы рассмотрим 11 многотиражных газет за 1967 год:

Бурят.— «Геолог Бурятии»

Волго-Дон — «Геолог», Волго-Донское геологическое управление

Енисейск — «Енисейский геолог», Красноярское геологическое управление

Зап.-Каз.— «Разведчик недр», Западно-Казахстанская комплексная геологоразведочная экспедиция треста «Актюбнефтеразведка»

Зап.-Сиб.— «Разведчик недр», Западно-Сибирское геологическое управление

Сев. Кавк.— «Геолог Северного Кавказа»

Тадж.— «Геолог», Управление геологии Совета Министров Таджикской ССР

Туркм.— «Разведчик недр», Управление геологии Совета Министров Туркменской ССР

Узб.— «Геологоразведчик Узбекистана»

Урал — «Геолог Урала»

Якут.— «Геолог Якутии»

(В первом столбце приведены сокращения, употребляемые далее в тексте.)

Каков же язык этой массовой печати, которая рождается в гуще жизни и творится в основном руками читателей?

«В бассейне одной из горных речек Заполярья, в узких долинах, рассекающих палеозойскую толщу известняков, уже несколько лет трудится коллектив геологов-поисковиков Янской геологоразведочной экспедиции» (Якут., 23 февраля 1967); «Палатка растянута по сухой надпойменной террасе, среди пряно пахнущих тальников и совсем не заметна с берега. Натянута крепко, на случай дождя, хотя ника-

кого дождя не предвидится и стоять отряду на этом месте предстоит не более ночи. В каждом забитом колышке — таежная мудрость и огромный опыт, по крупицам накопленный человеком не за один десяток лет» (там же).

Как видим, язык геологических многотиражных газет принципиально не отличается от газетной речи вообще как разновидности, ветви публицистического стиля. Довольно высок литературный уровень цитированных отрывков. Подобные материалы вполне возможны в любой газете. Но если внимательно вчитаться в приведенные выше отрывки, то мы увидим особенность, присущую именно геологическим газетам и связанную с профессионально ограниченной читательской и авторской средой.

«В бассейне одной из горных речек Заполярья, в узких долинах, рассекающих палеозойскую толщу известняков...». В обычную очерковую заставку вплетаются, казалось бы, мало заметные штрихи, детали, но они много говорят сведущему читателю. Такой оборот, как «сухая надпойменная терраса» в обычной пейзажной зарисовке («Палатка растянута на сухой надпойменной террасе, среди пряно пахнущих тальников...») ярко характеризует и профессиональную наблюдательность автора, выделяющего детали, которые может заметить лишь специалист, и определенную читательскую аудиторию (обращение к «посвященным»), и, наконец, стиль самого газетного материала, представляющего собой органичное сочетание обычных, общераспространенных языковых средств и ограниченных, встречающихся в определенной отрасли хозяйства, техники, науки.

Широкое использование терминов и профессионализмов — одна из ярких отличительных особенностей стиля многотиражных газет. И это оправдано их назначением. В геологической многотиражке и авторы («отправитель» информации) и читатели (адресат, получатель информации) — представители одной в широком смысле слова профессии, поэтому и разговор между ними ведется в основном на профессиональные темы и на профессиональном языке.

Профессиональность не подразумевает существования какого-то особого языка, отличного от литературного, и выражается в интенсивном употреблении научной терминологии (например: «Программа „Корреляционные параметры" предназначена для определения средних арифметических значений, средних квадратичных отклонений, асимметрии и эксцесса, парных, частных и множественных коэффициентов корреляции» — Енисейск, 11 октября 1967), в существовании некоторых устойчивых оборотов, морфологических образований, особых форм управления, сочетания слов, не принятых в общелитературном языке, но закрепившихся в профессиональной среде и составляющих ее языковую специфику. Например: в полевых условиях, в поле, полевой сезон, в перспективе (в будущем), содержания золота («работать на пониженных содержаниях золота»), документатор горных выработок, поисковик («замечательный поисковик, друг и товарищ»), полевик («полевики — народ непоседливый»), младший коллектор, партия на ртуть («организация новой партии

на ртуть»), регионы (Заполярья), заснять (весь Верхоянский хребет), передать в разведку, выдать рекомендации, представлены... кварцем («глыбы представлены плотным мелкокристаллическим кварцем») и т. д. Все эти обороты, хотя и необычны за пределами специальной литературы, но вполне приемлемы, так как общедоступны, способствуют сжатости и точности выражения.

Однако газета, даже и специальная геологическая, продолжает оставаться газетой, произведением журналистики, литературно-публицистической деятельности. И это налагает некоторые ограничения на использование профессионально-терминологической лексики и фразеологии. Чрезмерное, некритическое употребление терминов и профессионализмов противопоказано любой газете, в том числе и специализированной. Суть вопроса заключается в мере использования профессионализмов, их качестве, целесообразности.

Так, вряд ли оправдан оборот профессиональной речи с предлогом *на*, проникающий в газеты из языка технических отчетов: «На выполненный объем работ достигнута экономия фонда зарплаты в сумме 48,9 тыс. рублей» (Якут., 12 октября 1967).

Некоторые речевые формулы, используемые в специальной литературе, часто употребляясь, теряют лексическую определенность, перестают выполнять номинативную функцию, например: «Кроме того, наша экспедиция производит необходимый комплекс геологоразведочных работ по обеспечению горнорудных районов топливным сырьем для производства строительных материалов»; «Большой объем поисковых работ по оценке перспектив обнаружения россыпных и коренных месторождений алмазов производится экспедицией в районах, примыкающих к уже эксплуатируемым месторождениям» (Якут., 26 октября 1967). Выделенные обороты утяжеляют предложение, но, главное, они избыточны и нарушают структуру фразы: «производит комплекс»; «объем производится»...

Из отчетов, инструкций пришли в газету придающие тексту канцелярский характер обороты *в сумме, в количестве*: «Получена сверхплановая прибыль в сумме 70 тысяч рублей»; «Только за прошедшую семилетку экспедицией разведано промышленных запасов золота в количестве 50% от добытых в Алдане за 40 лет» (Якут., 12 октября 1967).

Широко распространены в геологических многотиражных газетах различного рода аббревиатуры, имеющие хождение в профессиональной среде. Однако употребление их следует ограничить областью разговорной речи. Сниженная (разговорная) окраска многих сложносокращенных слов оказывается чуждой стилю газетной речи (при отсутствии специального стилистического задания): техбиблиотека, метеоусловия, химреагенты, рацпредложение, соцсоревнование, геолпоходы, топоотряды и др.

Некоторые аббревиатуры особенно неуклюжи и неблагозвучны, например, *перебурки*: «Повторные перебурки угольных пластов равноценны аварии» (Волго-Дон, 26 сентября 1967); *завдом*: «В этом отношении мы поддерживаем предложение завдомов политпросвеще-

ния в поселке Кызыл-Сыр...» (Якут., 23 февраля 1967); *помбуры:* «Активно содействовали подписке помбуры Антонина Борткевич, Николай Быков и другие» (Зап.-Сиб., 18 октября 1967); некоторые инициальные аббревиатуры неудачны из-за омонимии: «В партиях ЗСГУ и УГУ испытывается специальная непачкающая эмульсия...» (Зап.-Сиб., 18 октября 1967).

Для рецензируемых многотиражных газет, как и для газетного языка в целом, довольно актуальна проблема речных штампов. Газетная речь, особенно некоторые ее жанры, такие, как хроникальная информация, в значительной мере стандартизована. И это оправдывается условиями газетной работы и назначением, природой жанра. Нет необходимости, например, обновлять установившуюся фразеологию официальной хроники или некоторых других жанров, насыщенных речевыми клише. Однако следует решительно бороться против клише, превратившихся в пустую словесную «породу», потерявших определенность лексического значения и вставляемых в текст просто по привычке. Такие речевые клише становятся штампами. Использование их нарушает один из главных законов газетной речи — лаконизм выражения, ведет к многословию: «В 1951 году Михаил Иванович едет в Чехословакию по командировке Министерства геологии СССР и в течение шести месяцев принимает участие в оказании практической помощи в оценке железорудных и медных месторождений и соответствующей консультации по проведению разведочных работ на эти полезные ископаемые» (Урал, 12 октября 1967); «Радует напряженная и плодотворная работа геологов в деле обеспечения выполнения всех принятых обязательств по приросту запасов полезных ископаемых» (Узб., 26 сентября 1967); «Вот почему особое внимание следует уделять всемерной поддержке инициативы передовых коллективов» (там же).

Слова и обороты, выделенные разрядкой, в трех цитированных предложениях не несут никакой смысловой нагрузки. Это словесный балласт. Без него предложения станут короче, динамичнее.

Некоторые речевые штампы настолько прочно закрепились в сознании пишущих, что употребление одних слов влечет за собой с неизбежностью другие — слова-спутники. Так, к слову *обязательства* присоединяются определения *взятые*, *принятые*, *конкретные; успехи* всегда *достигнутые; порядок—должный; недостатки имеющиеся* и т. д.: «Достигнутые успехи геологов, уверенная работа была бы невозможной, если бы не самоотверженный труд наших буровиков, горняков и рабочих подсобных цехов» (Якут., 26 октября 1967); «Материалы произведенных проверок позволяют говорить о типичных или специфичных ошибках, характерных для полевых подразделений ЗККГРЭ» (Зап.-Сиб., 30 сентября 1967); «Выполненное картирование масштаба 1 : 50 000 позволило расшифровать геологическое строение Алданского района, устранить с его карты многие „белые пятна“» (Якут., 12 октября 1967); «И конечно, если такая помощь будет оказана, то коллектив геологоразведчиков За-

уральской выполнит взятые обязательства по достойной встрече 50-летия Советской власти» (Урал, 4 октября 1967); «Пусть наша конференция будет деловым коллегиальным органом, который наметит пути исправления имеющихся недостатков и внесет свой вклад в общее дело достойной встречи 50-летия Советской власти» (Бурят., 20 апреля 1967); «Необходимо навести должный порядок в содержании имеющихся первичных средств пожаротушения» (Якут., 22 марта 1967).

Все выделенные определения излишни. Вряд ли кто-нибудь станет писать о недостатках, которых нет, о недостигнутых успехах, непринятых обязательствах и т. п.

Избыточными часто оказываются также обороты со словом *вопрос*, местоимением *свой*, вспомогательным глаголом *является* и др.: «Вопросу дальнейшего направления (?) геологогеофизических, разведочных и научно-исследовательских работ на Устюрте и была посвящена проходившая недавно в Нукусе выездная сессия Министерства геологии УзССР» (Узб., 17 сентября 1967); «Партбюро не потребовало также от разведкома профсоюза и его председателя тов. Черпакова вплотную заняться вопросами соревнования...» (Волго-Дон, 20 сентября 1967); «Такая практика, бесспорно, должна дать свои лучшие результаты» (Якут., 3 февраля 1967); «За шесть лет своей деятельности геологоразведчики Кулара подготовили базу для создания двух приисков...» (там же); «Главной задачей проведения работ в 1967 г. является выявление возможности применения механического бурения шурфов в различных горно-геологических условиях и на разных установках» (Урал, 6 сентября 1967); «Машинная обработка магнитной записи на преобразователях ПСЗ-2М является актуальной проблемой для геофизиков республики» (Туркм., 15 апреля 1967).

Злоупотребление штампами ведет также к неразличению их стилистической окраски, к безликому использованию слов, к подмене живой речи казенно-бюрократическим жаргоном: «Основное внимание участников похода, проведенного в Ботуобинской экспедиции, было уделено некоторым вопросам геологии и геоморфологии, изучению поисковых признаков полезных ископаемых»,— в таком официальном тоне газета «Геолог Якутии» рассказывает о летних походах школьников. И далее: «Большой интерес у ребят вызвало посещение вилуитов и ахтарандитов ниже устья речки Ахтаранда на левом берегу Вимоя» (22 марта 1967); «На собрании коммунисты решали вопросы (ср.: думали, размышляли), как лучше организовать перебазировку буровых» (Урал, 4 сентября 1967).

А вот как до неузнаваемости может измениться живая речь, буквально задавленная штампами: «У нас проделана большая работа по улучшению жилищно-бытовых и культурных условий трудящихся» (Урал, 4 октября 1967); «Вместе с тем в своей работе мы имеем недостатки, устранив которые, мы могли бы работать лучше» (там же).

Надо сказать, что встречаются в многотиражных газетах материалы на производственные темы (именно здесь больше всего штампов), написанные просто, живо, естественно. Непринужденно, в спокойной разговорной манере ведет рассказ газета «Разведчик недр» (Зап.-Сиб., 18 ноября 1967) в статье «С чего начать? Размышления перед составлением плана внедрения НОТ»: «Вот и дошло до нас дыхание времени: мы начинаем организовывать свой труд не просто по-новому, а научно, то есть используя все достижения передовой мысли. Получили указание „сверху", прислушались к голосу „снизу". Думаем: с чего начать? Составить сетевой график выполнения работ? Или заняться вопросами экономики? А может быть, изучить баланс рабочего времени начальников и их подчиненных?».

Естественная живая речь. Ни единого штампа. Удачны вопросительные предложения, как бы передающие процесс раздумий. Фразы просты по конструкции, разговорны.

О вреде канцеляризмов писали уже не раз и в специальной и в массовой литературе. Хотя в формировании газетной речи официально-деловой стиль, как и научный, сыграл немалую роль, современному газетному языку канцеляризмы чужды. Они воспринимаются как вкрапления «чужого» стиля и мертвят, сушат текст. Проникновение канцелярских форм и словечек в язык многотиражных газет объясняется, по-видимому, влиянием отчетов, инструкций, ведомостей. «Решительное изжитие отмеченных недостатков поможет успешнее выполнить социалистические обязательства в честь 50-летия Советской власти» (Волго-Дон, 20 сентября 1967); «К примеру, нас не должна ни в коей мере устраивать та производительность оценки ореолов, которую мы достигли в истекающем году...» (Бурят., 22 октября 1967). Ср. также скопление существительных на *-ение* в одном предложении: «Было принято и решение об исключении параллельного в обоих управлениях внедрения неясных по ценности предложений» (Зап.-Сиб., 14 сентября 1967).

Немало упреков можно высказать редакциям многотиражных газет с точки зрения точности словоупотребления. Слова нередко используются неверно, вопреки их истинному значению: «На стажировку в училище послали одного из лучших производственников — техника-буровика Анатолия Николаевича Верченова. С 1/IX Анатолий Николаевич будет передавать свой опыт тридцати будущим буровикам» (Волго-Дон, 14 июня 1967). Слово стажировка употреблено здесь неправильно, так как речь идет не об учебе, а о преподавании. «До войны у меня была одна из мирных профессий — адвокат. До отправки на фронт штудировал (?) призывников на плацу Пионерского парка» (Тадж., 9 мая 1967). *Штудировать* значит что-либо усердно изучать. Автор, вероятно, хотел сказать «муштровал призывников».

Нередко в газетах смешивают близкие по звучанию, но разные по значению слова. Так, вместо *неповоротливость* пишут *неразворотливость*, образуя несуществующее слово: «А так ли это? И не-

ужели действительно это такая сложная проблема? Не объясняется ли это неразворотливостью наших руководителей и их бездушным отношением к нуждам рабочих? (Бурят., 23 октября 1967).

«Обладая большими организаторскими способностями и талантливостью (вместо „талантом". — *Г. С.*) геолога-разведчика, Михаил Иванович долгое время работает главным инженером треста „Уралчерметразведка"» (Урал, 12 октября 1967); «Редколлегия недостаточно следит за грамотой (вместо „грамотностью"— *Г. С.*)...» (Якут., 3 февраля 1967).

Довольно обычны в газетах (не только многотиражных) нарушения лексической сочетаемости слов. Это связано с расширением сферы употребления часто используемых в газетной речи слов, которые начинают сочетаться со словами, обычно не соединяемыми: «Все это приносит свои плоды: бригада вот уже ряд месяцев удостаивается первого места в соревновании разведчиков недр экспедиции» (Волго-Дон, 24 октября 1967); «Мы боремся за звание называться коллективом коммунистического труда...» (Бурят., 29 августа 1967); «Недавно профсоюзной организацией Воронцовской ГРП была проведена выставка овощей, фруктов и цветов, выращенных геологами» (Урал, 12 октября 1967); «Дружинники должны стать действенными помощниками администрации и хозяйственного руководства подразделений на этом участке работы» (Якут., 22 марта 1967). Прилагательное *действенный* сочетается в литературном языке только с существительными, обозначающими отвлеченные понятия: средство, принцип, помощь и др.

Среди нарушений морфологических и синтаксических следует отметить злоупотребление разговорно-просторечными вариантами форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода: *рапорта́* («Рапорта́ с юбилейной выставки» — рубрика в газете «Геолог Якутии»), *редактора́* вместо нормативных *рапорты*, *редакторы*, использование разговорно-просторечных форм глаголов несовершенного вида: *подытаживать*, *сосредотачивать* (норма: *подытоживать*, *сосредоточивать*); употребление единственного числа существительных вместо множественного: «Будет больше смелой постановки вопроса, критики недостатков, меньше будет места парадности, праздничного самодовольствия» (Якут., 3 февраля 1967). Кроме отмеченной ошибки, в последнем предложении много и других огрехов: *самодовольствие* вместо *самодовольство*, лексическая несочетаемость, порядок слов. «Прошу извинить меня, Герман Васильевич, за корявый провод на отдых» (Енисейск, 5 сентября 1967). Слово *проводы* употребляется только во множественном числе.

Среди отступлений от синтаксических норм можно выделить нарушения порядка слов в причастных оборотах (включение в причастный оборот слова, к которому он относится): «Поступающие сведения из геологоразведочных организаций республики показывают непрерывный рост трудового энтузиазма...» (Узб., 24 октября 1967) вместо правильного порядка слов: «Сведения, поступающие из...» или

«Поступающие из геологоразведочных организаций сведения»: погрешности против норм синтаксического управления: «Информация ценными предложениями» (Зап.-Сиб., 14 июня 1967); «Приняты меры по улучшению квартирных условий избирательницы через место ее работы» (Якут., 15 марта 1967); избыточное (плеонастическое) употребление частицы *бы* наряду с союзом *чтобы*: «Желательно бы, чтобы на страницах нашей газеты... выступили пропагандисты...» (Якут., 23 февраля 1967).

Как показывают материалы обзора, язык многотиражных геологических газет имеет некоторые особенности, связанные с их назначением, определенной читательской аудиторией. Особенности эти проявляются прежде всего в насыщенности газетной речи профессионально-терминологической лексикой. Других существенных отличий у языка многотиражных отраслевых газет, по-видимому, нет. Их недостатки, как и достоинства, дают в известной мере представление о газетном языке в целом.

Кандидат филологических наук
Г. Я. СОЛГАНИК

ЕЩЕ О КРАСИВОСТИ

Симпатичный капитан «Зюйда» Володя Сакуненко (герой повести В. Аксенова «Апельсины из Марокко») невероятно смущается, когда женщина «из радио» начинает донимать его вопросами.

«— Да понимаете,— залепетал Володя,— начальство у нас какое-то не пунктуальное, или как это... не принципиальное, что ли... короче... не актуальное.

И совсем ему жарко стало».

Мне вспомнился этот эпизод, когда я читал статью «Ничья на поле чемпионов обнадеживает» («Московский комсомолец», 8 декабря 1967). Сообщая, что в матче с англичанами «в нашей команде появились отсутствовавшие в недавней встрече с голландцами ключевые (!) игроки — Стрельцов, Воронин, Сабо», автор статьи заслуженный мастер спорта Сергей Сальников замечает: «Это придало дополнительную принципиальность поединку...».

Принципиальность? Последовательное проведение определенных принципов? А может быть автор хотел сказать «дополнительную актуальность», или «пунктуальность», или употребить еще какое-нибудь столь же неопределенное в данном контексте, но зато столь же красивое слово? Впрочем, заметно необычайное пристрастие автора к иностранным словам. Например: «Товарищеский матч сборных Англии и Советского Союза, привлекший в среду на „Уэмбли" полную аудиторию...»; «Отлично ведет (!) свою режиссерскую миссию (!) Б. Чарльтон»; «Освободившись из-под пресса высокого темпа, наши активизировались...».

Кстати фраза о «дополнительной принципиальности» оканчивается так: «...и без всяких скидок должно было разрешить спор престижа...». Да и нормальным русским словам не везет. Например, С. Сальников пишет: «Игровое преимущество хозяев поля могло остаться и не выродиться (!) в гол, если бы не злополучное (!) скользкое поле, которое подвело»; «...попытки держать мяч были мимолетны и не получили развития...»; Б. Мур «...стал зачинателем комбинации...»; «...во всю мощь своего дарования заиграл Б. Чарльтон...» и т. д.

Об этой статье можно было бы и не писать, если б подобное стремление к красивости слога не было характерно и для многих других спортивных репортажей.

В. О.

НОВЫЕ СЛОВА

Океанавт, гидронавт, акванавт

18 октября 1965 года завершился первый в мире эксперимент по изучению возможности пребывания человека на большой глубине, проведенный французскими учеными. С этого времени газеты относительно регулярно публикуют сообщения об исследовании глубин океана. И здесь наметилась интересная параллель: «...Океан необъятен и в сущности еще не познан, как космос. Кстати сказать, в изучении космоса и океана наметился некий общий подход: стремление накопить возможно больше информации» («Известия», 16 февраля 1967). Можно с уверенностью предполагать, что этот факт самым непосредственным образом отразился и на языке. Названия в новой области науки появляются под влиянием и по типу ставших очень актуальными и получивших широкое распространение «космических» наименований.

В газетных публикациях, представляющих изложение пресс-конференции, устроенной французскими учеными, погружающимися на дно, первые исследователи подводного мира называются *океанавтами* (французское océanautes — см., например, «Юманите», 22 октября 1965). Ср.: «Океанавты выходят на землю» (заголовок. «Комсомольская правда», 30 октября 1965); «Шесть „океанавтов" должны были проводить физиологические исследования, состоящие из многочисленных тестов» (там же).

Название *океанавт* в русском языке оправдывалось и поддерживалось утверждающимися и входящими в язык словами с корнем *океан* (океанология, океанологический, океанологи, океанариум и др.). Однако очень скоро в языке прессы стали появляться семантические дублеты к этому слову — образования, возникшие на почве русского языка: *гидронавт* — «В „Бентосе" предусмотрена специальная шлюзовая камера — дверь в океан. Через нее гидронавты смогут отправляться в путешествие по дну» («Известия», 15 сентября 1966).

Гидронавт — для современного языка образование, несомненно, закономерное, так как элемент *гидро-* очень активен в словообразовательной системе. Новообразования с ним можно встретить и в текстах свободного содержания и в терминологическом употреблении. Поэтому, если бы нужно было предсказать возможное название для лица, проводящего исследование подводных глубин, то самым вероятным вариантом следовало бы считать форму *гидронавт*. Тем не менее почти одновременно появился другой семантический дублет к *океанавту* — новообразование *акванавт*, которое впервые стало употребляться в научно-популярных текстах. Ср.: «В распоряжении

ученых остался один-единственный газ — водород, на основе которого можно приготовить еще одну последнюю дыхательную смесь для акванавта» («Известия», 12 ноября 1966); «Так может быть выход в том чтобы наполнять легкие акванавтов живительным кислородом, растворяя его не в азоте и не в гелии, а в жидкости?» («Известия», 12 ноября 1966).

Появление этой формы в языке можно считать неожиданным, так как элемент *аква-* выделяется лишь в очень немногих словах (аквариум, акварель, аквамарин, акватория, акваланг, акватинта, акватипия и др.). Словообразовательный потенциал основы *аква-* кажется затухающим именно по той причине, что для очень широкого круга новообразований рассматриваемой семантической группы производящей основой оказался элемент *гидро-*. Естественно было бы ожидать, что форма *акванавт* выйдет из употребления и «освободит» место закономерной *гидронавт*. Однако произошло обратное. Название *гидронавт* в последующих публикациях почти не встречается, употребление же слова *акванавт* стало активизироваться. Ср.: «Акванавт у пульта управления» (заголовок. «Советская Россия», 28 марта 1967); «Воздух для акванавтов будет поступать с понтона, который поставлен на якорь в бухте» (там же).

В языке сегодняшнего дня *акванавт* «оттеснило» своих конкурентов и употребляется в качестве единственного обозначения людей, погружающихся в водные глубины для их исследования. В многочисленных газетных сообщениях о последних экспериментах, проводящихся в СССР, для называния самих исследователей употребляется только форма *акванавт*: «Собственно говоря, все, что делают сейчас акванавты,— очень смелый и даже рискованный эксперимент» («Комсомольская правда», 7 сентября 1967); «Громкоговорящую установку не отключали, и все мы, кто стоял возле пульта, слышали спокойный голос акванавтов» (там же); «К акванавтам меня пустили не сразу» («Комсомольская правда», 9 сентября 1967); «Пять часов среди акванавтов» (заголовок. «Правда», 16 сентября 1967); «Дом лишь несколько раз дернуло, да почему-то не ответил берег, когда, проснувшись, акванавты собрались сделать очередное сообщение о своем самочувствии» («Известия», 14 ноября 1967); «В конце августа прошлого года близ мыса Тарханкут в Крыму был опущен на дно Черного моря небольшой стальной дом. Любители-подводники, которые провели несколько суток в этом доме, названном „Ихтиандр-66“, будут гордо именоваться впредь первыми советскими акванавтами» («Юность», 1967, № 1); «Я обнаружил первых в мире женщин-акванавтов на территории пансионата „Изумруд“ близ умывальника» («Юность», 1967, № 12).

Примеры употребления в языке газеты слова *акванавт* могут быть значительно увеличены. Но все они, равно как и приведенные, свидетельствуют о свободном включении слова *акванавт* в тексты, представляющие широкие, неспециальные публикации.

Небезынтересно заметить, что новые обозначения появились несмотря на то, что в литературном языке существовали названия для людей, опускающихся под воду: *водолаз* и *подводник*. Появление в этом синонимическом ряду неологизмов не нарушило сложившейся семантической дифференцированности. Слово *водолаз* продолжает использоваться лишь для названия людей, выполняющих под водой какие-либо конкретные работы, практически

необходимые задания. Ср., например: «Первым пошел на дно водолаз С. Хомяков. Став на грунт, он начал медленно продвигаться вдоль стенки набережной. Нелегко найти водоприемную решетку — ведь приходится действовать почти в абсолютной темноте» («Вечерняя Москва», 30 января 1967). Слово *подводник*, кроме обозначения моряков, служащих на подводных лодках, употребляется и в значении, близком к названному выше: «Следует определить, нуждается ли мост в капитальном ремонте. В Чебоксары едут 7 человек, все опытные подводники» («Вечерняя Москва», 8 февраля 1967).

Новые слова *океанавт, гидронавт, акванавт* называют лишь людей, опускающихся под воду с исследовательскими целями.

Можно думать, что первое название *океанавт* не утвердилось в русском языке вследствие соотнесенности его значения со словом *океан*; «обозначающее» не соответствовало «обозначаемому» (все испытатели погружались на дно моря). Видимо, по этой же причине возникло и название от основы с более широким лексическим значением (гидро-, аква-). Любопытно отметить, что в последних публикациях пионеров в исследовании водных глубин — французов — тоже называют *акванавтами*. Ср.: «В доме, который акванавты назвали „Диогеном", два француза — Альбер Фалько и Клод Весли прожили семь дней» («Комсомольская правда», 9 сентября 1967).

В заключение можно сказать, что положение в языке слова *акванавт* значительно упрочилось с появлением от него новообразования *акванавтика* (по типу: космонавт — космонавтика), называющего зарождающуюся область науки, связанную с проникновением человека в водные глубины: «Сейчас важно проверить все идеи, которые обещают вывести акванавтику из тупика» («Известия», 12 ноября 1966).

Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
научный сотрудник
Института русского языка АН СССР

НАСЛЕДСТВО КЛАССИКОВ

Прочитав «Московский комсомолец» за 10 октября 1967 года, я подумал, что в редакции накануне состоялся примерно такой разговор: «Серо, серо вы пишете, товарищи! Пишите образно, метафорами, метонимиями, синекдохами.

— Уже писали так. Надоело.

— Используйте народную мудрость. Фольклор. Пословицы и поговорки.

— Уже использовали. Мудрили.

— А наследие классиков? А художественная литература?».

И тут все схватились за голову. Как же это они дали маху с классиками.

Не знаю было так или не было, но судите сами.

В статье «Сверяя по Ленину» пишут о скептицизме у некоторой части нашей молодежи: «Пожалуй, отсюда смутное недовольство, порой овладевающее юношей, обдумывающим житье».

Зачем здесь Маяковский? Не понимаю. Да у него и не о том юноше. Ну ладно. Индивидуальное применение крылатых слов.

Под этой статьей напечатана другая — «Товар совершенно особый», о том, как торгуют книгами. Там тоже Маяковский (разумеется, без ссылок, просто скрытая цитата, украшение собственного слога): «Книга, как поэтическая строка, которая должна войти в строфу органично; чуть „нажал" — и сломал». Что сломал? — Книгу?

Привлекают внимание знакомые слова: «Октябрь уж наступил...». Выразительное многоточие, абзац, а затем: «Заполняются последние клетки в турнирных таблицах чемпионата

Из истории слов

КЪNНГЪYНН — книгочей

В поэме Андрея Вознесенского «Лонжюмо» есть такие строки — о парижской улице Мари-Роз:

...здесь он жил — как предгрозье тихий,
вождь, волжанин и *книгочей*,
очень трудно его постигнуть,
не постигнуть — еще трудней...

Впервые поэма была напечатана в «Правде» (13 ноября 1963), а затем появилась на страницах журнала «Знамя» (1963, № 11), где это четверостишие выглядело уже иначе:

...здесь он жил, как предгрозье тихий,
вождь волжанин и *книгочий*,
очень трудно его постигнуть,
не постигнуть — еще трудней...

При чтении этих строк поражает нарушение рифмы: *книгочий* — и *трудней*? По свидетельству самого поэта, эта правка была произведена без его ведома. Можно предполагать, что причина замены — слепое следование рекомендациям «Орфографического словаря русского языка», в котором нет слова *книгочей*, а есть только *книгочий*. Так кто же прав: поэт, употребивший форму *книгочей*, или заменивший ее на *книгочий* правщик, за спиной которого стоит авторитет словаря?

столицы по регби». Ну и что? Действительно, 10 октября, октябрь, в самом деле, уж наступил. И так может сказать или написать каждый. Может, но он должен помнить, что читатель знает про стихи Пушкина.

А дальше замелькали заголовки: «Надежды юношей питают» (18 октября) — о плохой работе студенческих столовых; 21 октября — «От Москвы до самых до окраин», «Я вам не скажу за всю Одессу»; 24 октября — «Как и прежде в строю»; 26 октября — «Все музы в гости... в Киевский район»; 27 октября — «Научись на гармошке играть»; 3 ноября — «Из тьмы лесов, из топи блат» и «Из реки по имени факт» (на одной странице два очерка о развитии деревни Дединово); 5 ноября — «Ярче тысячи солнц»; 11 ноября — «Кидовец — звучит гордо», 18 ноября — «Руку, товарищ далекий...», 21 ноября — «Наукой мобилизованные и призванные» (о студенческой научной работе); 28 ноября — «О времени и о себе» (о водителях 2-го троллейбусного парка); 29 ноября — «Мы не дрогнем в бою», «Что Хожув киевлянам готовит» (спорт); 30 ноября — «Была без радости победа», и т. д. и т. д., причем мы выпускаем ряд названий, которые нам кажутся уместными.

И если уж вспоминать русскую литературу, то нельзя не посетовать: «Не говори красиво».

В. О.

Мы спрашивали самых разных людей: оказалось, что для них привычно в смысле 'любитель чтения' слово *книгочей*; *книгочий* они воспринимают как нечто устаревшее. Более того: выяснилось, что это слово большинством воспринимается как сложное, с соединительным гласным *-о-* и тем же вторым корнем, что и в глаголе *читать*. На это, например, указывает в своем письме читатель В. В. Котельников, подчеркивая, что *книгочей* означает 'тот, кто *читает* книги' (см.: «Русская речь», 1967, № 5, раздел «Почта „Русской речи“»). Надо сразу же развеять иллюзию: это новое переосмысление слова, основанное на народной этимологии и вызванное чисто внешним сходством слова *книгочей* с такими сложными существительными, как, например: *водолей*, *брадобрей*, *мукосей*, *суховей*, где во второй части — корни глаголов, иногда с чередованиями (ср. *лить*, *брить*, *сеять*, *веять*). Для глагола *читать* такое чередование в корне (чит-/чей) невозможно; в этом убеждают существующие сложные слова с корнем глагола *читать* во второй части — *звездочёт* (буквально: 'тот, кто читает по звездам'), диалектно-просторечное *книгочёт*, а также древнерусское *книгочетец*, отмеченное в «Подлиннике иконописном» XVI века.

Но будем основываться не на восприятии говорящих, а на конкретных фактах истории языка. Обратимся к судьбе слова *книгочий* — *книгочей*, испытавшего за долгое время своего существования множество своеобразных превращений.

1

Слово это, издавна известное древним памятникам в написании *кънигъчии*, было заимствовано древнерусским языком из старославянского, так же, как и само слово *книга* (старославянское *кънигъі*), от которого оно образовано. Оно употреблялось в древнейших славянских переводах церковных книг, часто в библейских и евангельских текстах, как перевод греческого слова grammatéus (образовано от другого греческого слова grámmata, означавшего 'письменность', 'чтение, умение читать и писать', 'письменное послание, рукопись'; вошло в древнерусский язык в форме *грамота*).

Основное значение слова *кънигъчии* в древних памятниках — 'знаток церковных книг, законоучитель, начетчик', вообще 'ученый человек'. «О горе вамъ, кънигъчиѧ и фарисеи, лицемѣри»,— читаем уже в древнейшем из восточнославянских памятников «Остромировом евангелии» 1056 года. В церковной и (реже) светской переводной литературе русского Средневековья это слово встречается также в значениях 'секретарь, письмоводитель' и 'летописец, историограф'.

Установлено, что слово *кънигы* и производное от него *кънигъчии* заимствованы старославянским языком из языка тюркского племени булгар, пришедших в VI—VII веках на Балканский полуостров и вступивших в контакт с южными славянами, которым они передали ряд тюркских слов. Таким путем эти слова попали в древнейшие переводы греческих церковных книг, созданные на южнославянской основе (язык этих переводов и называют старославянским). Предполагают, что слово, соответствующее *кънигъчии*, в булгарском имело ударный суффикс -či и звучало примерно как *küinigči (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Перевод с немецкого. М., 1966). Поскольку в этом слове было непривычное для славян сочетание согласных *-gč-* (-гч-), между ними появился краткий («редуцированный») гласный ъ: *кънигъчии*.

Присутствующий в слове *кънигъчии* суффикс -či (-чи́) — самый продуктивный общетюркский суффикс лица. Он не только выступает (в разных фонетических формах) во всех древних и новых тюркских языках, но и заимствован многими другими языками. Суффикс этот находим и в старославянском (ср.: кънигы — кънигъчии), он стал использоваться даже в новых образованиях, произведенных уже не от тюркских корней, например: *кръмъчии* — от *кръма* (современные *кормчий* и *корма*), *баньчии* 'банщик' — от *баня*. Эти и другие слова с суффиксом *-чии*, попав в древнерусский язык, стали в нем базой для целого ряда образований на *-чии* от русских основ, преимущественно глагольных: ср. древнерусское *зьдати* 'строить' — *зьдъчии*

современное *зодчий*), *ловити* — *ловъчии* (ловчий), *жечи*, *жъгу* 'жечь' — *жегъчии* 'истопник', *стряпать* 'прислуживать, улаживать дело' — *стряпчий* 'прислужник' (позднее 'ходатай по судебным делам') и др. С XIV века новые тюркские (татарские) заимствования оформлялись в русском языке в соответствии с действующими в эту эпоху фонетическими законами (о них см. ниже) уже иначе: казна — казначей, сурпа — сурначей, домра — домрачей и др.; от русского корня по этому типу (фактически с суффиксом *-ачей*) было образовано слово *трубачей* (см. об этом в статьях И. Г. Добродомова «Слова-путешественники» и «Еще раз о казначее, а также о трубачее».— «Русская речь», 1967, № 1 и 5).

Итак, тюркское по происхождению слово *кънигъчии* проникло в древнерусский язык уже к XI веку книжным путем из старославянского. В памятниках оно употреблялось в двух вариантах: *кънигъчии* и *кънигъчиꙗ*. Такая двойственность вызвана тем, что слово могло быть приспособлено к разным типам славянского склонения. Подобные колебания мы находим в древности у ряда других слов, например, древнерусские *соудии* и *соудиꙗ* (современное *судья*), имя *Еремий* (Еремей) и *Иеремия* и др.

Ударение в слове *кънигъчии* падало на предпоследний слог в соответствии с ударением тюркского источника на суффиксе *-чи́*. До XII века это слово произносилось примерно так: *кънигъчи́ьь* (ъ и ь — особые краткие, «редуцированные» гласные, первый из которых был близок в произношении к очень краткому *ы*, а второй напоминал краткое *и*; *j* — согласный звук «йот»). Вариантная форма именительного и форма родительного падежей от *кънигъчии* звучали так: кънигъчи́ьа (на письме — кънигъчиꙗ).

В XI—XII веках в древнерусском, как и в других славянских языках, проходил звуковой процесс, известный под названием «падения редуцированных». Краткие гласные исчезли. В одних позициях в слове (так называемое «слабое положение») они выпали совсем, в других («сильное положение») переходили в обычные гласные (так называемого «полного образования»): редуцированный гласный ъ перешел в *о*, а гласный ь — в *е*. Но в позиции перед звуком *j* изменение этих гласных в сильном положении было отличным от общего правила: ъ и ь в древнерусском языке (как и в старославянском) сначала изменились соответственно в обычные гласные *ы*, *и* и лишь затем — не раньше второй половины XIV века и только в русском языке — преобразовались соответственно в *о*, *е*.

Если выделить редуцированный гласный в сильном положении полужирным шрифтом, а в слабом положении — скобками, то можно видеть, что в форме *к(ъ)ниг(ъ)ч***ьь***j(ь)*, сильные и слабые редуцированные распределены иначе, чем в форме *к(ъ)нигъч(о́)ꙗ*, где на конце был гласный полного образования. Поэтому в результате падения редуцированных форма *кънигъчи́ьь* уже в XII веке стала призноситься (передадим это средствами современного алфавита), как *книгчи́й*, а формы косвенных падежей изменились так: в родительном — кънигъчи́ьа → книго́чья, в дательном — кънигъчи́ьу → книго́чью и т. п.; ударение в этих формах принял на себя гласный, предшествующий редуцированному ь (который хотя и был ударным, но, находясь в слабом положении, выпал).

В дальнейшем, однако, вступила в силу другая тенденция, уже не фонетическая, а скорее морфологическая,— стремление к унификации (единообразию) основы; благодаря этому звучание различных форм одного слова сближалось. Отсюда наряду с формой именительного падежа *книгчи́й* под воздействием косвенных падежей возникло *книго́чий* и — с сохранением исконного ударения — *книгочи́й*. Последнее, очевидно, уже в XIV веке превратилось в живом, разговорном русском языке в *книгоче́й*. К этой форме мы еще вернемся, а сейчас только отметим, что в памятниках письменности она совсем не встречается. Это и неудивительно: слово, проникшее в русский язык с церковными книгами, сохраняло окраску церковной книжности и употреблялось по-прежнему главным образом в текстах религиозного содержания; поэтому переписчики книг долго еще, вплоть до XVI—XVII веков, продолжали писать его по-старому — *книгъчии*, *книгчии* или *книгочии*, а в произношении, несомненно, сохраняли более близкие к старославянской формы

книгóчий и *кни́гчий*. При этом ударение перешло на предпоследний слог не только в форме *книгóчий*, но и *кни́гчий*. Такое ударение находим, например, в «Хронике Иоанна Малалы» (переводный памятник XIII века в списке XV века), где проставлены ударения: «Си́ премоу́дрии списа Римлѧньскы кни́гчии Сервіи» (Это записал премудрый римский книжник [историограф] Сервий); то же написание — в «Измарагде» по списку первой половины XVI века.

Показательно, что для русской церковно-книжной традиции вообще характерно противопоставление церковного произношения некоторых слов на *-ий* с ударением не на последнем слоге обиходному (светскому) произношению тех же слов на *-ей* с конечным ударением. Ср. хотя бы такие личные имена, как *Алексе́й*, *Серге́й*, *Федосе́й*, и их церковно-книжные варианты *Але́ксий*, *Се́ргий*, *Феодóсий*, или церковнославянские формы *вра́бий*, *сла́вий* рядом с соответствующими русскими *воробе́й*, *соловéй*. Вот в русле этой книжной традиции и закрепилось слово *книгóчий* — *кни́гчий* в своей более архаичной форме и с ударением не на конце. Зато такие слова, как *казначе́й*, *домраче́й* и др., которые проникли в язык не через церковные книги и не имели церковно-книжного оттенка, употреблялись только в русском произношении на *-е́й*.

Из двух церковно-книжных вариантов *книгóчий* — *кни́гчий*, встречающихся в памятниках, второй употреблялся все реже и, по-видимому, со временем был совсем вытеснен. В памятниках с XVII века и во всех словарях русского языка XVII—XIX веков это слово уже последовательно фиксируется только как *книгочий*, в словарях — с ударением только на *о*. Древняя вариантная форма этого слова, относящаяся к другому типу склонения,— *книгочиа* в именительном падеже — утратилась еще раньше, в XIV—XV веках (к тому времени она перестает встречаться в памятниках).

2

В русском литературном языке нового времени (XVIII—XIX века) слово *книгóчий* употреблялось в трех различных значениях:

1 'Письмоводитель, писец, секретарь или архивариус'. Это одно из древнейших значений, идущее от церковных книг, отмечалось уже в «Лексиконе славянороссском» Памвы Берынды (1627), а затем в «Словаре Академии Российской» (1789—1794) с примером из библии. То же значение ('письмовод') фиксируется как церковное и в Словаре В. Даля, а Е. И. Аркадьев в «Словаре библиофила» (М., 1890) отмечает: «*Книгóчий* — в древности так назывался приказный человек, находящийся при письменных делах, сведущий в письме и чтении».

В XIX — начале XX века это значение, несомненно, уже очень устарело. «Словарь русского языка, составленный II Отделением Академии наук» (СПб., 1910) иллюстрирует его только цитатами из «Книги бытия моего» археолога XIX века, епископа Порфирия Успенского (вроде: «Молодой князь Петр Трубецкой, книгочий нашего посольства в Константинополе»).

2. 'Ученый человек, знаток книг, книжник' — значение, также восходящее к старославянскому. Оно фиксируется Словарем Даля как церковное. «Словарь русского языка, составленный II Отделением АН», в качестве примера на это значение приводит заглавие стихотворения поэта середины XIX века П. Ф. Щербины, окрашенное изрядной долей иронии по отношению к «ученым мужам»: «Напутственное послание к некоему бессребреннику и московскому книгочию, старцу***, отправляющемуся на казенный счет изучать монголов на месте». Синоним слова *книгóчий* в этом значении — *книжник*.

3. 'Любитель чтения книг' — значение, развившееся на русской почве из предыдущего. Впервые оно отмечено также в Словаре В. Даля ('любитель чтения, много читающий'), однако его можно встретить уже в литературе конца XVIII века. Например, поэт И. Ф. Богданович в сборнике «Русские пословицы» (1785) приводит такое стихотворное изречение:

За разум хватился книгóчий Памфил,
Распродавши-де книги, да карты купил.

А Василий Березайский, автор очень занятной книжки «Анекдоты древних пошехонцев» (СПб., 1798), в предисловии, озаглавленном по моде того времени «Любовед к Словохоту», пишет: «Я хочу, собрав несколько сего рода повестей, выдать оные в свет сперва небольшою книжкою для увеселения читателей... Ибо я надеюсь ею сделать угождение всем книгочиям». Здесь особенно очевидно, что речь идет просто о любителях занимательного чтения.

Синонимом слова *книгочий* в этом отнюдь не религиозном значении было *книгочёт*, отмеченное как «простонародное» в «Общем церковно-славяно-российском словаре, составленном П. Соколовым» (СПб., 1834), а в «Словаре библиофила» Е. И. Аркадьева снабженное толкованием: «Простонародное название любителя читать книги».

В литературном языке XIX века слово *книгóчий* во всех значениях было малоупотребительным и носило оттенок книжности, архаичности. Об этом косвенно свидетельствует почти полное отсутствие его у писателей-классиков XIX века и крайне скудная, без иллюстраций, разработка в Словаре Даля. В начале XX века это церковно-книжное слово было совершенно вытеснено из употребления собственно русским по форме и частично совпавшим с ним по значению словом *книгочéй*, пришедшим в литературный язык из народно-разговорных источников.

3

Впервые слово *книгочéй* встречается в художественной литературе у П. И. Мельникова-Печерского (1875): [Патап Максимыч:]« — Ты ведь, слыхал я, грамотей, книгочей. — Читаем помаленьку, — молвил Алексей»; [Мать Платонида:] «Знаю я Якимку. Экой вор какой!.. А еще все о божественном — книгочей» («В лесах»). Мельников-Печерский был еще и крупным этнографом, знатоком быта старообрядцев-керженцев, сохранивших старинные обычаи и особенности языка. В его романах отразился живой говор крестьян-староверов Заволжья. Известный языковед Евгений Будде в статье «Сочинения П. И. Мельникова (Андрея Печерского), как лексический материал русского литературного языка» писал, что диалектные слова, приведенные в романах Мельникова, «могли бы во многих отношениях пополнить знаменитый Словарь Даля и содействовать определению взаимоотношений русских говоров по данным ударения и лексики» («Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 226). Приводя небольшой список слов из произведений Мельникова, Будде впервые обратил внимание на слово *книгочéй* с оригинальным ударением и сопоставил его с древнерусским *кънигъчии* (там же, стр. 227).

Следовательно, русские крестьянские говоры, прежде всего староверческие, были той средой, которая сохранила архаичное слово *книгочéй* в его живом природно-русском фонетическом облике, ни разу не отмеченном ни в памятниках письменности, ни в словарях. Основное значение этого слова — ‘любитель чтения, грамотей’ — развилось (что естественно для грамотеев из народа, а для старообрядцев в особенности) из ‘знаток церковных книг’ и совпало с третьим, наиболее «светским» значением *книгóчий* ‘любитель чтения’.

Вслед за статьей Будде слово *книгочéй* было зафиксировано с пометой «областное» и с примером из Мельникова-Печерского в «Словаре русского языка, составленном II Отделением АН» и с пометой «диалектное» в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского (М., 1914).

К этому времени (начало XX века) *книгочей* ‘любитель чтения, грамотей’, иногда с оттенком ‘знаток церковных книг’, уже употреблялось в художественной литературе такими ценителями народного языка, как В. Г. Короленко и М. Горький. Например: «Говорят: книгочей был. Умирал, все наказывал детям: главное дело за грамоту держитеся крепче» (Короленко. Последний луч); «Эх, Матвей, хорош ты был дитя! А стал книгочей, богоед...» (Горький. Исповедь); «Старшой — певчий хороший — был сумасброд, книгочей» (Горький. Нилушка); «Мне говорили: — Эх, ты, книгочей! Ты за что деньги получаешь?» (Горький. В людях).

В советскую эпоху слово *книгочей* завоевывает себе прочное место на страницах художественной литературы. Этот облик оно сохраняет даже в исторических романах, употребляясь в старом церковном значении, например: «Стали звать и опрашивать всех монахов... Один из всех не явился: книгочей, справщик книг диакон Таисий» (Чапыгин. Гулящие люди); «Дмитрий не любит книжников... Он жалеет время на книги и на молитвы и книгочеев гнушается» (Бородин. Дмитрий Донской).

В наши дни слово *книгочей* в значении ‘любитель чтения книг’ широко употребляется в прозе, поэзии, публицистике. Вот несколько примеров: «Несмотря на разницу в годах, они [Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц] сдружились за несколько дней: оба они были страстные книгочеи» (Фадеев. Молодая гвардия), «Много дней, Много длинных ночей Прожил я — Книголюб, книгочей...» (Темин. Да и нет); «Петр Репин? Милейший человек! Какой эрудит! Будущий Спиноза! Стащил несколько сот книг? Так он же книголюб. Книгочей! Книгоман!» («Вечерняя Москва», 21 октября 1963); «Детство журчало, как ручей, Меж невысоких холмиков книг, А я, начетчик и книгочей, По-своему разбирался в них» (Слуцкий. Польза спорта); «Очень интересно,— заговорил опять городской книгочей.— Вот ведь какое дело! И как же вы ее приготовили, рябину?» (Яшин. Угощаю рябиной) и др.

В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в однотомном Словаре С. И. Ожегова это слово отсутствует (результат влияния пометы «областное» в «Словаре» II Отделения АН?), но в обоих академических словарях — семнадцатитомном и четырехтомном — *книгочéй* (и только *книгочéй*, а не *книгóчий*) фиксируется в значении ‘любитель чтения, книжник’ с примерами из Мельникова-Печерского и Фадеева. Правда, стóит поспорить с пометой «устаревшее», данной в обоих словарях. Как показывают хотя бы приведенные здесь примеры, слово это ныне завоевало большую популярность в различных литературных жанрах. Можно было бы согласиться с пометой «книжно-литературное», но никак не «устаревшее». Синонимы слова *книгочей* в современном языке — *книжник* ‘любитель и знаток книг’, *книголюб* и *библиофил* (с оттенком значения ‘собиратель книг’, которого нет у слова *книгочей*).

Итак, *книгочéй* — единственная в наше время живая и употребительная форма этого слова. Вариант *книгóчий*, вышедший из употребления уже в начале XX века, казалось, ныне прочно забыт, если бы... если б не попавший в «Орфографический словарь русского языка» в 1956 году и механически повторенный во всех его изданиях (вплоть до 6-го, 1965) *книгочúй*, этот незаконнорожденный гибрид современной формы *книгочéй* и старой *книгóчий*. И ошибка «Орфографического словаря» стимулирует на страницах газет и журналов чуждое современному русскому языку употребление. Например: «В округе он считался книгочием» («Октябрь», 1964, № 2); «Видимо, гитлеровские главари не принадлежали к числу книгочиев» («Звезда», 1964, «№ 2); «Пивоваров один из лучших учеников, книгочий, перечитал все книги в школьной библиотеке» («Москва», 1964, № 5); и даже «Клуб заядлых книгочиев» — постоянная рубрика «Комсомольской правды» в 1966 году. А в научно-фантастической повести А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (М., 1966), в которой это слово встречается весьма часто, можно увидеть оба написания: и *книгочей* и *книгочий*.

И пока не будет исправлена ошибка в «Орфографическом словаре», будут возможны и превращения, подобные происшедшему со строкой Андрея Вознесенского в журнале «Знамя».

Закончив эту статью, мы обнаружили в сборнике «День поэзии. 1967», в переводе стихотворения М. Турсун-заде «На книжном базаре», строки:

Вослед книголюбу входил *книгочий*,
И думал поэт, не сводя с них *очей*...

Кандидат филологических наук
В. В. ЛОПАТИН.

Научный сотрудник Института русского языка АН СССР
Б. С. ШВАРЦКОПФ

СТАРИННЫЙ РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Март

(Окончание. Начало см. на стр. 2)

Почему же месяц усиленного таяния снега, первых весенних дождей и начинающегося половодья получил такое странное название? Можно думать, что оно дано было марту в северных областях Руси, где в это время деревья стояли еще сухими после сильных зимних морозов, а пора движения соков наступала позже. Интересно, что в более мягкой по своим природным условиям Белоруссии этот же месяц получил прямо противоположное наименование *сакавік*, т. е. *соковйк* (белорусская орфография передает на письме акающий характер произношения).

Встречавшееся только в древнерусском языке название марта *сухой* скоро вышло из употребления.

В «Словаре на шести языках» (1763) Г. А. Полетика наряду с современным именем *март* приводит другое старинное название *березозоль*. Его знал еще древнерусский язык, но в качестве наименования следующего месяца — апреля. Вероятно, первоначальное значение слова *березозоль*, *березозол*, *брезозол* и т. п. было ‘апрель’, а буквально оно значило ‘зелень берез’. В первой части этого сложного существительного представлен корень слова *береза*, а во второй части тот же корень, что и в словах *зелень*, *зеленый* (-зел-), но с чередованием гласного *е/о*: (зол-)(ср.: нести — носить, везти — возить и т. п.). С корнем *берез(а)* связано наименование марта и в других славянских языках. Это прежде всего украинское *березень* с многочисленными устаревшими и диалектными вариантами, которые, правда, во многих случаях обнаруживают связь с древнерусским *березозоль* лучше, чем современная литературная форма *березень*. Так, украинскому языку известна форма *березозіл* (березозол),а также формы *березіл* и *березол* с выпадением одного из двух одинаковых слогов *-зо-* (явление, которое называется в лингвистике гаплологией). Характерно, что эти украинские наименования также могли иногда относиться к апрелю (см.: М. Кочерган.— «Мовознавство», 1967, № 1). Сюда же относится и чешское название марта březen.

Итак, наименование *березозол* в древнерусском языке и позже относилось то к марту, то к апрелю. В целях ликвидации такой путаницы в качестве наименования марта стали употреблять составное название *березозол сухой* (см. Словарь В. И. Даля под словом *месяц*). В этом сочетании объединились сразу два старинных названия марта.

Известны для марта также народные названия *свистун* и *пролётье*. Последнее слово заслуживает особого внимания. В. И. Даль приводит его с очень широким и неопределенным толкованием ‘перволетье, весна, начало лета, июнь, пора до петрова-дни’, хотя под словом *месяц* существительное *пролётье* у него приводится как народное наименование марта. Колебания в значении слова связаны с тем, что в *пролетье* скрывается старинное славянское название весны, которое сохранилось до сих пор, например, в сербскохорватском языке: прòлеће. Известный писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский) в романе «На горах» приписывает слову *пролетье* еще более конкретное значение: «1 марта празднуют преподобной мученицы Евдокии. В народе тот день зовут „пролетьем“, „Евдокией — плющихой“ (потому что снег тогда настом плющат). Говорят еще в народе, что Евдокия весну снаряжает». Неустойчивость значения у почти забытого русского слова *пролётье* связана, вероятно, с выпадением слова из активного словаря.

Интересно отметить верхнелужицкое название марта nalětnik, в котором также содержится корень *лето* общеславянского распространения. Приставочная часть слова *пролётье* совпадает с приставкой старинного названия января *просинец*.

В 1855 году в «Вологодских губернских ведомостях» некий П. К-въ опубликовал статью «Старинные русские и пермские названия месяцев», где он приводит эти термины из рукописи начала XVII века. Для марта здесь дается русское наименование *вороной*, которое с точки зрения внутренней структуры точно соответствует старинным пермским наименованиям. Древнекомизырянское название марта *рака* буквально значит 'ворона'; по-удмуртски март назывался *куака толэзь* буквально 'месяц вороны' (см.: А. С. Сидоров, В. И. Лыткин.— «Советское финно-угроведение», 1966, № 2). Так как наименование *вороной* в других памятниках письменности неизвестно, то можно полагать, что оно имело узкое территориальное распространение в местах русско-пермских языковых контактов и возникло под влиянием пермских языков. П. К-въ объясняет это название следующим образом: «Действительно, к нам на север прилетают в этом месяце многие птицы из отряда воробьиных, в том числе и ворона. Прилет их более заметен в 9 число марта, день, которым начинается весна и в который бывает память 40 мученикам. Основываясь на этом, многие хозяйки из простонародья пекут в этот день из ржаного теста жаворонков, числом непременно не более, не менее 40».

Писательница Г. Николаева в книге «Наш сад» снабжает название марта эпитетами *капельник* и *протальник*. *Ка́пе́льником* в русском языке называется ледяная сосулька, образующаяся во время капели у стрехи (Даль). Этим прозвищем русский народ наградил и двух святых: Василия исповедника и Василия священномученика, память которых празднуется 28 февраля и 7 марта, т. е. в самое время первой весенней капели. Точно так же святой Евдокии, память которой отмечалась церковью 1 марта, было дано, кроме прозваний *Плющиха* и *Подмочи-порог*, прозвание *Капельница*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что весь месяц март получил эпитет *капельник*.

Эпитет *протальник* тоже объясняется просто: именно март обилен первыми проталинами, которые постепенно съедают весь снеговой покров, Правда, образовано слово не от существительного *проталина*, *проталинка*. а от более старой формы *про́таль*, которая, по словарю В. И. Даля, кроме значения 'плешина среди снегу, прогалина, солнопек, местечко, где снег стаял', могло также иметь и другое значение 'оттепель, зимний день без морозу'. Следовательно, *протальник* — это месяц постоянных оттепелей и первых проталин.

Апрель

Знаменитый римский поэт Овидий связывал латинское aprilis с глаголом aperire 'открывать', ибо весна omnia aperit (все открывает). Другая этимология возводит латинское наименование апреля к прилагательному apricus 'согреваемый солнцем, солнечный, теплый, любящий солнце, ясный'. Но и оно все-таки является однокоренным словом с глаголом aperire 'открывать'. Хотя в конечном счете в обеих гипотезах корень aprilis и оказывается одним, обе этимологии по-разному вскрывают внутреннюю форму, внутренний образ латинского слова. В византийско-греческом языке это слово стало звучать и писаться ἀπρίλις и ἀπρίλιος. Отсюда древнерусская форма *априль*, известная уже в памятниках XI века. Например, в знаменитом Изборнике Святослава 1073 года об этом месяце говорится: «Априль оть клинъ ξанѳикъ ся именоукть и тожде начало оба имата» (Апрель древними греками называется ксантик и оба [эти месяца] имеют одно начало). Здесь упомянуто название месяца Ξα. θικός по древнему македонскому календарю, который соответствовал римскому aprilis.

Древнерусский вариант этого наименования *априль* был единственным до XV века, когда появляется близкая к современной форма *апрѣ́ль* с *ѣ* под ударением. Впрочем, форма *априль* держалась в русском языке довольно долго: именно ее отмечал еще в 1763 году Г. А Полетика в своем «Словаре на шести языках».

Академик А. И. Соболевский считал, что замена исконного *и* в слове *апрель* на *е* (ѣ) перед мягким *л* связана с особенностями древних северновеликорусских говоров. Во многих наших северных говорах, например, новгородских, звук *е* (э) под ударением перед мягкими согласными заменяется звуком *и*. Например, произносят *двирь* вместо *дверь*, *щиль* вместо *щель*, *либедь* вместо *лебедь*, *динь* вместо *день* и т. п. Это приводило к путанице букв *и* и *е* (ѣ) в северновеликорусских памятниках. В некоторых случаях псковские, новгородские и вообще северновеликорусские памятники письменности начиная с XIV столетия имеют также случаи написания *е* (ѣ) там, где первоначально было *и*, например *сѣла* вместо *сила*. «Так как рукописи новгородского происхождения в XIII—XIV веках обращались в средней России и здесь переписывались, то 1) *и* на месте *е* и 2) *ѣ* и *е* на месте *и*, явившиеся графически (то есть только на письме, но не в произношении.— *И. Д.*) в некоторых ненародных словах, перешли в памятники среднерусские вообще и московские в частности и вместе — в среднерусское произношение этих слов. Коломенская Палея 1406 года имеет: *апрѣль*..., *кумѣръ*.. и др.» (А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907).

Устойчивое употребление в рукописях ошибочного написания слова *апрѣль*, первоначально мало знакомого, постепенно вызвало и ошибочное, незакономерное его прочтение, вошедшее с течением времени во всеобщее употребление. Таким образом, с точки зрения исторической, название *апрель* заключает в себе орфографическую ошибку, которую сейчас уже, согласно старой русской народной пословице,«не вырубишь топором», более того, о ней почти никто сейчас и не подозревает.

Уже в преобразованном виде название *апрель* стало связываться по народной этимологии с исконным русским глаголом *преть*. Благодаря такому внешнему созвучию в народе родилась пословица: «В апреле земля преет».

Древним дохристианским названием апреля на Руси было существительное *березозолъ*. Оно встречается еще в Четвероевангелии 1144 года. Ср. употребление этого слова в одной из рукописей Толкования бытия: «Березозола бо въ. к҃. тыи единь день настаеть весна» (В 21-й день березозола настает весна). Памятники древнерусской письменности знают также церковнославянский вариант слова — *брѣзозолъ*.

В книге «Обиход церковный» XIII века название *брѣзозолъ* приводится в фонетически измененном виде — *брѣзозоръ*. Здесь звук *р* в начале слова уподобил себе согласный *л* в конце слова. Такое уподобление звуков лингвисты называют ассимиляцией. Полногласное сочетание *-ере-* в слове *березозолъ* точно соответствует старославянскому неполногласному сочетанию *-рѣ-*, которое потом изменялось в *-ре-*.

Старинное славянское название апреля до сих пор сохранилось в украинском языке (*березень* — форма с полногласием), в чешском (březen) и хорватском (И. И. Срезневский приводит форму brezen). Правда, все эти слова сейчас относятся к марту, а не к апрелю, однако, как уже указывалось, и русскому языку не было чуждо употребление наименования *березозоль* по отношению к марту. Знал такое колебание в значении и украинский язык в XIX веке, причем употребление термина *березень* в качестве названия апреля тесно связано со значением соответствующего слова в древнерусском языке и восходит к седой старине, а не к сравнительно недавнему времени, как думают некоторые ученые (см. указ. заметку в журнале «Мовознавство»).

Происхождение существительного *березозолъ* объяснено выше под словом *март*. Это объяснение подтверждается старинным болгарским наименованием апреля *брѣзосокъ*. Именно после движения соков ожившие весной березы начинают зеленеть. Что касается возможной связи второй части названия *березозолъ* с существительным *зола*, то такое объяснение имеет долю правдоподобности, ибо срубленные для подсечного земледелия в «сухом» — марте березы удобнее всего было сжигать в *березозоле* — апреле. Впрочем, здесь могла сказаться и народная этимология. Название *березень* — *брѣзень*, вероятно, связано с употреблением в этом месяце березового сока и значило буквально ‘*месяц березового сока*’.

Оригинальное объяснение чешского слова březen ‘март’— как месяц окота

мелких сельскохозяйственных животных предложил чешский этимолог В. Махек: от слова březí 'котный, беременный'. Ср. русское диалектное слово *бережий* с тем же значением (см.: V. Machek. Slovník etymologický jazyka českého a slovenského. Praha, 1957). В таком случае возможно, что общеславянское наименование *березень* — *брезень* связано не только с земледельческим, но и с животноводческим народным календарем. Впрочем, чешское название апреля duben (от названия дуба) заставляет думать, что в названии *березень* также заключается название дерева — *березы*. Кроме того, у восточных славян в слове *березень* вместо *з* следовало бы ожидать *ж*.

Уже неоднократно упоминавшийся словарь Г. А. Полетики приводит для апреля другое название, в более ранних источниках не отмечаемое — цвѣтень. В. И. Даль отмечает и другой вариант этого слова *квѣтень* (под словом *апрель*). Однако существительное *цвѣтень* получает у В. И. Даля колеблющееся объяснение: *цвѣтень* — 'стар(инное) — месяц май; по иным — апрель березозоль'. Точное соответствие русским названиям дает украинский язык— квітень (литературный вариант) и цвітень (в диалектах). Вариант *кветень* с начальным *к* отражает влияние польского языка, где для апреля употребляется наименование kwiecień с начальным согласным *к*. Начальный звук *к* в словах, родственных слову *цветок*, у западных славян соответствует звуку *ц* в языках восточных и южных славян: ср. польское kwiat, чешское květ, словацкое kvet, а русское *цвет*(*ок*). В чешском языке наименование květen относится уже к маю. К маю же относится и поэтическое сербскохорватское существительное *цвѣтань*. В качестве неофициальных, народных названий месяцев известны слова этого корня в болгарском — *цветник*, словенском — *cvêten*, белорусском — диалектное *квецень*. Этимология этих названий ясна и прозрачна: апрель (или соответственно май) свое имя получил за первые весенние цветы. Первые цветы имели особенно важное значение для древних пчеловодов. Большое количество цветов послужило признаком и для белорусского названия апреля — *красавік* (ср.: красивый, красавец, красавица).

П. К-въ выписал из рукописи начала XVII века старинное русское наименование апреля — *переголъ* с пояснением «*сиречь землю сушит*», т. е. землю сушит. Он же сам и дал этимологическое объяснение приведенного слова, сопоставив его с коми-зырянским названием: «*Переголъ* от слова *голить*; в этом месяце снег начинает таять и земля как будто оголяется, скидывая с себя снежное одеяло... Пояснение к слову *переголъ* (сиречь землю сушитъ) очень хорошо подходит к пермскому названию апреля *косму*, которое состоит из слов *кос* 'сухой' и *му* 'земля' и буквально значит 'сухая земля'». Можно думать, что здесь мы имеем дело с северновеликорусским диалектным названием апреля.

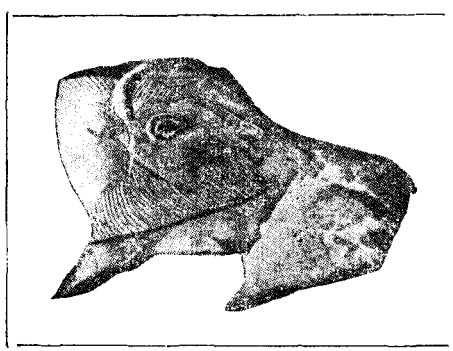
Известно также народное название апреля — *заиграй овражки*, приведенное в словаре В. И. Даля под словом *месяц*. Здесь обращено внимание на характерное для апреля природное явление — усиленное таяние снегов и говорливые, поющие ручьи по оврагам. Впрочем, это наименование могло относиться и к самой середине апреля: 16 апреля отмечался день памяти святой Ирины, которая в народном месяцеслове получила игривые прозвища: *Заиграй овражки*, *Разрой берега*, *Урви берега*, *Размой берега*; она же *Рассадница*.

Этой заметкой я заканчиваю цикл своих разысканий о русских старинных и народных наименованиях месяцев. В ходе работы над заметками (они все напечатаны в журнале «Русская речь», 1967, № 3—6, 1968, № 1—2) обнаружен целый ряд малоизвестных названий, которые не удалось использовать своевременно в опубликованных заметках. Упомяну только образное имя мая — *листопук*, отмеченное в череповецких говорах (*листья пукаются*, то есть распускаются), иронические наименования июня — *голодай* и *ау* (кончаются зимние припасы, а до новых овощей еще далеко), а также старинное название сентября — *хмурень*.

Буду признателен читателям, которые сообщат мне свои замечания или дополнения к опубликованным заметкам о названиях месяцев или их частей в старом русском литературном языке или в русских говорах.

Кандидат филологических наук
И. Г. ДОБРОДОМОВ

ДРЕВНИЕ КОРНИ



и ДРЕВНИЕ ЛЮДИ

В шестом номере журнала за 1967 год вы читали статью «В поисках далекого родства». Как вы помните, там шла речь о происхождении индоевропейской языковой семьи, о ее древнем родстве с языками Азии и северной половины Африки: с уральскими (финно-угорскими и самодийскими), с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, с картвельскими языками Грузии, с семито-хамитской языковой семьей (семитские языки в Азии, египетский, берберские, кушитские и чадские в Африке), с дравидийскими языками Индии и с некоторыми другими языковыми семьями. Доказательство этого родства содержится в работах замечательного советского языковеда В. М. Иллич-Свитыча. Одна из его фундаментальных работ — «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков» — недавно вышла в сборнике «Этимология. 1965» (М., 1967).

Читая статью «В поисках далекого родства», вы познакомились со звуковыми соответствиями между индоевропейскими, уральскими, семито-хамитскими и другими борейскими (ностратиче-

Таблица 1

Важнейшие звуковые соответствия в индоевропейских языках

Индоевропейский	Древнеиндийский	Русский	Греческий	Латынь	Английский	Немецкий
*p	p	п	π	p	f	f
*b	b	б	β	b	p	f
*bh	bh	б	φ	f	b	b
*t	t	т	τ	t	th	d
*d	d	д	δ	d	t	z, ss
*dh	dh	д	ϑ	f	d	t
*k	k, c (ч)	к, ч	κ	c	h	h
*g	g, j (дж)	г, ж	γ	g	k	k
*gh	gh, h	г, ж	χ	h	g	g
*k̂ (кь)	ś (щ)	с	κ	c	h	h
*ĝ (гь)	j (дж)	з	γ	g	k	k
*ĝh (гhь)	h	з	χ	h	g	g
*k^w	k, c (ч)	к, ч	π, τ	qu	wh	w
*g^w	g, j (дж)	г, ж	β, δ	v	qu	qu
*g^wh	gh, h	г, ж	φ, ϑ	f	w	w
*s	s, š	с, х, ш	ς,—, ς	s,-r-	s, _r_	sch, s-, -r-
*i (й)	y (й)	й	ς,—, ζ	j	y, —	j, —
*û	v	в	—	v	w	w
*r̂	r	р	ρ	r	r	r
*l	r, l	л	λ	l	l	l
*m	m	м	μ	m	m	m
*n	n	н	ν	n	n	n
					Готский	
*a	a	о	α	a	a	
*e	a	е, ё	ε	e	e, i	
*o	a, ā	о	o	o	a	
*ə	i	о	α	a	a	

скими) языками. Мы с вами проследили также историю нескольких борейских корней.

Однако любопытные читатели оказались неудовлетворенными. Посыпались вопросы — и устные и письменные. Они сводились в основном к четырем: 1. Не могут ли борейские корни сообщить что-либо о жизни и культуре носителей этого древнего языка-предка? 2. Где существовала борейская языковая общность? Где говорили на этом языке-предке? 3. Когда существовала эта общность? 4. Что за грамматика была у борейского языка?

Поспешим разочаровать читателя: на эти вопросы дать исчерпывающий ответ пока невозможно. Многое еще науке неизвестно. Единственное, что можно сделать — это сообщить кое-какие факты и высказать кое-какие предварительные предположения.

Таблица 2

Важнейшие соответствия согласных в борейских языках

Борейский		Индоевропейский	Уральский: в начале слова	Уральский: между гласными	Тюркский	Монгольский	Тунгусо-манчжурский	Дравидийский	Картвельский	Семито-хамитский
					(В начале слова)					
	*ṭ	*t	*t	*tt	*t	*t	*t	*t	*ṭ	*ṭ, *t
	*t	*d	*t	*t	*d	*d	*d	*t	*t	*t
	*d	*dh	*t	*δ	*j	*d	*d	*t	*d	*d
	*p	*p	*p	*pp	—	*f	*p	*p	*p	*p., *p
	*p	*p. *b	*p	*p	—, *b	*f, *b	*p, *b	*p	*p	*p, *b
	*b	*bh	*p	*w	*b	*b	*b	*p	*b	*b
Перед *ä, *e, *i	*ḳ	*k̂	*k	*kk	*k	*k	*x	*k	*ḳ	*ḳ, *k
	*k	*ĝ	*k	*k	*k	*k	*k	*k	*k	*k
	*g	*ĝh	*k	*γ	*k	*g	*g	*k	*g	*g
Перед *a	*ḳ	*k	*k	*kk	*q	*q	*x	*k	*ḳ	*ḳ, *k
	*k	*g	*k	*k	*q	*q	*k	*k	*k	*k
	*g	*gh	*k	*γ	*q	*ϑ	*g	*k	*g	*g
Перед *o, *u	*ḳ	*k^w	*k	*kk	*q	*q	*x	*k	*ḳw	*ḳ^w, *k^w
	*k	*g^w	*k	*k	*q	*q	*k	*k	*kw	*k^w
	*g	*g^wh	*k	*γ	*q	*ϑ	*g	*k	*gw	*g^w
	*q	*k̂, *k̆, *k^w	*k	?	*q, k	*q, *k	*x	*k	*q, *qw	*ḳ, *ḳ^w
	*q	*ĥ, *h, *h^w	—	*γ	—	—	—	—	*q, *qw	сем. *ḫ
	*ϑ	*ĥ, *h, *h^w	?	*γ	—	—	—	—	*γ, *γw	сем. *γ
	*w	*u, *u̯	*w	*w	*b, —	*b, —	—, *b	*v	*w	*w
	*j	*i, *i̯	*j	*j	*j	*j	*j	*j, —	*j, —	*j
	*l	*l	*l	*l	*j	*l	*l	*n	*l, *r	*l
	*r	*r	*r	*r	*j?	?	?	*n?	*r	*r
	*m	*m	*m	*m	*m, *b	*m, *b	*m, *b	*m	*m	*m
	*n	*n	*n	*n	*j	*n	*n	*n	*n	*n
	*s	*s	*s	*s	*s	*s	*s	*č	*ś	*š
	*š	*s	*š	*š	*s	*s	*s	*č	*š	*š
	*ś	*s	*ś	*ś	*s	*s	*s	*č	*s	*š

Итак, приступим к первому вопросу — что могут рассказать нам корни о жизни древнего человека. Проблема огромная, и в небольшой статье ее, разумеется, не охватить. Поэтому пока ограничимся одной стороной вопроса: как наши далекие языковые предки добывали себе пропитание?

Были ли они скотоводами?

Давайте сначала посмотрим лексику индоевропейского языка. Здесь много слов, которые обозначают домашних животных.

*g^wōu-s 'бык, корова', откуда греческое bous 'бык', немецкое Kuh 'корова', английское cow, санскритское gāus, авестийское (древнеиранское) gāus, латышское govs 'корова'; отсюда же и русское слово *гов-ядина*.

*owi-s 'овца, баран', откуда литовское avis 'овца', древнеиндийское avis, латинское ovis, греческое owis (и более позднее óis); от этого корня произведены старославянские слова *овьнъ* 'баран' и *овьца* 'овца', да и наша *овца*.

*ag^whno-s, 'ягненок', откуда латинское agnus и греческое amnós; от этого же корня произведены старославянские слова *агньць* и *ꙗгнѧ*, русское *ягненок*, а также английский глагол yean, ean 'ягниться'.

*ek̂wo-s 'лошадь', откуда латинское equus, готское aíhva-, древнеиндийское aśvas, авестийское aspō̄, древнегреческое диалектное íkkos. Из греческого более известен аттический вариант того же слова — híppos (откуда *ипподром* 'лошадиный путь', *гиппопотам* 'речная лошадь' и т. п.), в котором звучание изменилось в результате поздних вторичных процессов.

*sū-s 'свинья', откуда латинское sus, английской sow, немецкое Sau, греческое hūs и т. д. Индоевропейское производное от того же корня *suw-īno-s 'свиной' обнаруживается в латинском прилагательном suīnus 'свиной', в старославянском *свинъ*, русском *свин* (отсюда и *свинья*), немецком Schwein 'свинья', английском swine и т. д.

*pork̂o-s 'поросенок' или 'свинья', сохраняется в латинском слове porcus 'свинья, поросенок', в литовском paršas, ирландском orc, древнеиранском parsa; производные — немецкое уменьшительное Ferkel 'поросенок', старославянское *прасѧ* и наш *поросенок*.

Однако сами по себе эти корни еще не доказывают существования животноводства у индоевропейцев. В самом деле, они ведь могли обозначать в древности не домашних животных, а их диких предков. Существование животноводства приходится доказывать иначе: отыскивая корни, связанные с понятиями, возможными только при животноводстве. Такие есть. Вот, например, корень *pō(i)-, означающий 'пасти', который мы найдем, в частности, и в нашем слове *пастух*, и в латинском pastor, и в греческом poimēn 'пастух', и в литовском piemuo 'пастух'. Есть глагол *weĝh- 'возить': ср. русское *везу*, латинское veho, санскритское vahā-mi 'везу' и т. д. Или сравните русское слово *воз* и греческое (w)óchos 'повозка' (видимо, из индоевропейского слова *woĝhos). Есть слово *wlənā 'шерсть' (славянское *влъна*, литовское vilna, немецкое Wolle, латинское lana). Есть 'колесо' *roth- (латинское rota, литовское ratas, древнеиндийское ra-

thas и проч.). Есть и многое другое, что могло существовать лишь в условиях развитого животноводства.

Известны индоевропейцам и термины земледелия. Есть, например, глагольный корень *sē- 'сеять' (славянское сѣѭ, литовское sėju 'сею', готское saian 'сеять' и проч.) и производное имя *sēmen 'семя' (славянское сѣмѧ = древнепрусское semen = немецкое Same = латинское sēmen и проч.). Языковые данные показывают, что у индоевропейцев было скотоводство и земледелие.

А теперь обратимся к списку известных науке борейских корней. Отыщем названия животных. Наименований диких животных мы найдем немало: тут и 'шакал' (или лиса?) *ṭul'ə, и 'куница' *ḳunə̂, и 'орел' *'əгə, и 'змея' ('червь'?) *ḳuɫə, и многое другое.

А вот с домашними животными дело обстоит хуже. Возьмем, например, свинью. Знакомые нам индоевропейские корни *sū- и *pok̑r- не имеют параллелей в других борейских языках и, следовательно, на древность претендовать не могут. Больше повезло, кажется, грузинскому названию свиньи — γori: оно имеет параллели в семито-хамитских языках. Но посмотрите, какие это параллели! В кушитском языке афар (Эфиопия, Французское Сомали) слово ḥarā, ḥarāy обозначает дикую свинью. Рядом в языке сахо слово ḥarāy тоже относится к дикой свинье. А в древнеэфиопском языке (семитском языке, испытавшем кушитское влияние) слово ḥarâwyâ применяется как к домашним свиньям, так и к диким. Поскольку названия домашних животных почти никогда не переносятся на диких, очевидно, что этот борейский корень (реконструируемый в виде *ɣəгə) первоначально относился к кабану и лишь позже у некоторых народов (у картвелов, у семитов Эфиопии) был перенесен на хрюшку.

Совсем иначе обстоит дело с названием дикой свиньи — вепря. Индоевропейское *eper-, из которого происходят и немецкое Eber, и латинское aper, и фракийское ebros, и, видимо, славянское *вепрь*, восходит к глубокой древности: точное соответствие индоевропейскому корню мы находим в семитском слове *'ipr- 'дикая свинья', сохранившемся в арабском 'ifrun.

Псевдоскотоводческие корни

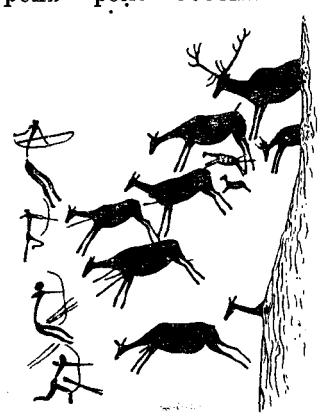
Если бы мы решили доказывать существование скотоводства у борейцев, то больше всего внимания мы уделили бы, наверное, корню *ḳori, обозначавшему 'барана' или скорее 'ягненка'. В дравидийском языке *kor̲i значило 'овца'; да и в наше время дравиды-тамилы называют овцу kor̲i. У монголов корень quri- содержится в слове qurigan 'ягненок' и в слове qurisqa 'шкура ягненка'. У древних тюрков (всегда превращавших смягченное r в z) ягненок называется qozï (*козы*). У картвелов 'ягненок' *ḳraw- (современное грузинское ḳravi). Есть этот корень и в

семитских языках: по-еврейски 'ягненок' kar, в аккадском языке Ассирии и Вавилона kirru. У кабилов (берберов) Алжира ikĕrri значит 'баран'.

Этот корень, действительно, можно принять за древнее наименование домашней овцы. Но доказать, что оно относилось именно к домашнему животному, невозможно. Ведь бараны бывают и дикие. Муфлоны, архары, западноазиатские аргали, персидские дикие овцы и проч. были очень хорошо известны древнему человеку и, как показывает археология, составляли один из основных объектов охоты.

Если корень * ḳori в древности обозначал именно 'ягненка' (а не взрослого барана), это значит, что ягнята по каким-то причинам привлекали особое внимание человека — иначе у них не было бы собственного наименования в языке. Будем надеяться, что археологи и исследователи первобытного общества смогут объяснить этот загадочный интерес к ягнятам.

Есть еще один подозрительный корень. Наше индоевропейское *peḱu 'скот', 'стадо' (древнеиндийское paśu 'скот', немецкое Vieh, латинское pecu) родственно тунгусо-маньчжурскому слову *pökör 'бык' (эвенкийское *хукур*), прамонгольскому *füker (в памятниках XIII века hüker 'бык') и тюркскому ökiz 'бык'. Можно ли на этом основании утверждать, что борейцы знали домашнего быка? Нет, нельзя. Вполне возможно, что корень *pəḳə̈ обозначал стадо диких быков — вот таких, например, каких мы видим на наскальных рисунках древнего человека.



Другое дело — если бы рядом с названием коровы был в борейском языке глагол со значением 'доить', или название коровьего молока, или еще что-нибудь такое, что известно только скотоводам! Попробуем разобраться в предыстории того индоевропейского корня, обозначающего молоко и доение, который всем вам знаком, — корня *melǧ-. Вы, конечно, узнаете здесь и английское слово milk и немецкое Milch.

Между прочим, какое русское слово от этого корня? Вы думаете, *молоко*? Проверьте по фонетическим правилам (таблица 1). Индоевропейское *ǧ дает в славянских языках *з*. Значит, не *молоко*, а *молозиво*. А русское слово *молоко* и старославянское *млѣко* — это, оказывается, вовсе не исконно славянские слова,

а заимствования из какого-то другого индоевропейского языка, превращавшего *ĝ в k. Возможно, что из германского.

Корень *melĝ- в индоевропейском был глагольным и означал 'доить'. В самом деле, латинское mulgeo значит 'дою', греческое amélgō — тоже 'дою', древнеирландская форма do-ommalg (с префиксами) переводится 'я доил'. По-немецки 'доить' melken, по-литовски milžti, в старославянском языке глагол *млѣсти* тоже значит 'доить': «Млѣзи млъко и бждеть масло» (Дои молоко, и будет [у тебя] масло) — сказано в славянском переводе Пандекта Антиоха (по рукописи XI века). «Óies amelgómenai

gála» (Овцы, из которых выдаивают молоко) — читаем мы у Гомера. У индоевропейцев корень *melĝ- означал 'доить' и был, следовательно, связан с животноводством.

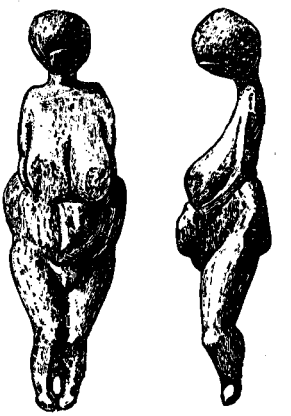
А теперь попробуем восстановить борейское значение этого самого корня. В семито-хамитских языках есть корень *mlg. (Семито-хамитские корни принято записывать одними согласными буквами. Дело в том, что в семитских, берберских и многих других семито-хамитских языках и в общесемитохамитском языке-предке гласные меняются в зависимости от грамматической и словообразовательной формы слова, они как бы не принадлежат корню.) Что же он означает? По-арабски malaǧa 'сосал материнскую грудь'. В древнеегипетском языке, превращавшем семито-хамитское *l в n, слово mnǧ означало 'женская грудь'. В папирусах часто упоминается mnǧ n Hr — грудь богини Исиды, которую сосет бог неба Гор. Ни малейшего намека на коров и на скотоводство! Из всех семито-хамитских народов только одни сомалийцы придали этому корню животноводческое направление: у них māl- означает 'доить'. Скорее всего, это значение есть сомалийское нововведение («инновация», как говорят в сравнительном языкознании).

Финно-угорский корень *mälγə также означает просто 'грудь': такую семантику мы находим у саамов (лопарей) в слове miel'

gä, в венгерском слове mell и т. д. В мордовском значение несколько изменилось: слово *мелькть* обозначает там 'легкие' (т. е. то, что находится в груди).

Тот же борейский корень есть и у колымских юкагиров в слове *мэлут* 'грудь'. У эскимосов *милуг-* означает 'сосать грудь'. Итак, почти повсюду борейский корень *mälgə̈ сохраняется в значении 'грудь, сосать материнскую грудь'. Это и есть его древняя семантика.

И только индоевропейцам понадобилось применить древний корень *mälgə̈ к коровам и овцам. Почему? Наверное, потому, что они перешли к животноводству, которого раньше не знали.



Между прочим, это отразилось даже на звучании корня. Как так, разве может животноводство повлиять на звучание? Оказывается, может. Послушайте, какая история приключилась с нашим *mälgə̈. По всем правилам исторической фонетики (см. таблицу 2) этот корень должен был в индоевропейском звучать *melĝh- с придыхательным звонким *ĝh. Должен был. Но тут вмешался один внешний фактор.

В индоевропейском языке существовал другой корень, звучавший *melĝ- и означавший 'растирать'. Пока наш *melĝh- относился лишь к пропитанию младенцев, эти два корня не имели друг к другу никакого отношения.

Но вот корень *melĝh- стал означать 'доить'. И получилось, что *melĝ- 'тереть' и *melĝh- 'доить' не только звучат похоже, но могут быть при желании поставлены в смысловую связь. Ведь когда доят, трут вымя. А в языке существует такой закон: если два корня звучат одинаково или почти одинаково и при этом близки по смыслу, в сознании говорящих они непременно ассоциируются между собой и обычно сливаются в один. Например, слова *сальный* в значении 'непристойный' и *сало* по происхождению решительно ничего общего не имеют (поскольку *сальный* от французского sale 'грязный'). Но уж так устроено языковое сознание человека, что мы связываем *сальный* с *салом*. С нашим корнем *melĝh- приключилась примерно такая же история: *melĝh- 'доить' и *melĝ- 'тереть' слились в один корень *melĝ- с непридыхательным ĝ. Если бы не скотоводство, *ĝh остался бы придыхательным.

Как видите, педантичная погоня за какими-нибудь мелкими деталями фонетики (подумаешь, придыхание!) иной раз помогает в решении капитальных вопросов истории народов, например, вопроса о том, были ли борейцы скотоводами. По-видимому, еще нет.

Самое древнее прирученное животное

И все-таки одно домашнее животное у борейцев было. Всякий, кто знаком с первобытной историей, догадается, какое именно. Правильно, это была собака.

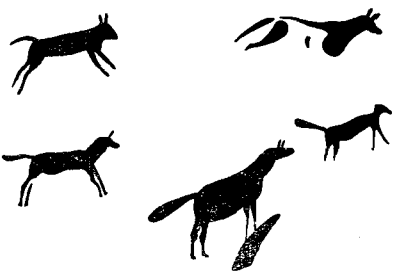
Если эстонец, отправившись в турпоход по Западной Грузии, окажется в окрестностях Зугдиди, где живут мегрелы, он может неожиданно услышать знакомое слово. В мегрельском есть слово pinia или pina 'собачка, пудель', а по-эстонски 'собака' peni. Да, картвельское наименование собаки *pin- по происхождению совпадает с финно-угорским корнем *penə, который мы найдем и в мордовском *пине* 'собака' и в удмуртском *пуны*. В дравидийских языках тоже есть корень *peṇ-, хотя и с изменившимся значением: наименование собаки сначала сузило свое значение — стало обозначать только суку, а затем расширило и стало обозначать самку животного вообще. Сравнивая финно-угорский, картвельский и дравидийский корни, В. М. Иллич-Свитыч восстановил борейский корень *penə 'собака'. Итак, похоже, что древние борейцы, не зная еще животноводства, имели уже одно домашнее животное — собаку.

А откуда пошло наше индоевропейское наименование собаки? У индоевропейцев собака обозначалась корнем *k͡wōn-, *k̂un-. Отсюда и немецкое Hund, и литовское šuo, и греческое слово kūōn (родительный падеж kūnos), и русское слово *сука* (из *сꙗка*, т. е. *со*ⁿ*-ка*). Между прочим, по мнению большинства исследователей, и слово *собака* также восходит к этому корню, придя к нам от скифов, говоривших на языке иранской группы, и претерпев много сложных звуковых изменений. Итак, откуда же индоевропейское *k͡wōn-, *k̂un-?

Заглянем в другие борейские языки. Семито-хамитский корень *kʷ n сохраняется, например, в кушитском языке каффа на юго-западе Эфиопии в слове kunâno 'собака', и в языках чадской ветви семито-хамитской семьи: например, у народа гамергу (северо-восток Нигерии, на границе с Камеруном) 'собака' называется kĕnē, в языке йегу (Республика Чад) kań и т. д. Есть этот корень и в тунгусо-маньчжурских языках. Как можно видеть в таблице 2, согласный ḳ превращается в тунгусо-маньчжурском в *x*; в дальнейшем этот *x* в эвенкийском языке исчезает. Поэтому собака по-эвенкийски называется *ина* (в диалекте Сахалина), *ина-кин* (в нерчинском диалекте). Похоже, что тот же корень встречается и в самодийских языках: по-селькупски 'собака' — kanak, kanaŋ.

Итак, индоевропейское *k̂wōn-, *k̂un- — это корень борейского происхождения. Что же он первоначально означал? Разумеется, 'собака' — подумаете вы. Не торопитесь с выводами! У удмуртов, где борейский корень *ḳujnə звучит теперь

кион, это слово обозначает не домашнюю собаку, а дикого волка. И в языке коми *кӧин* значит 'волк'. Это же значение имеет наш корень и у саамов (лопарей). Нечто подобное находим мы и в некоторых семито-хамитских языках: в египетских папирусах встречается слово knm-t (египтяне гласных на письме не отмечали!), обозначавшее какого-то неизвестного хищного зверя. Какого — египтологи не знают: ведь в папирусах перевода нет, и спросить не у кого. Из контекста видно, что зверь был хищный и иногда лакомился павианами.



Значение 'волк' есть у этого корня и в языках Северо-Восточной Азии. В вымершем чуванском диалекте юкагирского языка было слово *кондэги*, обозначавшее волка. В современном колымском диалекте того же языка, где древнеюкагирское сочетание *nd обращалось в *д*, волк называется *кодиэл*. Недавно советский лингвист Г. А. Меновщиков открыл на Чукотке неизвестный прежде язык эскимосской группы — сиреникский. Этот язык оказался очень интересным для сравнительного языкознания, ибо сохранил немало древних корней, потерянных прочими эскимосскими языками. Так вот, в сиреникском языке есть слово *кынлыга* и означает оно 'волк'. На этом основании языковеды пришли к выводу, что корень *ḳujnə в глубокой древности обозначал не домашнюю собаку, а волка.

Так что же получается? Была собака уже одомашнена или еще нет? Вопрос станет яснее, если мы обратимся к данным археологии, к данным истории цивилизации. У собаки, оказывается, родословная довольно сложная. Среди ее предков значится много видов волков и шакалов, а возможно, и лисица. Процесс одомашнивания собаки — это не однократный единовременный акт. Не нужно думать, что когда-то где-то люди приручили одну пару волков — так сказать, собачьих Адама и Еву, и от них пошли все собаки. В действительности все было куда сложнее: волков и шакалов одомашнивали много раз в разных местах нашей планеты.

Вероятно, и у борейцев мы застаем такую, довольно типичную для древнейших цивилизаций картину: уже была одомашнена собака — *Ṛenə, но одновременно шел процесс одомашнивания волка — *ḳujnə, пополнявшего разношерстные собачьи ряды.

Итак, несколько штрихов из картины жизни наших далеких языковых предков мы попытались выхватить из мрака истории.

Жнут, где не сеяли

Носители борейского языка, как видим, животноводами не были. Тогда, может быть, земледельцами?

Посмотрим, борейскую лексику. Нам попадется лишь один подозрительный корень *ʒukə̈. Его мы находим в древнемонгольском слове ǯügüri [джӯгӯри] 'пропитание', в древнетюркском jögür 'просо' (где j из*ǯ), в чувашском слове *çăкăр* 'хлеб', в корейском диалектном *чык* (из пракорейского *čük) 'просо'. Этот же корень в дравидийском *čukə 'урожай, сезон сбора плодов': до наших дней он дожил, например, в дравидийских языках каннада и тулу, где в этом значении употребляется слово suggi. В уральских языках слово *sükəśə означает 'осень'; это слово сохраняется в названии осени: финском syksy [süksü], эстонском sügis, мордовском *сокcь* и т. д.

Легко увидеть, что древнее значение этого корня — 'урожай': в одних языках (дравидийских) оно сохранилось, у финно-угров этим словом стали называть сезон сбора урожая — осень, корейцы и тюрки (для которых когда-то основной зерновой культурой было, видимо, просо) стали употреблять этот корень для обозначения проса; наконец, у монголов он приобрел значение 'пропитание'. Все это — вполне обычные для языков процессы изменения значения, и поэтому предположение В. М. Иллич-Свитыча о том, что в древности этот корень означал 'урожай', вполне убедительно.

Значит, древним борейцам было знакомо понятие 'урожай'. Но вот сло́ва, обозначающего посев, мы не находим! Так что же, они жали, хотя и не сеяли? Да, вопреки общеизвестной земледельческой морали («что посеешь...»), некогда существовали народы, которые ничего не сеяли, но кое-что пожинали. Это называется собирательством. Собирательство дикорастущих растений служило некогда одним из основных источников пропитания.

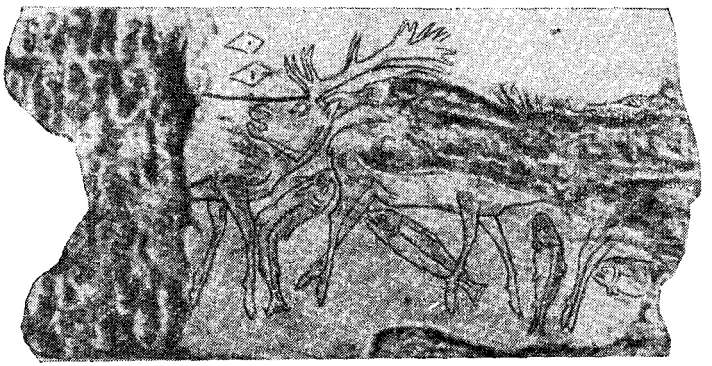
На кого охотились?

Если у носителей борейского языка не было еще животноводства и земледелия, остается предположить, что они занимались охотой, рыболовством или собирательством. Если это так, в их словаре должны быть корни, специфически связанные с образом жизни древнего охотника и собирателя. И действительно, подобные корни мы находим. Вот к примеру, некоторые:

1. *çure или *çurä 'стадо диких копытных животных'. Этот корень находим в семито-хамитском *çwr, который до наших дней сохранился в арабском слове şiwār, şuwār 'стадо диких копытных животных'; в берберском языке туарегов Сахары слово asera означает 'стадо диких животных'. В финно-угорских языках сохраняется прауральский корень *śurə 'стадо диких копытных животных': так, в хантыйском языке словом sur называют стадо лосей или диких оленей. Лопари, переселившись на

север Европы и перейдя к скотоводству, стали словом čorâ называть стадо домашних оленей или лошадей.

2. *gurHə 'дикое копытное животное' (возможно, 'антилопа'). Буквой *H* мы здесь обозначаем неизвестный звук типа *x* или *h*. В семито-хамитских языках этот корень (прасемитохамитское



*g^{w}rH) обозначал антилопу в древности, а у кушитских и чадских народов в Африке обозначает то же самое и сейчас. В кушитском языке иракв (Танзания) 'антилопа' называется g^{w}a-ra'ai, а народ беджа на берегу Красного моря называет антилопу garuwa. В чадском языке логоне (на севере Камеруна) антилопа именуется garia. За тысячи верст от Африки, в монгольских степях мы встречаемся с тем же самым корнем: в древнемонгольском языке антилопу называли gûran. Есть этот корень и в Индии. В дравидийском языке в полном соответствии с правилами исторической фонетики (см. таблицу 2) начальное *g оглушилось и стало *k, а корень *gurHə приобрел вид *kûr-. Корень этот у дравидов издавна означает антилопу и оленя. В те времена, когда дравиды заселяли еще север Индии, создав великую цивилизацию Хараппы и Мохенджо-Даро, в Индию с запада вторглись кочевые арийские племена, говорившие на одном из индоевропейских языков. Это были предки индийцев. Язык древних индийцев немало слов заимствовал у местного населения — дравидов. Среди них были и слова с интересующим нас корнем. В памятниках санскрита мы встречаем слово kuraṅga 'антилопа, олень'. Этот корень есть и у современных дравидов: например, в языке куви 'антилопа' — kurhu, а в языке оллари 'олень' и 'антилопа' называются kuruž.

3. *'ili 'олень'. Индоевропейское *el- вы сразу узнаете в старославянском слове *елень* и в русском *олень*. Знатоки английского языка могут вспомнить, что по-английски 'лось' — elk. А по-немецки — Elch и Elen. По-французски — élan (заимствование из какого-то древнего германского языка). По-древнегречески 'олень' — élaphos.

Как выглядит этот корень в семито-хамитских языках? В соответствии с правилами борейское *'ili дает в семито-хамитском корень *'jl: отсюда еврейское 'ajjâl, в аккадском языке Ассирии и Вавилона 'ajalu 'олень'. Арабы называют словом 'ijjâlun горного козла. А кушитский народ бурджи в Южной Эфиопии именует словом ellientî одну из разновидностей антилоп.

Если обратимся к дравидам, то и в их языках мы тоже найдем этот корень. Когда в середине II тысячелетия до н. э. в Индию вторглись пришедшие с запада арийцы, они заняли Северную Индию и вынудили дравидов уйти на юг Индостана. Но отдельные островки дравидийского населения на севере все же остались. Остались и языки, сохраняющие в себе драгоценные свидетельства прошлого. На северо-востоке Индии в штате Бихар живет маленькая народность малер, говорящая на дравидийском языке мальти. В этом языке существует слово интересующего нас корня, произносится оно ilaru и обозначает одну из разновидностей оленя.

В древнемонгольском языке времен Чингис-хана слово ili означало 'олененок'. Эвенки на Подкаменной Тунгуске называют стоянку оленей ili-kît. А тюрки перенесли древнее наименование оленя на косулю: по-древнетюркски 'косуля' elik, по-казахски *елік* и т. д.

Итак, дикое копытное животное (антилопа?) * gurHə, стадо диких копытных животных *çure (или *çurä), дикая свинья *ʒəгə, олень *'ili и многое другое. Картина довольно ясная.

Но кроме охотничьих слов, встречаем и типично рыболовные: рыба — *ḳola, (какая-то) порода рыб — *didgə, икра — *ṭurä. Есть и термины собирательства: уже упомянутый 'урожай' *ʒukə̈, 'ягоды' *marə', мед *majλə̈. Об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз.

Кандидат филологических наук
А. Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ

РОМАНЫ ЖЮЛЯ ВЕРНА

В статье О. Газенко и В. Малкина «Лайка», опубликованной в еженедельнике «Неделя» (19—26 ноября 1967), читаем: «Такой реалистический подход к подготовке полета в космос человека Жюль Верну (разрядка моя.— В. Д.), вероятно, был подсказан историей воздухоплавания».

Ошибка настолько очевидна, что нет необходимости ее как-то объяснять или анализировать. Ведь не допускаем же мы мысли, что можно говорить и писать «Марк Твену», «Карл Марксу», «Поль Сартру» или «Лев Толстому», «Максим Горькому», «Михаил Шолохову» и т. п. Почему же мы пропускаем в печать совершенно недопустимое «Жюль Верну» вместо «Жюлю Верну»?

В. П. ДАНИЛЕНКО

Общество любителей российской словесности

В 1811 году при Московском университете было учреждено Общество любителей российской словесности, просуществовавшее (правда, с большими перерывами в работе) до 1930 года. В его состав входили по преимуществу филологи и литераторы. Членами Общества состояли такие крупные представители русской филологической науки, как А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот, Е. Ф. Корш, В. И. Даль, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, И. И. Срезневский, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. А. Шахматов, Н. И. Надеждин, А. Н. Веселовский, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин, А. М. Скабичевский, П. Н. Сакулин, М. К. Лемке, С. А. Венгеров, И. М. Снегирев, П. В. Киреевский, А. Ф. Гильфердинг, П. В. Шейн и др. Членами Общества были замечательный русский ученый К. А. Тимирязев, известные историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский, педагог В. Я. Стоюнин, актеры К. С. Станиславский, М. П. Садовский, В. И. Немирович-Данченко и, конечно, многие писатели — от Державина и Карамзина до Бунина и Вересаева.

Общество любителей российской словесности заслуживает положительного отношения к себе, поскольку оно, особенно на первых порах своей деятельности, содействовало культурному развитию России. В активе Общества издание таких фундаментальных трудов, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1861—1866), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (1860—1874, 1911—1929) — уникальное собрание фольклорных материалов, «Опыт русской грамматики» К. С. Аксакова (1860); в 1911 году был издан «Кобзарь» Т. Г. Шевченко (в переводах русских поэтов). Общество организовало Пушкинский юбилей (1899) и Гоголевские дни (1902 и 1909), памятник Гоголю в Москве был открыт благодаря усилиям членов Общества. Во второй половине XIX века Общество отмечает такие события, как 300-летие русского книгопечатания (1864), 100-летие со дня смерти Ломоносова (1865), 100-летие со дня рождения Карамзина (1866), в 90-е годы устраиваются литературно-музыкальные вечера в память Крылова, Лермонтова, Полежаева, Кольцова, Огарева, Плещеева, Тютчева, Фета, Островского, Надсона, Некрасова, Шевченко и других писателей. В 1906 году издан сборник «Памяти А. П. Чехова» (с воспоминаниями Горького, Куприна, Бунина). Особенно большой резонанс получило открытие в 1880 году памятника Пушкину. В этом событии Общество приняло самое деятельное участие. В советское время опубликованы исследования и материалы, связанные с творчеством Пушкина и Тургенева.

■

Издание Трудов Общества любителей российской словесности приходится на начальный, наиболее активный период его деятельности (1812—1821), с 1822 по 1828 год выходят «Сочинения прозы и в стихах» (с сохранением в подзаголовке названия «Трудов»). Всего издано 27 книг. Редакторами Трудов были профессор красноречия, стихотворства и языка российского поэт А. Ф. Мерзляков и профессор русской словесности П. В. Победоносцев.

Общество любителей российской словесности видело свою задачу

прежде всего в развитии и совершенствовании отечественного языка. Не случайно, что в «Речи при открытии Общества» 28 сентября 1811 года его председатель А. А. Прокопович-Антонский лингвистическим проблемам отвел центральное место, да и в программе первых же заседаний явное предпочтение отдается вопросам «касательно языка российского». С самого начала деятельности Общество ставило практические задачи. В этом отношении показательны многочисленные «рассуждения» и статьи князя П. И. Шаликова, А. Глаголева и других. Наиболее значительными работами следует признать «Опыт словаря русских синонимов» П. Ф. Калайдовича (ч. 1, 1818), «рассуждения»: «О грамматических родах в русском языке», «О белорусском наречии» К. Ф. Калайдовича, «О славянском языке, в особенности церковном» М. П. Каченовского, «Рассуждение о глаголе» А. В. Болдырева, «Опыт о порядке слов» И. И. Давыдова и, конечно, знаменитое «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» А. Х. Востокова, составившее эпоху в истории науки о языке, положившее начало сравнительно-историческому языкознанию в России (опубликовано в 1820 году, ч. 17, кн. 25).

Заметным явлением в истории Общества этого периода была речь К. Н. Батюшкова «О влиянии легкой поэзии на образованность и язык» (прислана в Общество в 1816 году). Как видно из этой речи, поэт резко расходится во взглядах с «любителями российской словесности», тяготевшими к классицизму.

■

В области изучения русского языка Общество ставило перед собой такие задачи: создание «систематической, основательной грамматики», углубленное изучение и разработка словарного состава преимущественно со стороны семантической, совершенствование слога отечественной словесности. Вот как определены эти проблемы в упомянутой уже «Речи при открытии Общества»: «Язык должен иметь постоянное изменение слов, правильное их сочетание и ударение. Спрашивается: имеем ли мы систематическую, основательную Грамматику языка? На чем можем утвердить сочинение слов? — На употреблении и примерах? То и другое неверно. Одно не подкреплено изящностью, другое — постоянством. На чем основано ударение слов? На Славянских книгах. Иногда их придерживаемся, иногда от них отступаем. У нас вовсе нет правил ударения слов... Можем ли мы похвалиться, что знаменования слов у нас ясны и точны? Сколько предметов, которые не имеют свойственных, им одним принадлежащих выражений! Сколько слов, которых значение неверно и неопределенно! Пока не обогатим себя разными понятиями, из Наук почерпаемыми, пока не отличим и не объясним синонимов, пока не составим полного и философского словаря, до тех пор значение слов будет непостоянно и разнообразно, до тех пор будут употреблять слова без надлежащего разбора». Относительно слога в этой речи говорится: «Пока не будем иметь на природном языке всех ученых книг, пока не будем иметь Классиков-Писателей, до тех пор будем чувствовать недостаток в просвещении, скудость в словах и несовершенство в слоге» (Труды, ч. 1).

В статьях, посвященных изучению лексики, основное внимание уделяется синонимам. Теоретической и практической разработкой этой проблемы занимался главным образом П. Ф. Калайдович. Он издал в 1818 году «Опыт словаря русских синонимов», обобщив и собрав публиковавшиеся с конца XVIII века материалы на эту тему.

Статьи П. Калайдовича представляют, с одной стороны, теоретическую разработку вопроса, с другой,— по существу идеографический словарь, в котором проанализированы различия между словами синонимического ряда. П. Калайдович справедливо считает, что «синонимы произошли» вследствие того, что «каждую вещь можно рассматривать со всех сторон в отношении и в связи ее с другими вещами». Поэтому и «понятия о ней могут иметь разные образы выражения, а выражения сии разные степени знаменования». Далее, возражая А. С. Шишкову, утверждавшему, что синонимы — это

слова, «которые, различествуя только своим выговором и наружным сложением, сходствуют или... сословят в понятии, которое они выражают», Калайдович пишет: «Ежели синонимы принимать в таком смысле, что они заключают в себе понятия различные, но имеющие какую-нибудь связь между собой, то соименные слова существуют в каждом языке и могут выражать одно и то же понятие в разных его степенях и изменениях». Доказывая возможность синонимии в таком понимании, Калайдович разъясняет: «В обществе нередко встречаются люди, подобные друг другу в своих характерах; в языке также находятся слова, сходные в знаменовании: вот синонимы. Но каждый человек, другому подобный, имеет какую-нибудь собственную принадлежность, которой нет у другого; таким же образом и синонимы, заключая в себе общее знаменование, имеют частное, которое отличает их от прочих слов современных» (Труды, ч. 2).

В «Рассуждении о синонимах» П. Калайдович излагает по существу учение об идеографических и стилистических синонимах. Относительно первых высказывался еще Д. И. Фонвизин в «Примечании на критику „Опыта российского сословника"» (1783): «Одно слово не объемлет никогда всего пространства и силу знаменования другого слова..., сходство между ними (синонимами.— *Ю. Б.*) состоит только в главной идее».

О стилистических синонимах Калайдович пишет: «Синонимы сего рода различествуют местами, которые они в речи занимают. В важном слоге у нас употребляются Славянские: *око, глаголю, секира*; в разговоре, в простом и среднем слоге, Русские: *глаз, говорю*, топор и пр.». Однако в разработках Калайдович ограничивается анализом лишь идеографической синонимики.

В «Рассуждении» четко сформулированы задачи и принципы изучения синонимов: «Общее значение синонимов,— утверждает Калайдович,— нередко вводит нас в заблуждение, когда мы одно слово понимаем вместо другого, почитая их за одно и то же. Основательное познание языка и критический разбор синонимов могут предохранить нас от сего заблуждения, показывая нам частное их знаменование». Для того чтобы «разность синонимов» сказалась «ясным образом», исследователь предлагает собрать всевозможные примеры их использования в кни-

гах церковных, в разговорах и у лучших писателей.

Важно также обращать внимание и на те слова, от которых синонимы производятся: «Знаменование корня, согласивши с общим их смыслом по всеми принятому употреблению, можно усмотреть частные значения синонимов».

На примере глаголов **возвращать** и **отдавать** автор «Рассуждения» показывает плодотворность этимологического исследования: «Ежели я знаю, что **возвращаю** происходит от глагола **вращаю**, т. е. обращаю что-нибудь назад и переменяю положение вещи, а глагол **отдаю** сложен из предлога **от** (в смысле отвержения) и **даю**, то в них нахожу ту разность, что **возвращаю** относится к вещи, которую я получил от кого-нибудь прежде и должен ему отдать ее обратно; а понятие глагола **отдаю** принадлежит к моей собственности, которую я кому-нибудь вручаю. По сему-то мы говорим: *возврати мои деньги, отдай ему свои книги*». Вместе с тем Калайдович предостерегает от злоупотребления этимологией, предлагая прибегать к ней «с великою осторожностию, основываясь не на предположении, а на достоверных доказательствах» (Труды, ч. 2).

Работа П. Калайдовича о словах, изменивших свои значения (Труды, ч. 18 и Сочинения, ч. 6) содержит краткие историко - этимологические очерки. Автор, в частности, устанавливает некоторые общие закономерности семантической эволюции слов: «Изыскивая причины сего изменения, я нахожу,— пишет он,— главною метафорическое употребление языка». Калайдович устанавливает и связь между историей слова и историей общества, народа: «Изменение обычаев изменяет и знаменование слов».

В Трудах Общества обсуждались и другие лексикологические вопросы. Интересна статья И. Ф. Калайдовича «Определения», в которой тоже по типу идеографического словаря анализируются антонимы. Статья С. Саларева «О силе предлогов в значении слов» (Труды, ч. 12) раскрывает на конкретном материале богатство и разнообразие русской лексики, создаваемое словообразовательными категориями. Основное внимание автор уделяет приставочным образованиям (называя приставки «предлогами»). С. Саларев пишет: «Главная идея, обозначаемая корнем, остается та же: но она столько получает изменений, сколько с коренным словом соединяется различных предлогов. Вот истинное богатство языка!».

В Трудах много места уделено лексикографическим проблемам, изложены принципы «Производного словаря русского языка», помещены рассуждения о задачах и составе диалектного словаря, опубликованы материалы «производного словаря» и списки диалектизмов.

Изыскания членов Общества были подчинены задачам нормализации речи и во многом содействовали решению насущных проблем развития русского литературного языка первой трети XIX века. В «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии» А. Мерзляков пишет: «Цель Грамматики в собственном смысле оградить язык от чуждого влияния, т. е. сохранить чистоту и характер, определить каждого слова собственность, доставить каждому надлежащие границы значения, т. е. даровать ему точность и определенность, несмотря на прихоти употребления, которое хотя и в вечной вражде с Грамматикою, но совершенно уничтожено быть не может, как средство, придающее слову иногда крепость, силу или, по крайней мере, живость и легкость» (Труды, ч. 1). Такая постановка вопроса не утратила актуальности и в наши дни, с одной стороны, находя известные созвучия с идеями нормализации речи на основе реальной современной социолингвистики; с другой,— давая дополнительные аргументы в пользу противников субъективистского, вкусового подхода к речевым фактам.

Предметом особой заботы «любителей российской словесности» было упорядочение словоупотребления. Так, П. Калайдович, предпринимая труд о синонимах, имел в виду практическую «пользу». Он прямо говорит: «Вникая в собственное знаменование слов соименных, удобно можно научиться правильному их употреблению», «правильное употребление слов соименных... научает нас, таким образом, точнее и ближе в

переводах выражать авторские мысли» (Труды, ч. 2). Солидарен с Калайдовичем и С. Саларев: «Желательно, чтобы все скорее вышли из заблуждения, будто все равно то или другое слово, чтобы все уверились, что хорошо говорить и писать значит хорошо рассуждать и мыслить — дело трудное и великое» (Труды, ч. 7).

В начале XIX века вопросы нормализации речи смыкались с вопросом о путях дальнейшего развития литературного языка, об основных началах, на которых должен был базироваться наш язык. Общество любителей российской словесности занимало позицию более прогрессивную, чем враждовавшие между собою «карамзинисты» и «шишковисты». Признавая, что «одни писатели не установят слога, нужен вкус лучшего состояния граждан», члены Общества не отказываются и от церковнославянского («славено-русского») языка. Ему посвящено сравнительно много работ. Их авторы рассматривают этот язык как своеобразный арсенал уже готовой лексики и разнообразных форм выражения мысли: «Богатство слов, сильное изображение предметов, краткость и легкость слога, высокие, свышевдохновенные мысли, почерпнутые в церковных книгах,— все должно заставить нас заниматься славянским языком» (Труды, ч. 1). В отношении к славянскому языку Общество любителей российской словесности во многом сближается с декабристами (см.: Л. И. Сперанская. Борьба писателей-декабристов за создание национального литературного языка.— «Русский язык в школе», 1947, № 2) и отчасти с Пушкиным (ср. его известные высказывания: «Письменный язык... не должен отрекаться от приобретенного в течение веков», «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими»).

Большой интерес Общество проявляет к диалектной лексике, к «провинциальным словам». Списки таких слов публиковались в каждой части Трудов, начиная с 1818 года. Конечно, члены Общества далеки от той широкой и исторически оправданной точки зрения на роль народной речи, которую отстаивал Пушкин, но и они понимали, что диалектные слова могут составить «богатейший запас языка книжного» (Труды, ч. 18) — так писал П. Калайдович в 1820 году. Ср. письмо учителя Н. Суровцева: «Собрание и сличение провинциальных слов, может быть, утвердит их бытие в Российской словесности и через то послужит языку отечественному к прочному его основанию и богатству» (Сочинения, т. 1).

В общем на правильных позициях Общество стояло и в оценке очередных задач развития русского литературного языка. Известно, что одной из важнейших в первой половине XIX века была проблема создания языка «учености, политики и философии». «Любители российской словесности» ясно представляли себе эту задачу. Она определенно сформулирована уже в «Речи при открытии Общества» в 1811 году. К этой проблеме неоднократно возвращаются члены Общества. Так, А. Мерзляков утверждает: «Высшие науки и по сию пору не воспитали его (язык.— Ю. Б.) до надлежащей зрелости», «переводчики наши чувствуют величайшую трудность, начав переводить что-нибудь из книг философских» (Труды, ч. 1).

Изучение Трудов Общества показывает, что верное понимание задач, стоящих перед русской наукой о языке, определило направление и содержание всей его работы. Действительно, проблема лексической синонимии с акцентом на отвлеченные слова, интерес к диалектной лексике, публикации специальных исследований по языку «Славянскому» — все это обусловлено именно теми позициями, которые занимало Общество в своей просветительской деятельности, в полемике о путях и судьбах русского литературного языка. В исследовательской работе Общество прежде всего стремилось разрешить насущные проблемы развития русского литературного языка.

Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ,
доцент МГУ

«Юности честное зерцало»

Более 250 лет назад, по велению Петра I, была издана книга: Юности честное зерцало или показаніе къ жітеіскому обхожденію. Собранное отъ разныхъ авторовъ. Напечатася повелѣніемъ царскаго велічества. Въ Санктъпітербурхѣ Лѣта Господня 1717, Февраля 4 дня.

«Зерцало» («Зеркало») содержит сведения по многим вопросам, в числе которых были наставления для юношества. В свое время «Зерцало» пользовалось большой популярностью. 30 июля того же года было выпущено второе издание книги, 5 июля 1719 года — третье, в ноябре 1723 года — четвертое. Все эти издания, осуществленные при жизни Петра I,— перепечатка первого издания.

Название книги, в которое входит слово *зерцало*, а также и содержание книги, позволили Н. Пекарскому (Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. СПб., 1862, стр. 382) сблизить ее с немецкими сходными сочинениями начала XVIII века, где в заглавии тоже имеется *зеркало* — Spiegel (Spiegel für der Bildung; Der goldne Spiegel и др.). Впрочем, Н. Пекарский отмечает также, что подобные издания на французском языке имеются еще в XVI веке.

«Юности честное зерцало» учит хорошим манерам в обществе, принятым за границей. Юноши и девушки, усвоившие наставления, требования европейских приличий, превращались в «галантных кавалеров», «галантных дам».

Вполне понятно, что многие наставления книги кажутся нам сейчас странными и смешными. Однако кое-что наш любознательный читатель прочтет с интересом.

Приведем несколько таких наставлений. Перевода на современный русский литературный язык не даем, так как текст понятен и без него. Толкование отдельных слов и форм помещаем в скобках. Печатаем тексты, не сохраняя орфографии подлинника: *ъ* на конце слов, *ѣ*, *і* и т. д. Исключение сделано для некоторых характерных грамматических форм.

В. Б.

1. В первых наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать.

2. У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже (также не) прекословить и других сверстников в речи не впадать (вмешиваться), но ожидать, пока они выговорят.

3. Когда родители или кто другие их спросят (позовут), то должны они к ним отозваться и отвещать тотчас, как голос послышат. И потом сказать: «Что изволите, государь батюшка» или: «государыня матушка», или: «Что мне прикажете, государь», а не так: «Что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь?». И не дерзостно отвещать: «Да, так», и ниже вдруг наотказ молвить: «Нет»; но сказать: «Так, мой государь, слышу, государь; я выразумел, государь, учиню так, как вы, государь, приказали».

4. Когда прилучится (случится, приведется) тебе за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу:

В первых обрежь свои ногти, да не явится яко бы (точно, как будто) оные бархатом обшиты. Умой руки и сиди благочинно, сиди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри, как свиния, и не дуй в ушное (в ухý), чтоб везде брызгало, не сопи, егда (когда) яси (ешь). Первый не пий, будь воздержен, и бегай пиянства, пий и яждь (ешь), сколько тебе потребно, в блюде будь последний. Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари ему... Не облизывай перстов, и не грызи костей, но обрежь ножом... Над ествою (едою) не чавкай, как свиния, и головы не чеши... Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже... Около своей талерки (тарелки) не делай забора из костей, корок и прочего.

5. Отрок должен быть весьма учтив и вежлив, как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оной стретившего (встретившего) на три шага не дошед, и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять (приветствовать). Ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть спесивый болван.

6. Рыгать, кашлять и подобные такие грубые действия в лице другого не чини, или чтоб другой дыхание и мокроту желудка, которая востанет (поднимется), мог чувствовать, но всегда либо рукою закрой, или отворотя рот на сторону, или скатертию, или полотенцем прикрой, чтоб никого коснуться тем сгадить.

7. И сия есть не малая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы (точно, как будто) в трубу трубит, или громко чхает, будто кричит и тем в прибытии других людей или в церкве (в церкви) детей малых пужает и устрашает. Еще же зело (очень) непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит, яко бы мазь какую мазал, а особливо при других честных людех (людях).

8. Природа устроила нам только один рот, или уста, а уши дала два: тем показуя; что охотнее надлежит слушать, нежели говорить, сему и древние детей своих обучали.

9. Украснение девиц, и младых невест, также и замужних есть достохвалная фарба, или цвет...

Почта «Русской речи»

Бедный Макар и др.

Часто в письмах спрашивают о русских народных пословицах и поговорках, в частности, о таких, как: «На бедного Макара все шишки валятся», «Загнать туда, куда Макар телят не гонял», «Драть как Сидорову козу», «Показать Кузькину мать». Общее для них — использование имен собственных, что, естественно, и вызывает вопросы авторов писем: «Почему Макар такой незадачливый? В чем провинилась коза Сидора? Почему мать Кузьки так зла?». Иначе говоря: каково происхождение этих пословиц и поговорок?

Дать точный ответ на этот вопрос невозможно: мы не знаем конкретного источника каждой из этих пословиц и поговорок. Можно было бы представить себе, что в русском фольклоре некогда бытовали произведения (скорее всего — сказки), действующими лицами которых были Макар и его телята, Сидор со своей козой, Кузька и его мать; затем эти произведения оказались забыты и утрачены, а персонажи перекочевали в пословицы и поговорки. Такое предположение вполне законно, но за неимением точных доказательств оно так и остается предположением.

Но чем же тогда объяснить употребление в пословицах и поговорках именно этих, а не других имен? Может быть, стремлением к рифме? Рифма часто используется в построении пословиц и поговорок (ср., например, замечательную внутреннюю рифму в пословице, приведенной В. И. Далем: «По Сеньке шлык, коли косенько сшит»), но ведь рифма есть далеко не во всех этих выражениях. Следовательно, не она определяет использование большинства имен в пословицах и поговорках.

Оказывается, наиболее распространенные в народе имена имеют в пословицах и поговорках более или менее постоянные характеристики; благодаря этому имена собственные выступают в таких выражениях как нарицательные, наделяют персонажей определенными человеческими свойствами. Ср., например, замечание В. И. Даля: «*Алёха, алеша,* владимирское, лгун, хвастун, бахвал, как *Иванушка* простачок, *Емеля* дурачок, *Кузька* плут, *Наум* разумник и пр.» (подробно об этом рассказывается в статье Т. Н. Кондратьевой «Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа

XIX — начала XX вв.».— Сб. «Памяти В. А. Богородицкого». Казань, 1961).

Имя *Макар* во многих пословицах значит 'бедный, несчастный': «На бедного Макара все шишки валятся»; «Не рука Макару калачи есть». Помимо этого, В. И. Даль замечает в словаре: «сиб. простак». Это «сибирское» очень важно, оно помогает понять и то, почему когда-то поговорку: «Загнать туда, куда Макар телят не гонял»,— народ связывал с каторгой или ссылкой, тогда как теперь она обычно ассоциируется с далекими расстояниями. Так, в песне геологов говорится:

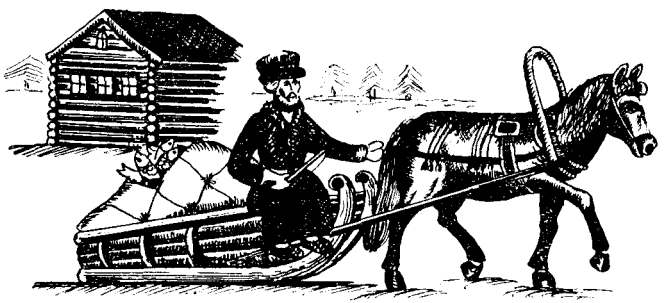
Не ищи ты нас по жарким странам,
На курортах не ищи ты нас.
Мы живем за тем меридианом,
Где Макар телят своих не пас.

Сидор в пословицах и поговорках обычно 'богатый, но скупой и мелочный'. Предполагают, что «в выражении *Бить как сидорову козу*, вероятно, сказалось стремление мести Сидору: если он сам недосягаем, то пусть хоть его козе достанется основательно» (см. указ. статью Т. Н. Кондратьевой).

Об имени *Кузьма* В. И. Даль писал: «имя Козьма в поговорках означает бедного, горького» (и действительно: «Горькому Кузеньке горькая долюшка»). Однако, кроме того, с Кузьмой еще «связано представление о злом, мстительном человеке: *Наш Кузьма все бьет со зла; Не грози, Кузьма: не дрожит корчма»* (Т. Н. Кондратьева). Может быть, «мстительностью» Кузьмы объ-

ясняется и выражение «Показать Кузькину мать», имеющее обычно значение угрозы?

Изучая народный язык, русские языковеды (Д. К. Зеленин, Б. М. Ляпунов, В. И. Чернышев) подметили, что у имен собственных есть тенденция превращаться в нарицательные. Таковы, например: *фо́фан* из *Феофан*, *пе́нтюх* из *Пантелей*, *олух* из греческого *Елевферий* (>Олуферий) и т. п.; подобные примеры характерны и для других языков, например, во французском fiacre 'фиакр' из имени католического святого (Fiacrus), жившего в VII веке, renar 'лисица' из собственного Reinhard (ср. Рейнеке-лис) и мн. др. На фоне этой тенденции употребление собственных имен в русских пословицах и поговорках — закономерное явление, раскрывающее талантливость народа в понимании человеческих свойств и в художественном использовании слова.



Прасол

Читатель К. Нечаев из Новосибирска интересуется происхождением старого слова *прасол*, ныне уже вышедшего из активного употребления.

Слово это было еще в недавнем прошлом широко распространено в русском и украинском языках, причем по диалектам имело несколько различные значения, будучи названием торговца мясом, рыбой, скотом или солью. Оно представляет собой древнерусское образование без суффикса от глагола *просолить* (в древности глагольная приставка *про-* в производных отглагольных существительных под ударением переходила в *пра-*). Первоначальное значение слова *прасол* 'торговец рыбой или мясом, который солит, просаливает их для продажи', а затем также 'перекупщик рыбы, мяса, соли'. По-видимому, уже в древности это слово приобрело более широкое значение 'торговец, перекупщик вообще', так как уже в одном из памятников конца XVI века встречается производный от него глагол *прасолити* в значении 'торговать, барышничать'. Не случайно в некоторых русских диалектах слово *прасол* отмечено в значениях 'маклер, кулак' и даже 'обманщик'.

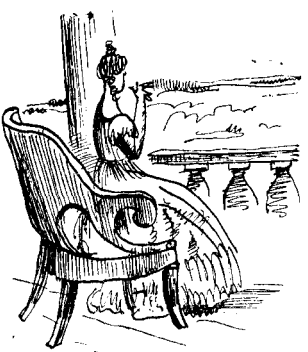
Интересно, что в «Толковом словаре» В. И. Даля указано и совсем иное значение слова *прасол*, но также связанное с просаливанием: 'осенний рыбный лов, в октябре, с засолом рыбы' (черноморское).

Промозглый, безмозглый

К. Нечаев спрашивает также: «Каково происхождение слов *промозглый, мозглявый, мозгляк,* имеют ли они корень *мозг*?».

Перечисленные слова происходят от существительного *мзга* (первоначально — мъзга), сохранившегося в диалектах в значениях 'гниль, трухлявость', 'плесень' и 'сырая погода: мокрый снег с дождем или туман'. Все эти значения объединяются представлением о мокроте и гнили. Производные от этого корня: диалектное *мозгнуть* 'гнить, сыреть, плесневеть, портиться' (ср. приводимое В. И. Далем *погода мозгнет*, т. е. мокнет, сыреет); *промозгнуть;* отсюда *промозглый* '*сырой, гнилой*' (о погоде) и диалектное *мозглый* 'гнилой, прелый, порченый'. Дальнейшее развитие значения того же корня представлено в словах *мозглявый* 'хилый, слабый, больной' *мозгляк* 'хилый человек' и, наконец, *изможденный* (последнее заимствовано из старославянского языка, где оно было образовано от глагола *измъждити* 'ослабнуть, обессилеть').

Что же касается возможного родства слов этого корня со словом *мозг,* то специалисты считают это предположение весьма сомнительным (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Однако в народном сознании оба гнезда слов (*мозг* и производные; *мозгнуть, мозглый* и производные), несомненно, сближались, перекрещивались по причине своего звукового сходства. Только этим можно объяснить появление такого «гибридного» образования, как *безмозглый.* Это слово, как, несомненно, следует из его значения 'глупый, тупой', является производным от *мозг.* По-видимому, форма *безмозглый* возникла из первоначальной *безмозгий* под влиянием сближения со словами *мозглый, мозгляк.*



Обеспечить, пекусь, беспечный, печаль

Верно ли, что слова *обеспечить* и *пекусь* имеют один корень *-пек-/печ-*?

Да, верно, но только по происхождению. В современном языке эти слова уже не воспринимаются как однокоренные. Одно из значений глагола *печься* (1 лицо единственного числа *пекусь*) 'заботиться'. Отсюда *беспечный* буквально 'беззаботный' и *обеспечить*

'привести что-либо в такое состояние, которое не требует забот, не вызывает беспокойства'. Того же корня и слово *печаль*, сначала означавшее 'заботу, беспокойство'.

Значение заботы, беспокойства развилось у глагола *печься* и производных от него слов из основного и первоначального значения глагола *печь* 'жечь, жарить'. Забота, беспокойство тоже жжет, только в переносном смысле.

Актер или артист?

М. Г. Кропачев (г. Омск) спрашивает о границах употребления слов *актер, артист, артистка, актерка.*

В современном русском языке для обозначения деятелей сценического искусства употребляются два синонима — *актер* и *артист*. Первое более употребительно в профессиональной среде (например, известная книга К. С. Станиславского называется «Работа актера над собой»), а второе — среди лиц, которые далеки от театра. В обычной разговорной речи чаще услышишь *артист,* а не *актер:* «В нашем доме живет артист»; «Сегодня будет встреча с артистами»; «Она собирает фотографии артистов» и т. п.

Однако и в речи театрального деятеля иногда слово *актер* заменяется словом *артист,* прежде всего в тех случаях, когда высказывание приобретает оттенок риторической украшенности. В этом отношении интересны следующие слова Н. П. Охлопкова из книги «Всем молодым» (М., 1961): «Артист всю силу души своей отдает жизни образа», где необычность, возвышенность фразы подчеркивается также инверсией: *силу души своей* вместо обычного *силу своей души.* А рядом: «Работая с актерами, ты, режиссер, непременно будешь ступенька за ступенькой спускаться в глубь репетируемой пьесы». Здесь уже, как видим, не *артист,* а обычное для автора слово *актер.* Получается, что не всякий актер бывает артистом. Недаром в почетных званиях: Народный артист СССР, Заслуженный артист РСФСР — выступает слово *артист,* а не *актер.* К тому же звания эти получают не только актеры, но и художественные руководители ансамблей песни и танца, музыканты и т. д.

Артистом в широком смысле этого слова называют любого выдающегося деятеля искусств или какого-то иного работника, творческий труд которого становится искусством. Ср. у М. Горького в рассказе «Коновалов»: «Прошла неделя, и мы с Коноваловым были друзьями... Работал он *артистически.* Нужно было видеть, как он управлялся с семипудовым куском теста, раскатывая его, или как, наклонившись над ларем, месил, по локоть погружая свои могучие руки в упругую массу, пищавшую в его стальных пальцах... когда он вышек три печи и ни у одного из ста двадцати короваев — пышных, румяных и высоких — не оказалось „притиска", я понял, что имею дело с артистом в своем роде».

Слово же *актер* в переносном значении обозначает притворщика. Впрочем, и слово *артист* в разговорной речи может употребляться иронически, являясь синонимом к именам существительным *плут*, *ловкач*, *мошенник*. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова приводится такой пример: «Какой-то артист вытащил у меня бумажник».

Что касается соотношения слов *артист* — *артистка*, то первое из них применительно к лицам женского пола употребляется лишь в тех случаях, когда речь идет о группе, в которую входят не только женщины, но и мужчины. Например, говорят: «Приехали московские артисты», а не «...артисты и артистки». В указах о присвоении почетных званий мы нередко читаем о присвоении почетного звания *народного артиста* женщинам (если их имена стоят в одном списке с мужскими именами), но вместе с тем читаем о присвоении почетного звания *народной артистки*, если речь идет только о женщинах.

Для слова *актер* парным наименованием является *актриса*, а не *актерка* (слово *актерка* в современной разговорной речи употребляется с пренебрежительным оттенком и чаще всего как синоним слова *притворщица)*. Соотношение слов *актриса* и *артистка* примерно такое же, как соотношение слов *актер* и *артист*.

Таким образом, каждое из названных слов (кроме слова *актерка*) богато различными значениями и оттенками. Многое зависит и от интонации и от обстановки высказывания. Одно и то же предложение: «Он артист» или «Она актриса» можно произнести поразному. В одном случае это будет звучать как похвала, в другом — как оскорбление или ирония.

Полы дощатые, брусчатые

А. И. Матковский из Тульской области пишет: «Почему два рядом стоящие слова в типовом проекте школы — „полы дощатые, брусчатые“ пишутся по-разному, первое через *щ*, а второе — через *сч*?».

Действительно, приведенные А. И. Матковским слова сходны по звучанию, а пишутся неодинаково. Причина — различный морфемный состав этих слов. Оба прилагательных имеют суффикс *-ат-* и образованы от существительных: первое от слова *доска*, второе — от слова *брусок* (*дощатый* означает ‘сделанный из досок’, *брусчатый* ‘сделанный из брусков’). Основа слова *доска* состоит только из корня, далее на составные части не разложима. Но в основе слова *брусок* (родительный падеж *бруска)* выделяются корень *брус-* и суффикс *-ок* с беглым гласным *о*: ведь это слово — уменьшительное от *брус*. Значит, первое прилагательное членится на составные части так: *дощ-ат-ый*, а второе так: *брус-ч-ат-ый*. (Заметим, что перед суффиксом *-ат-* согласный *-к-* издавна переходил в *-ч-*, а сочетание согласных *-ск-* изменялось в *-щ-*; этим и объясняется чередование звуков в словах: брусо*к* — брус*ч*атый, до*ск*а — до*щ*атый.)

Таким образом, написание *брусчатый* больше соответствует составу этого слова, чем возможное, но неправильное *брущатый*. Принятое написание ставит слово *брусчатый* в один ряд с другими словами, подобными ему по составу, ср.: трубка — трубчатый, ворсинка — ворсинчатый, бугорок — бугорчатый, зубец — зубчатый и т. п.

Такое же сочетание согласных на стыке корня и суффикса, как в слове *брусчатый,* встречается и в некоторых других словах, например: писать — пис-чий, подписать — подпис-чик, разносить — разнос-чик, грузить — груз-чик. В них *сч*, *зч* произносится как *щ*, но пишется везде то сочетание согласных, которое соответствует морфемному составу. В этом ярко проявляется ведущий принцип русского правописания: наше письмо в основном морфемное (или морфологическое), а не фонетическое (звуковое).

Внештатный — нештатный — общественный

Е. И. Котов (г. Анапа) спрашивает: «Как правильно сказать: „внештатный корреспондент“ или „нештатный корреспондент“? Можно ли в этом смысле употреблять сочетание „общественный корреспондент“?».

В современном русском языке для обозначения понятия «не состоящий в штате» или «не предусмотренный по штату» есть два синонима — *внештатный* и *нештатный*. Образованы эти прилагательные разными способами: первое — присоединением к основе существительного *штат* суффикса *-н-* и приставки *вне-*, соотносительной с предлогом *вне* (штат — внештатный, ср.: вне штата); второе — при помощи отрицательной приставки *не-* от противоположного по значению слова *штатный* ‘находящийся, состоящий в штате’ (штатный — нештатный). Из них чаще встречается *внештатный*, реже *нештатный*, хотя в последнее время употребление второго прилагательного, особенно на страницах прессы, несколько активизировалось. Оба слова не противоречат словообразовательным законам современного языка.

Несколько иной смысл имеет прилагательное *общественный:* в применении к названиям лица по должности, занятию оно означает ‘выполняющий эту работу добровольно и безвозмездно, без денежного вознаграждения, на общественных началах’. Отличие, следовательно, заключается в том, что *общественный корреспондент* не только не состоит в штате, но и не получает вознаграждения за работу, а *внештатный* (*нештатный*) *корреспондент* может такое вознаграждение получать.

Дебетовать

Вопрос о написании этого термина бухгалтерского учета задал нам Я. В. Соколов, старший преподаватель Ленинградского института советской торговли имени Ф. Энгельса.

Правильное написание — *дебетовать*. Оно рекомендовано недавно вышедшими толковыми словарями современного языка (семнадцатитомным и четырехтомным) и «Орфографическим словарем русского языка» (см., например, изд. 6-е, М., 1965). В «Орфографическом словаре» есть и глагол *дебитовать*, но он образован не от слова *дéбет*, а от слова *дебúт*, которое означает 'количество газа, воды, нефти или другой жидкости, даваемое источником в единицу времени'. Следовательно, данные глаголы имеют различное значение в соответствии со словами *дебет* и *дебит*, от которых они образованы.

Колебания в написании бухгалтерского термина *дебетовать* 'заносить, вписывать в дебет счета' объясняются, по-видимому, тем, что одно из написаний восходит к немецкому debetieren, а другое — к французскому debiter. Само же слово *дéбет* восходит к латинскому debet 'должен' (от debere 'быть должным').

Обилетить, обреить

«Кто придумал слово *обилетить?* — спрашивает читатель И. Л. Вашест из Новосибирской области.— Мне, например, оно „режет ухо", кажется ненужным (*обилетить*; тогда можно сказать: „Официантка нас окотлетила, а продавец охлебил")... Услышал я еще „новое" словцо — *обреить*. Это значит приделать (приклеить) к концам бумажных таблиц деревянные рейки, чтобы удобнее было работать в классе. Мне сказал завуч: „Возьмите таблицы и обрейте их". Существует ли такое слово? Или нужно сходить за бритвой и начать... брить?».

Вопрос И. Л. Вашеста имеет и более широкое значение. Как относиться к тем словам, которые не отмечены ни в одном из словарей современного русского языка, а создаются, возникают в процессе речи? В науке такие слова называются окказионализмами (они создаются для данного случая, «при оказии»). Надо прежде всего выяснить, соответствуют ли они тем словообразовательным моделям, которые имеются в языке.

Слова *обилетить* и *обреить* созданы по модели таких слов, как *озаглавить, окаймить, оперить, опушить, оснастить* и др. Все они означают 'снабдить, наделить тем предметом, от названия которого образованы данные слова': *озаглавить* 'снабдить заглавием', *окаймить* 'снабдить каймой' и т. п.; точно так же *обилетить* 'снабдить билетами', *обреить* 'снабдить, оборудовать рейками'. В речи постоянно возникают окказионализмы по этой модели. Вот несколько примеров: «Вокруг струится зеркальное небо, о г р а н е н н о е решеткой парапета» («Литературная газета», 14 марта 1964); «Место расчистки летного поля нашли, о к о н т у р и л и елками...» («Новый мир», 1964, № 8). Ср. окказионализм с другим суффиксом: «„Оптичковать", т. е. провести какое-то мероприятие с единственной целью — поставить в отчете „птичку"»

(«Юность», 1964, № 5). Но соответствия словообразовательным нормам еще мало. Судьба слова определяется степенью его общественной необходимости, его взаимоотношением с другими словами и выражениями, близкими по значению или по звучанию. Рассматривая с этой точки зрения слова *обилетить* и *обреить*, можно усомниться в том, что они войдут в общее употребление.

Слово *обилетить* возникло и употребляется в узкой профессиональной среде кондукторов и кассиров. Для профессиональных стилей характерно стремление к кратчайшему обозначению тех предметов и действий, которые относятся к данной профессии. Кондуктор иногда предпочитает сказать: «всех обилетила» вместо «всем продала билеты». По этой модели возник и ряд других слов, относящихся к специальной лексике, например: *остропи́лить, обдерни́ть, облёсить, обрешётить.*

Употребление таких слов в обиходной речи неуместно в силу их узкопрофессионального характера и поэтому часто вызывает протесты. Вот, например, отрывок из фельетона Б. Ласкина «Рассказ на заказ» («Литературная газета», 12 сентября 1964), в котором выделены нежелательные, с точки зрения автора, слова: «Мы о б и л е т и л и с ь и пошли в кино. Фильм был хороший, п е р е ж и в а т е л ь н ы й. Я сидел рядом с ней, и это было очень в о л н и т е л ь н о. А любое волнение с к а з ы в а е т с я н а п о н и ж е н и и о б щ е г о т о н у с а организма...». А в фельетоне М. Семенова «Во кузнице...» («Литературная газета», 19 января 1964) говорится: «Если серьезно вдуматься (тут я обращаюсь к моим коллегам-фельетонистам), то чем мы, собственно, заняты, сочиняя фельетоны для газет и журналов? Мы их о ф е л ь е т о н и в а е м».

Протест против «оказенивания» речи выражается иногда в создании заведомо смешных каламбурных новообразований. Комический эффект достигается здесь совпадением этих образований со словами, уже существующими в языке, но имеющими другое значение, например:

Шеф-поваром изношен был колпак
(Все старится — не может быть иначе!).
Решило дело руководство так:
Шеф-повара вторично «о к о л п а ч и т ь».
Я слышал, как один оригинал,
Распределив конкретные задачи,
Рассказывал, что личный персонал
Теперь на сто процентов «о з а д а ч е н».

А. НАГАЕВ. Шеф-повар о к о л п а ч е н

«Потом все три организации поставили себе по галочке: мероприятие проведено, пастухи нацелены, о з а д а ч е н ы и охвачены» («Известия», 18 апреля 1966).

Глагол *обреить* надо признать неудачным окказионализмом, так как формы повелительного наклонения этого глагола совпадают с формами глагола *обрить* (обрей, обрейте).

Ялтничать

Учитель А. М. Дегтярев из Ялты пишет нам: «Недавно я услышал вот какое слово. Встретились случайно два приятеля, приехавшие издалека: „Ты что здесь? *Ялтничаешь*? — *Ялтничаю*». Курортничать в Ялте, т. е. пропадать целый день на пляже, а вечером ходить в театры, рестораны, на танцплощадку, а то и просто болтаться на набережной, заводя случайные романтические знакомства — все это и значит *ялтничать*, поскольку происходит в Ялте. Может быть, появилось новое слово?».

Окказиональное слово *ялтничать* (от *Ялта*) образовано в соответствии с законами словообразования современного русского языка. Глаголы на *-ничать* представляют собой продуктивный словообразовательный тип. В речи постоянно возникают такие глаголы, они имеют обычно разговорный или просторечный характер. Возможны образования на *-ничать* и от слов, обозначающих место,— например, *курортничать*; ср. окказионализм *кулисничать*, созданный еще в начале прошлого века, а также глаголы с другими суффиксами, образованные от названия места: базар — базарить, балаган — балаганить, квартира — квартировать и др.

Такие глаголы означают обычно ‘пребывать в данном месте, совершать действия, обычные для данного места’. В соответствии с этим правилом русского словообразования и глагол *ялтничать* должен означать ‘совершать действия, обычные для Ялты’, вовсе не обязательно предосудительные. Глаголы на *-ничать* называют не только действия «отрицательные» (лоботрясничать, сплетничать, развратничать и т. п.), но и «положительные» или «нейтральные» (плотничать, сапожничать, соперничать, сумерничать и др.). Равным образом и глагол *ялтничать* может называть действия положительного характера (отдыхать, купаться, загорать, заниматься спортом, туризмом и т. п., словом, ‘совершать действия, обычные для Ялты’). «Отрицательное» же употребление слова оставим на совести приятелей, о которых пишет А. М. Дегтярев.

Возможно ли, что данное слово появится и сохранится в общем употреблении? История языка показывает, что образования от имен собственных закрепляются лишь в исключительных случаях, если они имеют большое общественное значение или распространение (например, дарвинизм).

Глаголы от имен собственных, вошедшие в общее употребление, неизвестны, хотя в литературе XIX века часто встречались такие слова, как *ковничать, ольдекопничать, василийльвовничать* и т. п. Поэтому *ялтничать* и другие образования, вроде *мисхорничать, симеизничать, сухумничать,* по-видимому, останутся окказионализмами узкоместного характера.

На письма читателей ответили сотрудники Института русского языка АН СССР **В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, Б. С. Шварцкопф** и доцент МГПИ им. В. И. Ленина **А. К. Панфилов.**

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

После опубликования в первом номере за этот год отрывков из рассказа Бориса Гусева «Человек издалека» («Неделя», 21 октября 1967) редакция получила много писем, в которых наши читатели указывают на стилистические неточности и прямые языковые ошибки, допущенные автором рассказа, например:

повторение однокоренных слов («Дорога *становилась* все хуже и хуже. Мы *остановились* посреди поля»);

иностилевые вкрапления, канцеляризмы («Брат Лехты, Павел, был в поле *на колхозных работах*»; «Он [отец] взял меня *на охоту и рыбную ловлю*»);

личное местоимение формально относится не к тому слову, с которым оно согласуется по смыслу («Бывал Александр Викторович. Сам он ничего не умел делать. Нужно было надеть на крючок червяка, дать ему [*червяку*?] в руки удочку. И тогда он [*червяк*?] *удил*»);

целый ряд погрешностей против здравого смысла («В воздухе *кружились* птицы: медленными кругами — галки, стремительными *зигзагами* — ласточки»; «...побежал, чуть не по пояс утопая в илистом дне») и т. д.

Наиболее интересные письма в редакцию прислали: учительница З. Дудырева из Челябинска, агроном А. Л. Крупнов из г. Крымска Краснодарского края, С. В. Кушков из г. Орджоникидзе, О. Матосов из Ростова-на-Дону, А. А. Вовк из г. Золотоноши Черкасской области, С. В. Соколовской из Риги.

Читатели выражают пожелания, чтобы и в дальнейшем в нашем «Практикуме по стилистике» приводились отрывки из опубликованных текстов. В этом номере мы перепечатываем несколько фраз из научных и критических статей.

Укажите на ошибки, исправьте предложения:

1. «Перед нами увлекательные задачи вдумчивого изучения богатой истории социалистического реализма, его современного развития, воспринимаемого во всей его реальной диалектике» («Вопросы литературы», 1967, № 10, стр. 49).

2. «Особенно ясно ложность выстроенной Э. Брауном схемы советской литературы обнаруживается при обращении его к творчеству М. Шолохова, тоже зачисленного по разряду "пролетариев"» (там же, стр. 107).

3. «Книга эта — со скромным названием „Стихи"— имела исключительный успех у читателей и критики — за короткое время выдержала два издания и была переведена на зарубежные языки» (Л. Мартынов. Первородство. М., 1965, Предисловие от издательства «Молодая гвардия», стр. 3).

4. «В первых же главах книги возникают картины, как собирались силы защиты Москвы в 1941 году, как советские люди учились воевать...» («Литературная Россия», 22 декабря 1967, стр. 11).

(Ответы на стр. 128)

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Опять мокроступы

В литературно - художественном сборнике «Волгарь», изданном Верхне-Волжским книжным издательством (Ярославль, 1967), опубликована статья «Русь моя, родина, русский язык» за подписью костромского писателя-былинника Василия Старостина. Опубликование языковедческой статьи можно было бы только приветствовать, если бы автор не допустил в ней, как признает сама редакция сборника в краткой вводной заметке к статье, целый ряд «перехлестов» и «выпадов», так что обойти молчанием подобный памфлет на современное состояние русского языка и языкознания просто невозможно.

Статья написана в форме распространенного в прошлом веке лубка

«для простонародного и солдатского чтения». Сквозь его нарочито развязный тон, рифмованные заклинания проступают то снисходительность посвященного к профанам, то самодовольство и безапелляционность наставника. Основная мысль автора заключается в том, что над русским языком нависла опасность неизбежной гибели или полного перерождения. «На наших глазах расшатываются русские основы в русском языке!» — восклицает автор. В чем видит автор эту великую опасность?

По мнению В. Старостина, начало перерождения русского языка положил Петр I, который «разум проявил малый», он «исказил, испортил, ожаргонил русский язык». М. В. Ломоносов частично задержал «чужесловное вторжение», но исправить положение полностью уже не смог. После его смерти процесс разложения русского языка продолжался. Особенной силы достиг он в результате зловредной деятельности «словарников-очистителей». Языковеды с каким-то злорадством справляют заупокойную тризну по русскому словотворению. В результате, на сто тысяч слов русских приходится сто тысяч иноземных да двенадцать тысяч аббревиатур. Русский язык в наше время нельзя назвать русским.

Уродуют русский язык не только академические словесники, но и советские писатели, как, например, Андрей Вознесенский или Илья Сельвинский. Евгений Пермяк хорошо владеет народной речью, но у него «два языка». Преподавая предметный урок провинившемуся писателю, В. Старостин берет на выбор сложное предложение из сочинений Е. Пермяка и перекладывает его на собственный лад. Знай наших!

В качестве немногих советских писателей, удовлетворительно знающих родной язык, автор статьи «Русь моя, родина, русский язык» смог назвать всего лишь двух писателей — Виктора Бокова и Юрия Помозова, хотя и «не дотянулись они еще, правда, до всех высот языковых русских». «Один только ратоборец Алексей Югов честно и настойчиво ратоборствует против иноязычного засилья». Остальные наши писатели, не названные В. Старостиным, очевидно, занимают срединное положение между двумя литературными полюсами — Алексеем Юговым и Андреем Вознесенским.

Так представляет себе положение с русским языком автор «Слова о Коловрате» Василий Андрианович Старостин. Какую же панацею предлагает он, чтобы спасти русский язык от нависшей над ним опасности? Прежде всего, необходима борьба с иностранными словами и не больше не меньше, как на уровне войны с Наполеоном и Гитлером (!). Иностранное слово — это «вор воробей; вора бей, не робей!».

По схеме автора статьи, порча русского языка началась с Петра I. Отсюда следует, что истинный русский язык следует искать в допетровской боярской Руси, а вернее, и того раньше — во временах героев народных былин и «Слова о полку Игореве», на которые любовно ссылается В. Старостин. Именно к пополнению лексикона эпохи Владимира Красное Солнышко сводится предлагаемое автором «словотворное мышление»: «короли королюют, послы послуют», «дурея», «враница», «прихожан» и прочие. Замечено, что любой защитник устарелых языковых форм неизбежно договаривается до «мокроступов» и «шаропехов». Договорился до них и Василий Андрианович: он не только **грамматику** заменяет **речестроем, суффиксы — словостройниками, а яровизацию — яровцовкой,** но и спешит выдать мандат на существование слова **мокроступы** на том основании, что его произнесла омская швейница. Наконец, как это ни курьезно, В. Старостин возводит в ранг идеального русского «словотворческого мыслителя» героя «Войны и мира» Платона Каратаева.

На характер статьи «Русь моя, родина, русский язык» могло повлиять то, что автор ее — перелагатель народных былин, стиль которых требует строжайшего соблюдения словесного комплекса, соответствующего изображаемой эпохе. Любое слово, вошедшее в лексикон позднее, неизбежно становится анахронизмом, тогда как какая-нибудь «добавинка» или «растопырина» может легко уложиться в речевой образ Коловрата или Ильи Муромца. В. Старостин, привыкший в своей работе раздражительно

относится к каждому новому слову, подошел к их полному отрицанию.

В наше время расцвета науки, техники и бурного развития языка статья В. Старостина при всех ее серьезных ошибках кажется лишь забавным литературным курьезом, напоминающим воинственную борьбу пуристов прошлого века за утверждение староцерковной самобытности русского языка.

А. П. ПЕТРОВ
г. Нея Костромской обл.

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы)

1. Цепочка родительных падежей; неясно, относится второе местоимение *его* к словам *социалистического реализма* или к слову *развития*.
2. ...зачисленного в разряд «пролетариев»...
3. Возможно только словосочетание *иностранные языки*.
4. Пропущено слово: ...возникают картины, показывающие, как собирались...; вместо *силы защиты Москвы* лучше *силы для защиты Москвы*.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. В. ВИНОГРАДОВ, В. Я. ДЕРЯГИН (ответственный секретарь), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. ФИЛИН, Н. Ю. ШВЕДОВА

Редакция: *К. И. Елагина* (зав. отделом языка художественной литературы), *С. А. Иванов* (зав. отделом культуры речи), *Л. Е. Лопатина* (зав. отделом информации и писем), *Ю. Ф. Хаустова* (старший литературный сотрудник), *Н. Г. Бландова* (зав. редакцией)

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: Г 6-29-33

Графическое оформление *Ю. И. Космынина*
Гравюра на обложке *Э. Широва*

Технический редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *Н. Н. Глаголева*, *Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 30/XII-1967 г. Т-04612 Подписано к печати 5/III—1968 г. Тираж 53400 экз.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆ Печ. л. 8 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 10,61 Зак. 7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10